НИКОЛАЙ НИКИФОРОВИЧЪ МУРЗАКЕВИЧЪ

1806—1883 гг.

I.

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ родился 21 апрѣля 1806 года, въ г. Смоленскѣ. Отецъ его, Никифоръ Адріановичъ, въ это время былъ діакономъ Успенскаго собора и не имѣлъ другихъ средствъ, кромѣ оклада по штату и ничтожныхъ подачъ за исполненіе церковныхъ требъ. Въ 1812 г. онъ состоялъ священникомъ Одигитріевской церкви и, въ числѣ немногихъ, оставался въ Смоленскѣ, когда его заняли французы. Священникъ Никифоръ Адріановичъ извѣстенъ какъ защитникъ своей церкви и ея имущества отъ разграбленія непріятеля и какъ энергическій заступникъ за своихъ соотечественниковъ передъ французскими властями; онъ извѣстенъ также какъ вполнѣ честный человѣкъ, никогда не сходившій съ прямаго пути. Тѣ-же энергія, устойчивость и неподатливость перешли въ наслѣдство и къ его сыну, Николаю Никифоровичу, который, не смотря на гнетущую бѣдность среды, отсутствіе присмотра и неблагопріятныя вліянія семинарскаго обученія, не потерялся и сохранилъ въ себѣ хорошія стремленія. По совѣту своего старшаго брата Иліи, память котораго чтилъ съ особенною любовью въ теченіе всей своей жизни, онъ началъ готовиться къ поступленію къ университетъ. Николая Никифоровича никогда не покидали любовь къ природѣ и влеченіе къ чему-то лучшему, не похожему на то, что представляла ему подъ-часъ очень непривлекательная дѣйствительность. Въ Смоленскѣ зародилась въ

немъ, во время прогулокъ по городскимъ стѣнамъ, страсть къ исторіи и къ древностямъ, перенесенная впослѣдствіи въ другую страну и сдѣлавшаяся серьёзною цѣлью его жизни.

Въ Москву Николай Никифоровичъ прибылъ 19 лѣтъ. Бодрый молодостію и крѣпкій вѣрою въ университетскую науку, онъ вступилъ, въ 1825 г., на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Тогда еще не было студенческихъ стипендій, и Николаю Никифоровичу пришлось терпѣть и голодъ, и холодъ. Онъ въ продолженіе цѣлыхъ недѣль питался однимъ чаемъ и жилъ въ такомъ помѣщеніи, въ которомъ замерзала вода въ стаканѣ. На лекціи онъ ходилъ даже и въ зимнюю стужу въ лѣтней одеждѣ, съ надеждой обогрѣть себя въ теплой аудиторіи. Но какое горе, когда университетскій сторожъ торжественно оповѣщалъ: „профессора не будетъ"!... Тогда предстояло снова измѣрять безконечныя пространства, покрытыя полузамерзшими лужами... Подъ вліяніемъ этихъ стѣсненій и лишеній окончательно выработался твердый характеръ Николая Никифоровича и сложилось его замѣчательно крѣпкое здоровье, надежно служившее ему въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ.

Къ лучшимъ воспоминаніямъ студенческой жизни Николай Никифоровичъ относитъ свою дружбу съ студентами-товарищами: Шостакомъ и Кирьяковымъ. „Шостакъ, говоритъ Николай Никифоровичъ, былъ весь пылъ, пламя; Кирьяковъ—теплый и отрадный огонь, отъ котораго не хотѣлось отойти". Этой дружбѣ онъ остался вѣренъ въ теченіи всей своей жизни.

По окончаніи курса, въ 1828 г., съ званіемъ дѣйствительнаго студента, молодой человѣкъ находился нѣкоторое время въ состояніи раздумья, весьма понятнаго въ его положеніи: безъ средствъ и безъ связей, онъ не зналъ что̀ съ собою дѣлать и въ чему себя пристроить. Сначала онъ отправился въ Смоленскъ, гдѣ отдалъ свои досуги изученію родной старины; потомъ возвратился въ Москву и принялъ мѣсто учителя при дѣтяхъ одного помѣщика. Но это занятіе, кажется, не пришлось ему по вкусу, и Николай Никифоровичъ вскорѣ, по вызову своего университетскаго товарища и друга Кирьякова, отправился въ Одессу. По пути онъ снова заѣхалъ въ Смоленскъ повидаться съ своимъ престарѣлымъ отцомъ.

Пріѣздъ въ Одессу (1830 г.) совершенно оживилъ Николая

Никифоровича. Онъ поселился у Кирьякова и, при его содѣйствіи, сразу вошелъ въ высшее общество въ городѣ. А Одесса въ 1830-хъ годахъ соединяла въ себѣ все, что было у насъ образованнаго, изящнаго и богатаго и что по какимъ либо причинамъ не могло или не хотѣло примириться съ жизнью въ столицѣ или же въ чужихъ краяхъ. Южный климатъ, солнце и тепло въ теченіи бо́льшей части года, блещущее радужными переливами чудное Черное море,—море, на которое засматривался и которое не могъ забыть Пушкинъ, итальянская опера, гдѣ „упоительный Россини, Европы баловень—Орфей“ очаровывалъ своею музыкою, звучная итальянская рѣчь на улицахъ, дешевизна портофранко и вообще приволье и легкость жизни полуиностраннаго и полурусскаго города, въ связи съ просвѣщеннымъ обхожденіемъ и доступностію новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Михаила Семеновича Воронцова—привлекали къ Одессѣ общее сочувствіе. Каждый невольно осваивался съ этимъ прекраснымъ уголкомъ и многіе кончали тѣмъ, что привязывались къ Одессѣ искренно и навсегда. Одесса и на Николая Никифоровича произвела сильное впечатлѣніе. Сѣверянинъ по рожденію и воспитанію, онъ впервые испытывалъ обаянье юга, ощущалъ его жизненныя силы и любовался яркостію его красокъ. Радушно принятый въ кружкѣ Кирьякова, принадлежностью котораго долгое время были утонченное образованіе, искусство, красота и свѣтская предупредительность, обласканный графомъ Воронцовымъ, сразу угадавшимъ въ молодомъ человѣкѣ честность убѣжденій и порядочность привычекъ, Николай Никифоровичъ избралъ Одессу мѣстомъ своего постояннаго жительства и не измѣнялъ ей никогда.

Вскорѣ Николай Никифоровичъ поступилъ на службу по таможенному вѣдомству. Но механизмъ канцелярскихъ занятій не удовлетворялъ его, и онъ принялъ должность учительскаго помощника при Ришельевскомъ лицеѣ. Спустя немного времени, попечитель Покровскій предложилъ ему (1832 г.) должность надзирателя за внутренними воспитанниками лицея и уроки всеобщей исторіи и географіи въ гимназическихъ классахъ этого заведенія. Ришельевскій лицей еще сохранялъ порядки, завѣщанные ему его учредителемъ аббатомъ Николь, хотя новыя вліянія уже начинали давать этому заведенію другой характеръ.

Аббатъ Николь и его сотрудники, воспитанные въ до-революціонной Франціи, ревностные католики и аристократы по убѣжденію, вовсе не знали Россіи; ни ея прошлое, ни ея будущее ничего имъ не говорило. За то они хорошо знали русское высшее общество и его привязанность ко всему иностранному. Ришельевскій лицей былъ созданъ именно для этого общества, которое, помѣщая туда своихъ дѣтей, находило тѣ-же порядки и тѣ-же условія обученія и воспитанія, среди коихъ оно само обучалось и воспитывалось. Это было вполнѣ иностранное учебное заведеніе. Господствующую роль въ немъ игралъ французскій языкъ, на которомъ велось преподаваніе большинства предметовъ, а русскій языкъ былъ поставленъ въ положеніе языка иностраннаго. Не смотря на это, воспитанникамъ лицея были дарованы права, какими не пользовались студенты университетовъ. Какъ истинно русскій человѣкъ, воспитанникъ русской и православной Москвы, Николай Никифоровичъ глубоко скорбѣлъ о столь неестественномъ направленіи въ обученіи русскаго юношества и съ нетерпѣніемъ ожидалъ преобразованія лицея, въ духѣ учебнаго заведенія, отвѣчающаго національнымъ и государственнымъ потребностямъ Россіи. Тѣмъ не менѣе онъ относился въ высшей степени сочувственно къ тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя были положены въ основаніе воспитанія въ лицеѣ. Объ аббатѣ Николь Николай Никифоровичъ отзывался какъ о безукоризненномъ воспитателѣ, неутомимо-дѣятельномъ, безпристрастномъ и безкорыстномъ; сотрудники его: аббаты Буавенъ и Рафлишъ, и профессора: Віаръ и Надѣ, были люди съ основательнымъ образованіемъ и преданные своему долгу, съ которыми едва-ли могли стать въ уровень преподаватели русскихъ предметовъ. Достаточно замѣтить, что учителемъ русскаго языка былъ назначенъ учитель танцованія Жуковъ.

Послѣ защищенія въ московскомъ университетѣ магистерской дисертаціи и утвержденія въ степени магистра философіи, Николай Никифоровичъ былъ назначенъ сначала адъюнктомъ лицея (1837 г.), а чрезъ два года профессоромъ по каѳедрѣ россійской исторіи и статистики. Въ 1853 г., непосредственно за ревизіей лицея товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Норовымъ, на Николая Никифоровича возложены были обязанности директора Ришельевскаго лицея. Управляя четыре года

этимъ заведеніемъ, новый директоръ старался устранить замѣченные ревизіей недостатки и поднять значеніе русской науки и русскаго вліянія. Можно думать, что эти старанія были не безъуспѣшны, судя по тому, что ему была объявлена „искренняя признательность министра народнаго просвѣщенія за полезные труды по приведенію Ришельевскаго лицея въ такое состояніе, въ какомъ должно находиться русское учебное заведеніе (15 іюля 1854 г. № 5668)“. Въ 1857 г. Николай Никифоровичъ, вслѣдствіе прошенія, уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіею, должности присвоенной, прослуживъ 27 лѣтъ учителемъ, воспитателемъ, профессоромъ и директоромъ лицея.

Сверхъ своихъ служебныхъ занятій въ лицеѣ, Николай Никифоровичъ отдавалъ свои труды еще и другимъ учрежденіямъ. Сначала онъ принялъ на себя обязанности секретаря общества сельскаго хозяйства южной Россіи и редактора его „Листка“; потомъ ему было ввѣрено завѣдываніе одесской городской публичной библіотекой и городскимъ музеемъ. Въ это же время онъ занимался изданіемъ новороссійскаго календаря и одесскаго альманаха. Почти съ первыхъ годовъ своего переселенія на югъ Россіи, Николай Никифоровичъ началъ серьезно знакомиться съ краемъ, предпринимая частыя поѣздки по черноморскому побережью, по Бессарабіи и по Крыму. Его поѣздка на мѣсто древней Ольвіи и случайно найденныя тамъ нѣсколько монетъ пробудили въ немъ давнишнюю страсть къ археологіи и нумизматикѣ. „Съ Ольвіи, вспоминаетъ Николай Никифоровичъ, начались мои монетные поиски и изданіе моего перваго опыта Descriptio nummorum, а также нѣкоторая моя извѣстность“. За этимъ первымъ опытомъ не замедлили появиться и другіе его труды. Помѣщаемъ списокъ ихъ, составленный, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Descriptio nummorum veterum graecorum atque romanorum, 1835 г.

2) Поѣздка въ Крымъ, 1836 г., напечатано въ Журн. Мин. Нар. Просв.

3) Переводъ Арріанова Перипла Понта Эвксинскаго, съ объяснительными комментаріями, 1836 г.

4) Географическая карта древнихъ эллинскихъ поселеній при берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, 1836 г.

5) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму, 1837 г.

6) Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у Болгаръ.

7) О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи.

8) Descriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum, 1841 г.

9) Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи за истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 по 1846 г.

10) Псковская Судная Грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 г., изд. 1847 г.

11) Письма царевича Алексѣя Петровича къ его родителю Петру Великому, 1850 г.

12) Статейный списокъ посланниковъ стольника В. Тяпкина и дьяка Зотова посольства въ Крымъ въ 1680 г. для заключенія бахчисарайскаго договора, 1850 г.

13) Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Л. Коржа.

14) Путеуказатель южнаго берега Крыма, 1866 г.

Окончательно опредѣлившееся направленіе занятій Николая Никифоровича, въ связи съ ознакомленіемъ съ Новороссійскимъ краемъ, его поиски въ мѣстныхъ казенныхъ архивахъ и въ частныхъ собраніяхъ, увѣнчавшіеся открытіемъ въ библіотекѣ графа Воронцова Псковской судной грамоты и подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича,—были ближайшимъ поводомъ къ учрежденію въ Одессѣ Общества исторіи и древностей. Зная какъ мало разработана исторія мѣстностей, прилегающихъ къ Черному и Азовскому морямъ, зная также, что подобный трудъ могъ быть выполненъ только соединенными усиліями многихъ свѣдущихъ людей, Николай Никифоровичъ предпринялъ ходатайство объ открытіи въ Одессѣ общества, имѣющаго цѣлью историческое и археологическое изученіе Новороссійскаго края. Это ходатайство, сочувственно встрѣченное среди образованной части мѣстныхъ жителей и горячо поддержанное попечителемъ учебнаго округа Княжевичемъ, получило полный успѣхъ. Николай Никифоровичъ, какъ членъ основатель задуманнаго имъ учрежденія, 23 апрѣля 1839 г. былъ избранъ секретаремъ его и отвѣтственнымъ редакторомъ. Всѣ лучшія тогдашнія силы вошли въ это общество; труды его стали появляться подъ скромнымъ названіемъ „Записокъ“, томъ за томомъ, въ объемистыхъ in 4°. Первый томъ „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древно-

стей" вышелъ въ 1845 г., второй томъ — въ 1848 г., третій — въ 1854 г., четвертый—въ 1860 г., пятый—въ 1863 г., шестой—въ 1867 г., седьмой — въ 1868 г., восьмой — въ 1872 г., девятый—въ 1875 г., десятый—въ 1877 г., одиннадцатый—въ 1879 г., двѣнадцатый—въ 1881 г. и тринадцатый—въ 1883 г. Двѣнадцать томовъ вышло подъ редакціею Николая Никифоровича, а въ тринадцатомъ томѣ, появившемся послѣ его смерти, редактирована имъ только часть его. Помѣщенные въ „Запискахъ" Общества труды Николая Никифоровича, обнимавшіе археологію, исторію и нумизматику, имѣли цѣлію сначала изслѣдованіе древнихъ поселеній по берегамъ Черноморскаго бассейна; но съ поступленіемъ въ библіотеку Общества богатыхъ матеріаловъ, относившихся ко времени утвержденія русскаго владѣнія въ Новороссійскомъ краѣ, ученая дѣятельность редактора сосредоточивалась преимущественно на XVIII в. и въ особенности на государственныхъ подвигахъ любимаго имъ кн. Потемкина-Таврическаго. Тѣмъ не менѣе въ каждомъ томѣ „Записокъ" можно встрѣтить принадлежащія перу Николая Никифоровича описанія монетъ, изслѣдованіе которыхъ составляло постоянно его любимое занятіе. Кромѣ собранія значительнаго числа историческихъ изслѣдованій, наполнившихъ тринадцать томовъ „Записокъ", составляющихъ результатъ 40-лѣтней службы Николая Никифоровича Обществу, къ его стараніямъ слѣдуетъ также отнести Высочайшее разрѣшеніе Одесскому Обществу Исторіи и Древностей дѣлать археологическія изысканія на всемъ пространствѣ Новороссійскаго края и Черноморскаго и Азовскаго побережій, а также присвоеніе этому учрежденію наименованія Императорскаго. Цѣня ученую дѣятельность Николая Никифоровича, Общество избрало его, 10 марта 1875 г., своимъ вице-президентомъ, съ оставленіемъ редакторомъ „Записокъ" и директоромъ музея.

Общественныя и ученыя заслуги Николая Никифоровича были признаны и другими учрежденіями у насъ и за границею. Онъ состоялъ членомъ: императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, курляндскаго общества литературы и искусствъ, тиберійской академіи въ Римѣ, аркадской академіи въ Римѣ, аѳинскаго археологическаго общества, императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, статистическаго отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,

копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, русскаго географическаго общества, с.-петербугскаго археологическо-нумизматическаго общества, бѣлградскаго общества сербской словесности, бельгійской археологической академіи, московскаго археологическаго общества, московскаго музея имени Государя Наслѣдника Цесаревича, комитета для производства археологическихъ раскопокъ въ херсонисскомъ монастырѣ и по сооруженію тамъ христіанскаго музея, коммиссіи о принятіи мѣръ къ сохраненію отечественныхъ памятниковъ, общества древне-русскаго искусства при московскомъ публичномъ музеѣ; состоялъ директоромъ одесскаго попечительнаго комитета о тюрьмахъ, членомъ комитета для принятія мѣръ на случай покушенія непріятеля на Одессу; принималъ участіе въ археологическихъ съѣздахъ: первомъ въ Москвѣ, во второмъ въ С.-Петербургѣ и въ третьемъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, на Николая Никифоровича возлагались слѣдующія порученія: онъ былъ командированъ для разбора архива въ крѣпость св. Димитрія Ростовскаго; находился при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, во время обозрѣнія его императорскимъ высочествомъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, Новороссійскаго края и земли войска донскаго; состоялъ предсѣдателемъ комиссіи для пріобрѣтенія книгъ для тифлисской публичной библіотеки; устраивалъ ѳеодосійскій музей древностей; по распоряженію военнаго министерства, привелъ въ должный видъ могилу фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго и надгробія лицъ, убіенныхъ при взятіи Очакова, въ херсонской крѣпостной церкви.

II.

Оставивъ службу по министерству народн. просв., Николай Никифоровичъ получилъ возможность свободнѣе располагать своимъ временемъ. И прежде, почти ежегодно, онъ пользовался вакаціями и ѣздилъ въ Петербургъ, Москву, по средней и южной Бессарабіи, на островъ Фидониссу, нѣсколько разъ объѣхалъ Крымъ, перерѣзалъ Кавказъ отъ укрѣпленій восточнаго берега до Тифлиса и Эчміадзина. Эти путешествія имѣли цѣлію знакомство съ археологическою мѣстностію и изученіе остатковъ древностей. По оставленіи лицея, Николай Никифоровичъ начинаетъ рядъ своихъ поѣздокъ и въ чужіе края. Онъ посѣтилъ Константинополь, Іерусалимъ, Александрію, Каиръ и всходилъ на пирамиды; потомъ нѣсколько разъ былъ въ Вѣнѣ, въ Римѣ и Неаполѣ. Николай Никифоровичъ имѣлъ обыкновеніе аккуратно записывать въ свой дневникъ мѣста, гдѣ ему приходилось бывать, и все то, что ему случалось видѣть. Но гдѣ находится дневникъ, относящійся къ этимъ поѣздкамъ, пока еще неизвѣстно. Отыскались только три его записныя дорожныя книжки, обнимающія болѣе позднее время,—съ мая 1862 г. по іюнь 1883 года. Первая изъ этихъ книжекъ заключаетъ въ себѣ описаніе путешествій съ 16 мая 1862 г. по Дунаю, черезъ Вѣну, Тироль, Венецію, сѣверную Италію, въ Геную; потомъ на Марсель, въ южную Испанію и черезъ Мадридъ, Тулузу, Ліонъ, въ Женеву, Страсбургъ, Нюренбергъ, Мюнхенъ и Вѣну. Во второй книжкѣ находятся замѣтки, относящіяся къ поѣздкамъ съ 15 февраля 1869 г. въ Кіевъ, въ Петербургъ, въ Москву на первый археологическій съѣздъ, въ Крымъ, въ Петербургъ на второй археологическій съѣздъ. Третья и послѣдняя книжка наполнена замѣтками съ 1880 г. во время неоднократныхъ поѣздокъ въ Крымъ, Николаевъ, Херсонъ, Кіевъ на третій археологическій съѣздъ, Москву и Петербургъ. 17 іюня 1883 г. въ г. Ялтѣ оканчиваются эти замѣтки. Въ записныхъ дорожныхъ книжкахъ Николая Никифоровича находится много замѣтокъ по археологіи, описанія нѣкоторыхъ архитектурныхъ зданій, замѣчательныхъ по красотѣ и оригинальности своей постройки, и

заглавія найденныхъ въ итальянскихъ архивахъ актовъ, относящихся къ исторіи итальянскихъ колоній въ Новороссійскомъ краѣ. Туда-же занесены его встрѣчи съ людьми, которыхъ ему приходилось видѣть во время поѣздокъ.

Кромѣ этихъ книжекъ, Николай Никифоровичъ оставилъ еще свою автобіографію, собственноручно имъ писанную и вмѣщающую въ себѣ событія съ 1806 г. по 1852 г.,—время назначенія его директоромъ Ришельевскаго лицея. Автобіографія Н. Н. Мурзакевича помѣщается вслѣдъ за симъ. Искренность и правдивость составляютъ ея главное достоинство. Въ высшей степени любопытно описаны въ ней порядки, существовавшіе въ смоленской духовной семинаріи, въ первой четверти настоящаго столѣтія. Затѣмъ съ неменьшимъ интересомъ представляетъ автобіографія пребываніе автора въ московскомъ университетѣ, бытъ студентовъ того времени, отношеніе къ нимъ профессоровъ и ихъ лекціи. Пріѣздъ въ Одессу Николая Никифоровича, новыя условія жизни и новое общество, Ришельевскій лицей и его дѣятели въ различные періоды существованія этого учрежденія, въ свою очередь, дѣлаютъ этотъ посмертный трудъ участника и очевидца весьма цѣннымъ матеріаломъ для исторіи Одессы и въ частности для исторіи бывшаго ея высшаго учебнаго заведенія. Въ автобіографіи находится не мало подробностей и объ одесскомъ обществѣ Исторіи и Древностей, какъ о разсадникѣ археологическаго изученія Новороссійскаго края. Рядомъ съ этими свѣдѣніями, Николай Никифоровичъ помѣстилъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія о множествѣ людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться на своемъ многообъемлющемъ житейскомъ пути; съ вѣрностію фотографа онъ изображаетъ ихъ внѣшность и ихъ нравственный обликъ, и съ точностію стенографа передаетъ ихъ мнѣнія и рѣчи. Наконецъ, автобіографія и замѣтки въ дорожныхъ книжкахъ Николая Никифоровича заключаютъ въ себѣ достаточныя данныя для уясненія его личности.

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ отличался сердечною добротою, честностію и прямотою убѣжденій, и примѣрнымъ безкорыстіемъ. Крайне строгій къ себѣ, когда шла рѣчь объ исполненіи долга, онъ не менѣе былъ строгъ и въ отношеніи другихъ, и требовалъ отъ каждаго точнаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей. Онъ не допускалъ никакихъ послабленій и

сдѣлокъ въ нравственныхъ вопросахъ, твердо вѣря, что за всякою неправдою съ неумолимою строгостію должно слѣдовать возмездіе. И его постояннымъ правиломъ жизни, принятымъ еще во время студенчества, было слѣдующее изреченіе Цицерона: „lento gradu ad vindictam procedit ira, sed tarditas gravitate supplicii compensat“. Значеніе профессора Николай Никифоровичъ ставилъ чрезвычайно высоко; въ ряду другихъ дѣятельностей онъ признавалъ эту дѣятельность самой почетной и требовалъ къ ней особеннаго уваженія. По его понятіямъ для нея могло быть только одно дѣло — служеніе наукѣ. Поэтому, онъ не могъ скрыть своего негодованія, когда между его товарищами появилась погоня за разными житейскими интересами, или же когда ихъ время отдавалось игрѣ въ карты. Въ Петербургѣ, при видѣ за карточнымъ столомъ нѣкоторыхъ знаменитостей петербургскаго и московскаго университетовъ, у него невольно вырвалось восклицаніе: „Heu mihi! Зараза, значитъ, не въ одномъ лицеѣ!“... Воспитавъ въ себѣ глубокое, почти религіозное, уваженіе къ остаткамъ древности, онъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ клеймилъ невѣжественное обращеніе съ ними извѣстныхъ керченскихъ кургано-копателей, смотрѣвшихъ на предметъ своихъ изысканій, какъ на источникъ наживы.

Николай Никифоровичъ не останавливался ни передъ какими личными соображеніями, когда ему приходилось говорить правду, и говорилъ ее сильнымъ людямъ,—своему начальству, попечителямъ Княжевичу, Бугайскому, Демидову и Пирогову. Не встрѣтивъ въ послѣднемъ оцѣнки руководившихъ имъ намѣреній, онъ немедленно оставилъ должность директора лицея. Не могъ онъ уживаться и съ людьми себѣ на умѣ, пользовавшимися обстоятельствами для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, и по этой причинѣ онъ явно разошелся съ извѣстнымъ Н. И. Надеждинымъ, который имѣлъ тогда безграничное вліяніе на попечителя Княжевича.

Занимая должности профессора и директора лицея въ то время, когда еще существовала нравственная связь между учащими и учащимися, Николай Никифоровичъ не ограничивался однимъ чтеніемъ лекцій или же формальнымъ проявленіемъ своей власти; но былъ постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ своихъ слушателей, и пользовался ихъ полнымъ сочувствіемъ.

„Снисходительность, говоритъ онъ въ автобіографіи, настойчивость и неуступчивость въ благоразумно приказанномъ, справедливость и отнюдь не мстительность и не злопамятство — вотъ тотъ рычагъ, которымъ я постоянно дѣйствовалъ на ввѣренную мнѣ молодёжь". И это не были одни слова. Многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ лицея, находящіеся уже въ серьезномъ возрастѣ, вспоминаютъ съ благодарностію его отеческіе совѣты, иногда очень рѣзкіе, но всегда полные самаго теплаго участія. Многіе были имъ во-время остановлены на скользкомъ пути юношескихъ увлеченій. У всѣхъ сохранилось убѣжденіе, что Николай Никифоровичъ никому не сдѣлалъ зла.

Въ Одессѣ не было человѣка, который бы не зналъ его — его тамъ называли просто Николай Никифоровичъ, — онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Любили въ немъ душевную простоту, скромность и доступность; уважали за порядочность мнѣній и привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ кругу образованныхъ людей, составлявшихъ его постоянное общество; уважали его независимость. Ни для кого не было тайной, что матеріальныя средства Николая Никифоровича были очень незначительны: они заключались въ небольшой пенсіи за службу по мин. нар. просв. Не смотря на это, онъ никогда не испытывалъ того удручающаго состоянія, которое часто является спутникомъ лишеній; но, напротивъ, всегда сохранялъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства и пріятное, ровное расположеніе духа. „Мой сѣрый сюртукъ, говаривалъ не безъ гордости Николай Никифоровичъ, неизмѣнно служилъ мнѣ въ Петербургѣ, Москвѣ и Тифлисѣ; видѣли меня въ немъ въ Вѣнѣ, Римѣ, Севильѣ и на египетскихъ пирамидахъ,—и вездѣ я смѣло смотрѣлъ людямъ въ глаза"...

Николай Никифоровичъ скончался въ Одессѣ 16-го октября 1883 г., на 77 г., возбудивъ искреннее сожалѣніе въ мѣстномъ обществѣ. Въ Одессѣ долго еще будетъ замѣтна его утрата,— въ обществѣ Исторіи и Древностей, гдѣ каждый предметъ говоритъ о немъ, и среди его друзей, любившихъ его веселую, безпритязательную бесѣду. Опустѣвшее мѣсто на приморскомъ бульварѣ, гдѣ ежедневно, въ послѣобѣденное время, можно было видѣть Николая Никифоровича, будетъ напоминать, что однимъ честнымъ и истинно добрымъ человѣкомъ стало меньше....

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и слѣдующіе высшіе ордена: св. Станислава 1 степени, св. Анны 1 степ. и св. равноапостольнаго кн. Владиміра 2-й ст.

По приглашенію ред. „Русской Старины“—М. И. Семевскаго, принявъ на себя редакцію посмертнаго труда Николая Никифоровича Мурзакевича, мы позволили себѣ: во-первыхъ, раздѣлить его на главы, съ указаніемъ содержанія оныхъ, считая это болѣе удобнымъ при чтеніи, и во-вторыхъ, присоединили къ нему, для объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ текста, нѣсколько примѣчаній. Къ этому считаемъ еще необходимымъ прибавить, что при составленіи настоящаго очерка мы пользовались вышеупомянутыми автобіографіею Николая Никифоровича и его записными дорожными книжками, брошюрою „Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ (Спб., 1877 г.)“, а также свѣдѣніями, извлеченными изъ оффиціальныхъ документовъ. Независимо отъ этого, мы почерпнули въ нашей памяти многое о Николаѣ Никифоровичѣ, съ которымъ были долго и близко знакомы.

Кн. Вас. Дм. Дабижа.

1 мая 1886 г.
С.-Петербургъ.

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

От запада и отъ востока,
Отъ горъ, пустыней и морей
Нѣтъ человѣка безъ порока,
Безъ слабостей и безъ страстей.
Державинъ.

Verba animi profero,
Verba volant, scripta manent.

I.

Священникъ Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ, отецъ автора „Автобіографіи".—Жизнь отца Никифора въ г. Смоленскѣ.

На одной изъ незначительныхъ улицъ Смоленска, носившей, однако, историческое имя „Рѣзницкой", расположенной надъ оврагомъ, тянущимся отъ стѣнъ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, и у подошвы церкви Воскресенской находился длинный рядъ бѣднѣйшихъ деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ плодовитыми деревьями яблонь, сливъ и грушъ; въ одной изъ такихъ хижинъ проживалъ съ семействомъ соборный іподіаконъ, а потомъ діаконъ Успенскаго каѳедральнаго собора Никифоръ. Полная бѣдность царствовала въ большой семьѣ (состоявшей, кромѣ престарѣлой матери, изъ трехъ сыновей: Ильи, Константина и Ивана, и трехъ дочерей: Александры, Елены и Екатерины). Денежный окладъ по штату и ничтожныя подачи за исполненіе церковныхъ требъ составляли скудный доходъ. Овощи домашняго огорода и древесные плоды составляли преимущественное

подспорье въ пищѣ этому семейству. Одежда для всѣхъ дѣтей готовилась руками неутомимой матери. Свободное время отъ должности діаконской при соборѣ, а иподіаконской при епархіальномъ епископѣ, которымъ тогда былъ Парѳеній Сопковскій—мужъ ученый, строгій, но добрый, Никифоръ охотно употреблялъ на чтеніе книгъ историческаго содержанія; книгами такими ссужалъ знакомецъ, братъ епископовъ. Встрѣчаемыя указанія историческія касательно города Смоленска, извѣстнаго своею отдаленною древностью, внимательный чтецъ отмѣчалъ въ особыхъ выпискахъ и этимъ путемъ положилъ начало „Смоленской исторіи". Къ счастью бѣднаго труженика, судьба послала четырехъ молодыхъ людей, которые, обративъ вниманіе на любопытныя замѣтки, одобрили трудъ полезный, а одинъ изъ нихъ даже оказалъ существенную услугу присылкою потомъ многихъ книгъ, касающихся русской исторіи. Четыре молодые человѣка были — кончившіе курсъ въ московскомъ университетѣ: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П. С. Кайсаровъ [1]) и Воиновъ, отправившіеся для усовершенствованія въ наукахъ за границу. Александръ Ивановичъ, написавъ своему отцу, бывшему директоромъ университета, о любознательномъ клерикѣ, упросилъ помочь ему доставкою необходимыхъ книгъ. Тургеневъ, принадлежавшій къ обществу, учрежденному Новиковымъ для распространенія въ отечествѣ полезныхъ знаній, охотно исполнилъ просьбу сына: цѣлая сотня томовъ книгъ исторіи россійской—Татищева, Щербатова, Штриттера, лѣтописи—Кенигсбергская, Никоновская, древняя Вивліоѳика и проч. немедленно безденежно были доставлены.

Поощренный такимъ вниманіемъ, Никифоръ такъ усердно принялся за начатый трудъ, что все свободное отъ службы время посвятилъ на изученіе источниковъ. Усидчивость, несоразмѣрная съ силами, не замедлила было проявиться сильною грудною болью и кровотеченіемъ, но строго-правильная жизнь и здоровый воздухъ, при хорошей водѣ (изъ колодца, прозваннаго

---

[1]) А. И. Тургеневъ, впослѣдствіи директоръ канцеляріи министра духовныхъ дѣлъ и народн. просвѣщенія; И. А. Двигубскій—ректоръ московскаго университета; П. С. Кайсаровъ—корпусный командиръ.

Кн. В. Д.

жителями „Здоровцевъ“, слышаго также и „Смоліговымъ“), и хлопотливая служебная дѣятельность не дали болѣзни овладѣть ослабленнымъ тѣломъ.

„Исторія губернскаго города Смоленска“ съ небольшимъ въ три года была кончена въ 1804 году. Рукопись свою авторъ счелъ нужнымъ представить своему епархіальному начальнику-епископу Димитрію Устиновичу, но, вмѣсто ожидаемаго одобренія, встрѣтилъ жестокій пріемъ. Пораженный невниманіемъ къ труду и грубостью обращенія, совсѣмъ не пастырскаго, Никифоръ обратился съ просьбою о пособіи къ изданію къ губернатору Гедеонову, а онъ уже послалъ къ генералъ-губернатору Ст. Ст. Апраксину. Этотъ просвѣщенный вельможа не только одобрилъ ласковымъ пріемомъ автора, но и далъ средства къ напечатанію книги, предложивъ, чрезъ губернатора, городскому обществу сдѣлать зависѣвшее отъ него пособіе. Городское общество положило книгу напечатать въ городской типографіи на счетъ города, дало бумагу свою и сверхъ того сдѣлало подписку на 100 экземпляровъ. Тогда же для полноты труда автору магистратъ открылъ свой архивъ, изъ котораго въ переводѣ на русскій языкъ съ польскаго были помѣщены: „Права и привилегіи, данныя Смоленску отъ литовско-польскихъ королей и русскихъ царей“, до того никогда неизданныя и никому изъ историковъ неизвѣстныя.

Книгу, конченную печатаньемъ, благодушный Апраксинъ, при особомъ письмѣ, представилъ завѣдывавшему въ синодѣ духовными дѣлами, князю А. Н. Голицыну, съ просьбою поднесть ее императору Александру I. Подарокъ императорскій въ пятьсотъ рублей серебромъ былъ началомъ послѣдовавшаго затѣмъ благосостоянія скромнаго труженика. Даже суровый епископъ Димитрій смягчился, произведя историка въ священники къ Одигитріевской церкви. Собранныя отъ подписчиковъ деньги—до 2,000 рублей — дали возможность значительно улучшить бытъ. Порядочный деревянный домъ возлѣ приходской Одигитріевской церкви былъ купленъ, и семейство съ удобствомъ въ немъ помѣстилось. Ученая извѣстность духовнаго лица, въ то время еще рѣдкая, знакомство лицъ правительственныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, поставили молодаго священника на почетное мѣсто.

II.

Воспоминанія дѣтства Николая Никифоровича Мурзакевича.—1812 годъ.—Занятіе Смоленска французами.—Самоотверженная дѣятельность священника Никифора Мурзакевича.

Въ эту эпоху я родился, именно апрѣля 21-го 1806 г. Изъ младенчества моего я помню только два случая. Одинъ — какъ я, бывъ оставленъ на произволъ, завязъ гдѣ-то между заборами двухъ стѣнъ такъ, что съ трудомъ былъ вытащенъ и, по обычаю, наказанъ; другой—смерть матери, умершей отъ чахотки въ 1812 году, въ масляную недѣлю. Помню, какъ на загородномъ кладбищѣ, именуемомъ „Окопомъ", вечеромъ опустили въ могилу гробъ матери, и я въ слезахъ бросился за гробомъ, но крестная мать удержала, и потомъ, когда я, по зарытіи могилы, побѣжалъ снова туда, то она меня привязала къ себѣ платкомъ и увезла домой.

Начало войны 1812 года помню отчетливо. Когда 9 іюля проѣзжалъ изъ Вильны императоръ Александръ I, въ толпѣ народа, встрѣчавшаго императора, былъ и я съ кѣмъ-то изъ домашнихъ. Городовой магистратъ былъ въ собственномъ каменномъ домѣ, на углу Одигитріевской церкви, и здѣсь-то всѣ чины магистрата, съ многочисленными цеховыми значками, встрѣтили государя, при обычномъ ура, низкимъ до земли поклономъ. Нѣсколько дней спустя я былъ въ толпѣ, когда въ магистратѣ, принеся изъ собора чудотворную икону Богоматери Одигитріи, служили молебенъ „отъ нашествія непріятелей", и слышалъ общіе крики толпы, что она не поддастся врагу. Незадолго до этого, въ іюлѣ, было объявлено народное (партизанское) ополченіе.

Хорошо помню, какъ утромъ 3 августа началась пушечная и ружейная пальба за городскими стѣнами; какъ братья и сестры безпокоились объ отсутствіи отца, который, уже вечеромъ придя, сказалъ, что онъ былъ за городскою стѣною около Никольскихъ и Молоховскихъ воротъ, и тамъ, въ наружныхъ городскихъ прикрытыхъ путяхъ, исповѣдывалъ и пріобщалъ раненыхъ.

4-го августа отецъ съ утра отправился, по требованію какого-то военнаго генерала, для исповѣди и причащенія раненыхъ

и умирающихъ солдатъ и офицеровъ. Весь этотъ день при отцѣ находился братъ Константинъ, носившій освященную воду, которою отецъ окроплялъ солдатъ. Поле этой почтенной дѣятельности въ этотъ день было пространнѣе: отъ Рачевскихъ воротъ и до, такъ называемой, Королевской крѣпости (земляной цитадели; здѣсь въ 1611 году поляки сдѣлали въ стѣнѣ проломъ и, ворвавшись въ городъ, произвели неподалеку жестокую рѣзню, по которой и оврагъ былъ прозванъ „Рѣзницкимъ“). На крѣпости отца очень обласкалъ командовавшій тою частью обороны города генералъ И. Ѳ. Паскевичъ. Этотъ подвигъ Никифора былъ безпримѣрный. Все городское духовенство, не смотря на данную незадолго предъ симъ подписку не оставлять города и своихъ мѣстъ, но побуждать жителей къ дачѣ отпора непріятелямъ, еще до начала осады города улизнуло куда попало. Даже сами: епископъ Ириней Фальковскій и губернаторъ баронъ К. И. Ашъ (еще утромъ 3-го августа) постыдно бѣжали изъ города. Все утро 5-го числа я бѣгалъ возлѣ своей приходской церкви, подбирая падающія, расплющенныя о церковную стѣну, еще горячія свинцовыя пули. Около вечеренъ видѣлъ, какъ ядро, въ двухъ-этажномъ деревянномъ нашемъ амбарѣ пробивъ двѣ стѣны и крыльцо, ударилось въ пристроенный къ дому чуланъ и, оттоль откатясь по землѣ, еще сдѣлало впадину въ противоположной стѣнѣ. На крыльцѣ амбара въ это время сидѣла родная отцова сестра; сила летѣвшаго ядра такъ ее толкнула, что она едва не слетѣла съ лѣстницы внизъ.

Уже поздно вечеромъ возвратился домой отецъ и разсказалъ, что когда въ полдень сталъ читать въ церкви канонъ Спасителю, по желанію собравшагося народа, то ядро (граната?), влетѣвшее въ церковную главу, опустясь на половину церкви, разорвалось, но такъ счастливо, что никого не тяжко не убило, но и не ранило, его же самого сильнымъ движеніемъ воздуха отбросило внизъ головою чрезъ растворенныя царскія двери къ престолу. Потомъ, когда переходилъ отъ Молоховскихъ воротъ къ Королевской крѣпости, не смотря на то, что раненые сносимы были въ глубину закрытаго пути, по всему пространству городовой стѣны пули часто вновь били раненыхъ солдатъ и офицеровъ, да и его широкополой шляпы касалось нѣсколько пуль, но безвредно.

Я же видѣлъ многихъ убитыхъ солдатъ съ оторванными

ногами или руками, также одного солдата, ведшаго своего товарища, раненаго ружейною пулею въ грудь: все это происходило на площадкѣ предъ Одигитріевской церковью и нашимъ домомъ, находящимся не очень далеко отъ Никольскихъ и Молоховскихъ воротъ; тутъ около вечерень происходила жестокая бойня. Непріятелямъ сильно хотѣлось ворваться въ городъ чрезъ эти два мѣста.

Помню, какъ загорѣлись дома, ближайшіе къ сказаннымъ воротамъ; въ сумерки загорѣлся и кадетскій корпусъ, бывшій на Молоховской улицѣ (это главная улица, идущая покатымъ склономъ съ одного конца города на другой, къ Днѣпру). Въ эту пору возвратившійся отецъ, забравъ всю семью, состоявшую изъ 6 душъ (старшій братъ и сестра предъ штурмомъ города были однимъ изъ родныхъ увезены въ Вязьму), рѣшился оставить городъ, осыпаемый зажигательными ядрами. Дойдя до собора и желая въ немъ помолиться, былъ тамъ удержанъ своею дряхлою матерью, которая умоляла его не идти далѣе, но остаться въ соборѣ, на волю Божію, подобно многимъ бѣднѣйшимъ семействамъ, укрывшимся въ этомъ величественномъ, обширномъ зданіи. Слезныя просьбы матери, семья — малъ-мала меньше, нѣсколько десятковъ рублей въ карманахъ и невозможность найти подводы—убѣдили отца исполнить волю матери. Въ соборѣ нашли больнаго тамошняго священника, В. Щировскаго, съ находившимся при немъ сумасшедшимъ сыномъ, соборнаго протодіакона А. Рудакова и нѣсколькихъ консисторскихъ писарей, укрывшихся въ архіерейской погребальной комнатѣ, ведущей чрезъ длиннѣйшую лѣстницу на соборную галлерею (хоры) и подъ самую крышу. Здѣсь наше семейство укрылось. Изъ высокихъ круглыхъ оконъ соборныхъ видѣнъ былъ весь городъ, какъ на ладони; несчастный городъ весь былъ объятъ огнемъ, какъ бы пламеннымъ вѣнцомъ.

Чуть свѣтъ 6-го августа мы услышали, что французы вошли въ городъ. Я, съ хоръ взглянувъ внизъ, увидѣлъ нѣсколько непріятельскихъ офицеровъ, разсматривавшихъ громадный соборъ: они были въ шляпахъ, киверахъ и притомъ съ собаками. Это мнѣ показалось очень страннымъ; но страннѣе было то, что, по моимъ понятіямъ, вслѣдствіе разсказовъ, что на городъ идетъ „антихристъ Наполеонъ“, я ожидалъ въ французахъ

видѣть какихъ-то звѣрообразныхъ людей, но, противъ ожиданія, нашелъ обыкновенныхъ людей. Цѣлый день я не отходилъ отъ оконъ, а жаръ дневной, слившись съ общимъ пожарищемъ города, былъ такъ силенъ, что по-долгу нельзя было стоять на мѣстѣ. Лазилъ и подъ соборную крышу, покрытую толстою жестью, и не могъ понять, откуда летятъ на крышу частые камни,—а это были падающія, обезсиленныя, свинцовыя пули, летѣвшія изъ-заднѣпровья, гдѣ русскіе солдаты перестрѣливались съ наступавшими французами. Днѣпровскій мостъ въ это время уже былъ въ пламени.

Какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе всю пищу нашу составляли ржаной черствый хлѣбъ, затѣмъ яблоки, сливы и груши, на которыя въ этотъ годъ былъ особенный урожай. Фрукты смоленскіе славятся по всей Россіи и особенно обсахаренные сухіе: они превосходятъ даже кіевскіе.

Около обѣденной поры соборяне сказали моему отцу, что французы грабятъ архіерейскій домъ и оставленную безъ вывоза церковную ризницу. Не думая о послѣдствіяхъ, отецъ отправился въ Предтеченскую церковь, гдѣ хранилась архіерейская ризница, и тамъ нашелъ толпу придворныхъ служителей неаполитанскаго короля, грабившихъ все, что могли. Не могши остановить грабежа, онъ отправился въ новыя архіерейскія каменныя палаты, гдѣ временно остановился принцъ Богарнé, и тамъ, не встрѣтивъ въ переднихъ комнатахъ ни одного докладчика, пошелъ далѣе и наткнулся на нѣсколькихъ иностранныхъ генераловъ и нѣсколькихъ поляковъ; началъ имъ ломанною латинью говорить о грабежѣ церкви и о могущихъ быть отъ сего послѣдствіяхъ отъ раздраженныхъ жителей за неуваженіе святыни. Энергическій видъ русскаго длиннобородаго священника въ широкой рясѣ подѣйствовалъ вліятельно на непріятелей (между генералами находился и самъ Наполеонъ): грабежъ приказано прекратить, хотя уже всѣ богатства были забраны, и къ собору поставили караулъ изъ нѣсколькихъ солдатъ, которые на другой день, вмѣсто входныхъ дверей, размѣстились на архіерейскомъ амвонѣ, среди собора. Тутъ меня поразили разнообразные мундиры, преимущественнѣе саперы бородатые, въ медвѣжьихъ шапкахъ съ топорами и солдаты старой гвардіи, тоже въ медвѣжьихъ шапкахъ съ красными кутасами и перомъ, въ

синихъ отвосныхъ мундирахъ съ красными отворотами, бѣлыхъ жилетахъ, коротвихъ бѣлыхъ штанахъ и штиблетахъ на башмакахъ. Видѣвъ русскія войска, до войны проходившія Смоленскъ, я невольно примѣтилъ различіе мундировъ нашихъ и иностранныхъ. Меня занимали бѣлые жилеты гвардейскихъ французовъ и красные эполеты, вродѣ нашихъ генеральскихъ, тогда какъ жилетовъ не было у нашихъ офицеровъ, а эполеты были мѣдные посеребренные. Стража оставалась у собора до самаго выхода непріятельскаго изъ Смоленска, послѣдній часовой былъ взятъ русскими.

Замѣчательно вышесказанное появленіе моего отца среди свиты наполеоновой. Оно описано графомъ Сегюромъ, въ его „Histoire de Napoleon et de la grande armée, pendant l'année 1812", добавившимъ отъ себя хвалу Наполеону, а затѣмъ благодарственный молебенъ, будто бы моимъ отцомъ отслуженный, а гдѣ? — неизвѣстно, и потомъ — разсужденія о цѣли войны [1]).

Прочіе дни отецъ ежедневно ходилъ навѣщать раненыхъ нашихъ солдатъ, лежавшихъ безъ всякаго призрѣнія въ опустѣлыхъ домахъ. Братья Константинъ и Иванъ поочередно ему сопутствовали, нося брошеннымъ на горькую долю — воду, садовые и огородные плоды. Свободному доступу отца моего повсюду много способствовала его священническая широкорукавая ряса и шляпа длиннокрылая, рѣзко отличавшія его отъ прочихъ жителей и особенно отъ бородатыхъ мѣщанъ, въ которыхъ

---

[1]) Вотъ что пишетъ графъ Сегюръ объ этомъ событіи. «Dans ce même jour les réponses courageuses d'un pope, le seul qu'on trouva dans Smolensk, l'éclairèrent encore davantage sur l'aveugle fureur qu'on avait inspirée à tout le peuple russe. Son interprète, qu'effrayait cette haine, parut devant l'Empereur. Ce prêtre vénérable lui reprocha d'abord avec fermeté ses prétendus sacrilèges; il ignorait que c'était le général russe lui-même, qui avait fait incendier les magasins de commerce et les clochers, et qu'il nous accusait de ces horreurs, afin que les marchands et les paysans ne séparassent par leur cause de celle de la noblesse. L'Empereur l'écouta attentivement. «Mais votre église, lui dit-il enfin, a-t-elle était brulée?»—«Non, sir, répliqua le pope; Dieu sera plus puissant que vous; il la protegera, car je l'ai ouverte à tous les malheureux que l'incendie laisse sans asile!»—L'Empereur ému lui répondit: „Vous avez raison; oui, Dieu veillera sur les victimes innocentes de la guerre; il vous récompensera de votre courage".. (livre VI, chap. VII). Кн. В. Д.

непріятели часто предполагали видѣть переодѣтыхъ казаковъ. Нѣкоторымъ священникамъ, рѣшавшимся украдкою проникнуть въ городъ, чтобы узнать о судьбѣ своихъ домовъ (о церквахъ никто не думалъ, а потому онѣ почти всѣ погорѣли), жестоко досталось отъ французовъ: несчастныхъ мнимыхъ казаковъ употребляли на самыя тяжкія и унизительныя работы.

Въ концѣ августа жители, спасшіеся въ соборѣ, стали расходиться по своимъ уцѣлѣвшимъ домамъ. Въ это время былъ учрежденъ французами муниципалитетъ, въ которомъ управляли городомъ русскіе, оставшіеся въ городѣ, бѣднѣйшіе чиновники и мѣщане. Тяжко за это потомъ они поплатились предъ русскими сенаторами и всякаго рода судьями, безчеловѣчными и несправедливыми. Подъ вліяніемъ муниципалитета, многимъ жителямъ чаще давались охранныя стражи изъ солдатъ, которые, однако, довольствовались тѣмъ, что у воротъ указаннаго имъ дома ставили ружья, а сами уходили куда угодно.

Странно и брезгливо было видѣть, какъ французы въ деревянныхъ ночвахъ (корытахъ), въ которыхъ моютъ грязное бѣлье, мѣсили пшеничное тѣсто для прѣсныхъ булокъ. Нужда, однако, заставила и насъ ѣсть такой хлѣбъ; о говядинѣ нечего было и думать; вареный картофель и всякая зелень были пищею, однако, не вседневною. Страхъ, лишенія всякаго рода и неизвѣстность что̀ дальше будетъ, начинавшіеся грабежи отъ разбредшихся солдатъ непріятельскихъ, особенно баварцевъ и поляковъ (лучше всѣхъ и добрѣе были къ жителямъ французы и итальянцы), подѣйствовали на дряхлую родную бабушку (по отцѣ) и меньшую сестру, Екатерину; обѣ въ короткое время, одна за другой, померли, и погребены возлѣ своей приходской церкви.

Въ октябрѣ 1812 г. больше и чаще стали проходить изъ Москвы непріятельскія полчища, съ ними усилились грабежи: искали уже не денегъ и сокровищъ, но хлѣба и теплой одежды. Вначалѣ диковинно было видѣть солдатъ непріятельскихъ въ киверахъ и при ружьяхъ, одѣтыхъ въ церковные стихари, поповскія рясы, женскія шубы, шубейки, юбки, — потомъ это сдѣлалось обыкновеннымъ. Видѣлъ гвардейскаго генерала, остановившагося проходомъ въ нашемъ домѣ, въ лакейской ливреѣ съ галунами и въ теплой шапкѣ. Съ наступленіемъ холода стали чаще пожары. Непріятели не умѣли обходиться съ нашими печьми, вьюшками

и заслонками, и потому или угорали, или невольно сожигали домà. Къ концу октября бѣдствія сдѣлались общими намъ и непріятелямъ. Холодъ, голодъ и болѣзни, особенно диссентерія, большею частью смертоносная, болѣе-чѣмъ децимировала несчастныхъ жителей. Все требовало хлѣба на вѣсъ золота и серебра, но не было продавцевъ. Награбленныя въ Москвѣ разнообразныя сокровища стояли почти неприкосновенными въ непріятельскихъ фурахъ, которыя были всюду разбросаны, по невозможности вести ихъ дальше. Отъ некормицы и гололедицы падежъ бѣдныхъ лошадей былъ сильнѣйшій. Съ этой поры начали почти всѣ ѣсть конину, вареную или жареную: послѣдняя была лучше, но вареная въ супѣ необыкновенно пѣнилась густою непріятною пѣною. За кусокъ хлѣба между непріятелями были частыя убійства.

Къ бóльшему несчастью, проходившіе обратно изъ Москвы поляки, прикидываясь сострадательными, совѣтывали жителямъ скрывать цѣнныя имущества отъ французовъ, но потомъ, зная гдѣ и чтò скрыто, пускались на грабежъ. Такъ, по совѣту полковника Костенецкаго, отецъ мой спряталъ церковныя вещи цѣнныя. Но на слѣдующее утро наученные мародеры явились, отбили церковную дверь и стали грабить; прибѣжавшій отецъ сталъ отнимать и за то почти на смерть былъ избитъ: порубленъ саблею по головѣ, а шпорами пробили бокъ, и полуживаго принесли въ домъ. Не такъ поступали французы. Нѣкоторымъ артиллеристамъ захотѣлось снять колокола съ нѣкоторыхъ колоколенъ съ тѣмъ, чтобы разбить для переплава на пушки. Пріѣхавъ къ Одигитріевской церкви, требовали ключей отъ дверей, но отецъ, не давъ ихъ, тотчасъ отправился къ неподалеку жившему коменданту, объяснилъ неблагоприличіе поступка и возвратился съ запрещеніемъ трогать церковь; команда немедленно мирно отправилась къ своему мѣсту.

Въ концѣ октября бѣдствующій Наполеонъ проѣзжалъ Смоленскъ. Еще наканунѣ военный губернаторъ города, Жомини, потребовалъ, чтобы собравшееся въ городъ духовенство русское встрѣтило почетно императора. Трое бѣдныхъ священниковъ, въ томъ числѣ и отецъ, простоявъ почти цѣлый день у Днѣпровскихъ воротъ, промерзнувъ, вернулись по домамъ. Но на другой день (28-го октября) отецъ, потребованный исповѣдывать и пріобщать

умирающаго мѣщанина Ивана Короткаго, на Троицкомъ мосту, наткнулся на проѣзжавшую карету, позади которой были привязаны хлѣбные снопы, а неподалеку отъ кареты шедшаго низенькаго плотнаго человѣка въ фризовой бекешѣ на собольемъ мѣху и въ собольей шапкѣ, сопровождаемаго свитою, очень пестро одѣтою. Губернаторъ Жомини, махнувъ рукою моему отцу, сказалъ: „L'empereur Napoleon!“ Отецъ, оторопѣвъ, снявъ шапку, механически сунулъ въ руку Наполеону просфору, изготовленную для умирающаго. Наполеонъ, спросивъ: „pope?“, прошелъ далѣе.

Такъ была эта встрѣча, навлекшая потомъ на отца разнообразныя бѣдствія: обвиненія въ измѣнѣ отечеству, запрещеніе священнослуженія, уголовный судъ и перспективу ссылки въ Сибирь, которую такъ снисходительно посулили ему прибывшіе судить служившихъ французскому правительству (въ городскомъ муниципалитетѣ) архіепископъ Рязанскій Ѳеофилактъ Русановъ и свой архіерей — Ириней Фальковскій, да сенаторъ Каверинъ.

Наканунѣ, 5-го ноября 1812 г., всѣ непріятельскія войска вышли изъ Смоленска ночью, взорвавъ девять городскихъ башенъ и зажегши многіе дома.

Утромъ 6-го ноября явились казаки и русскія войска. Отъ голода, холода, кроваваго поноса почти всѣ жители значительно пострадали. Мертвые непріятели валялись тысячами. Воздухъ былъ зараженъ: для очищенія его придумали зажигать по улицамъ сорныя и навозныя кучи; дома, колодцы, улицы начали очищать отъ мертвыхъ тѣлъ. Между трупами ожесточенные жители безжалостно таскали по всему городу живыхъ больныхъ непріятелей, напрасно просившихъ пощады. Въ то время жестокосердіе обуяло всѣми и нисколько не считалось предосудительнымъ.

III.

Вступленіе русскихъ войскъ въ Смоленскъ, прибытіе властей и возстановленіе порядка. — Годы ученія Ник. Никиф. Мурзакевича въ родительскомъ домѣ и въ Смоленской духовной семинаріи.

Горько было отъ непріятелей, но горше пришлось терпѣть остававшимся въ городѣ жителямъ отъ своихъ пріѣзжихъ соотечественниковъ. Въ чемъ только несчастныхъ не укоряли: и въ измѣнѣ, и грабительствѣ, и перемѣнѣ вѣры, тогда какъ сами безцеремонно всѣ предались захвату оставшихся непріятельскихъ обозовъ. Постои военные и всякіе властелинскіе обременили уцѣлѣвшіе дома. Въ нашемъ домѣ поселился губернскій предводитель Воеводскій. Этотъ герой за раздачу пособій раззореннымъ сначала былъ пожалованъ Владимірскимъ крестомъ, потомъ за обнаруженное лихоимство былъ удаленъ отъ должности. На его счетъ кто-то импровизировалъ:

„О Господи! Ты спасъ разбойника на крестѣ,
Теперь предстоитъ другое горе:
Спаси Ты крестъ на ворѣ!“

Воеводскій занялъ весь нашъ домъ, оставя всему нашему семейству одну кухню и темный чуланъ. Тутъ мы всѣ полубольные, избитый поляками отецъ, возвратившіеся изъ Вязьмы старшіе братъ и сестра жили и помѣщались. Старшая сестра вскорѣ за симъ умерла, а мы всѣ переболѣли диссентеріею.

Разнообразныя сцены, нужда, болѣзни сильно подѣйствовали на мой организмъ—я былъ живой мертвецъ. Помню очень, какъ на меня подѣйствовалъ испугъ отъ пальбы изъ пушекъ, по случаю пасхальной утрени 1813 года. Пришедшіе изъ церкви отецъ и братья насилу меня успокоили, что стрѣляли не французы. Взрывы башенъ при уходѣ непріятелей окончательно разстроили мои нервы: то горячечное, то лихорадочное состояніе моего здоровья сдѣлалось постояннымъ. Не помню ни одной весны, осени и зимы, чтобы я не болѣлъ головою, лихорадкою или жестокою зубною болью. Ученье мое было неровное: братья Илья и Константинъ, по возможности, занимались мною. Чтеніе, однако, я

скоро и легко усвоилъ, но каллиграфія зависѣла отъ моихъ капризовъ, которымъ, ради моей болѣзненности, снисходили. Свободное отъ болѣзней время я употреблялъ на лазанье по городскимъ стѣнамъ и башнямъ: гнѣзда бѣдныхъ птицъ много страдали отъ безжалостнаго мальчишки, пока это не сдѣлалось извѣстнымъ строгому отцу. Наказанія, налагаемыя на меня отцемъ, были: чтеніе вслухъ Псалтиря или какой либо исторической книги, или путешествія, стоянье на колѣняхъ. Розги приходились крайне рѣдко за безумныя и опасныя шалости.

Сверстники моихъ лѣтъ—дѣти мелкихъ чиновниковъ и ремесленниковъ — составляли мой постоянный кружокъ. Стая маленькихъ проворныхъ шалуновъ давала себя чувствовать неограженнымъ заборами садамъ. Лазанье по деревьямъ сдѣлалось моею страстью. Когда подросъ, а ученье науками сдѣлалось серьезнѣе, то уроки свои я усиленнѣе выучивалъ, сидя на вѣтвистой липѣ, клёнѣ или яблонѣ. Подготовленнаго дома въ латинской и греческой этимологіи, меня осенью 1817 года отвели въ семинарію. При просьбѣ объ опредѣленіи, поданной ректору, архимандриту Павлу Соботовскому (впослѣдствіи архіепископу харьковскому), представлено было мое чистописанье по латыни; оно содержало изреченіе Цицерона изъ его „Consolatio“: „Lento gradu ad vindictam procedit ira, sed tarditas gravitate supplicii compensat,“ — это въ тогдашнемъ переводѣ значило: „Тихими стопами Божескій гнѣвъ шествуетъ къ отмщенію, но медленность награждаетъ тяжестью наказанія“. Фраза эта, вбившаяся въ голову, послужила мнѣ въ прочую мою жизнь нравственною уздою. Законъ нравственнаго возмездія, непремѣнно слѣдуемаго за всякою сдѣланною гадостью и низостью, сдѣлался моимъ догматомъ.

Первые дни школьнаго ученья мнѣ понравились,—дѣло шло хорошо: я не только умѣлъ читать, писать и считать, но могъ даже по диктовкѣ писать по гречески и латыни. Часы, назначенные для ученья по старой семинарской методѣ, были легкіе: 9 и 10 часъ утромъ, 3 и 4 послѣ обѣда. Такъ какъ семинарія находится вблизи училищнаго Аврамієвскаго монастыря, расположеннаго вблизи городской стѣны, то свободное отъ ученья время ученики лѣтомъ пріятно проводили за „городомъ“ (стѣною), гдѣ начинались черные скаты, живописно склонявшіеся къ Днѣпру. Въ ольховыхъ и березовыхъ кустарникахъ и оврагѣ,

неизвѣстно почему прозванномъ „Чертовымъ рвомъ," мы рѣзвились, собирали пахучія травы: чеберъ и др., изъ цвѣтовъ дѣлали вѣнки и букеты, и все это, въ видахъ задобренія учителей, приносили въ школу и тамъ по полу разбрасывали, а лучшее клали на столъ. Въ жаркое время бѣгали на Днѣпръ купаться. Быстрая и мѣстами очень глубокая рѣка служила самоучною школою плаванья, но за то ежегодно брала себѣ жертвы излишней дѣтской отваги или неумѣнья плавать. Большія старыя деревья, современныя основанію семинаріи (открытой епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ въ 1728 году), мнѣ и другимъ сверстникамъ служили спокойнымъ отъ шалуновъ мѣстомъ заучиванья уроковъ. Звонкіе дѣтскіе голоса на разныя ноты сближались съ щебетаньемъ птичекъ, съ одною только разностью, что наши голоса выкрикивали: „mensa, mensae, ὁ ἄνθροπος, τῦ ἀνθρόπυ, граматика есть наука...; катехизисъ есть"..... и проч. За то зимою бѣдствовали въ нетопленныхъ классахъ и часто съ разбитыми въ окнахъ стеклами. Чернила для писанья подъ диктовку отогрѣвали руками или дыханьемъ. Время до прихода учителей занимали кулачнымъ боемъ сколько для удальства, столько и для согрѣтія окоченѣвшихъ рукъ и ногъ. Помню майскія рекреаціи, допускавшіяся 1, 15 и иногда 30 мая. Утромъ каждаго 1-го мая толпа большихъ и маленькихъ школьниковъ отправлялась подъ окна ректорской квартиры и тамъ начинала ревѣть: „Reverendissime pater! rogamus recreationem!" Чрезъ четверть часа являлся или самъ ректоръ, или келейный, объявлявшій о дозволеніи. Тогда толпа летѣла къ архіерею и, раздѣлясь на двѣ половины, ревѣла: „Eminentissime pater!" и проч., или: πανιερότατε δέσποτα; λιπαροῦμεν τὴν ἀνάπαυσιν;" изъ окна показывалась лысая архіерейская голова Іоасафа Срѣтенскаго и благословляла на отдыхъ. Въ мое время рекреація праздновалась на „Кловкѣ", такъ называлась дача Троицкаго монастыря, находящаяся версты за три за Свирскою церковью. Тутъ, когда въ XIV вѣкѣ производилась дѣятельная торговля Смоленска съ Ганзою, было складочное мѣсто иностранныхъ товаровъ. Рекреація состояла въ разнаго рода играхъ, театрѣ (не уступающемъ простотою первобытнымъ эллинскимъ), на которомъ непремѣнно присутствовалъ ректоръ, а иногда и архіерей. Учителя составляли между собою особый кружокъ; нѣкоторые иногда участво-

вали въ дѣтскихъ забавахъ. Въ иной разъ театръ былъ въ семинарскомъ зданіи, въ присутствіи важнаго архіерея — Іоасафа Срѣтенскаго,—добраго, величественнаго старика съ большою лысиною и длинною сѣдою бородою. Театръ однажды затянулся до полуночи, и возвращавшагося домой архіерея штатный служитель, желая показать свою бодрственность, проводилъ звономъ во всѣ монастырскіе колокола.

Іоасафъ ѣздилъ по городу и къ обѣднямъ приходскимъ въ раззолоченной рѣзной, покрытой стеклами со всѣхъ сторонъ, каретѣ, той самой, въ которой торжественно въѣзжала въ Смоленскъ, въ 1780 году, Екатерина II. Куда бы архіерей ни ѣхалъ: къ обѣднѣ, на обѣдъ, на вечеръ къ „сильнымъ міра сего“—колокольный звонъ церквей давалъ городу знать о мѣстонахожденіи пріятнаго старика. За важную наружность и торжественность въ служеніи Іоасафъ императоромъ Александромъ I былъ переведенъ въ Могилевъ въ санѣ архіепископа.

Возвращаюсь къ рекреаціямъ. 15 и 30 числа отпуски не всегда разрѣшались: тутъ „petitores“ отъ ректора часто рисковали быть высѣченными. Но являлись отчаянные, которые, увлекши за собою шалуновъ, въ числѣ ихъ и меня, отправлялись къ архіерею и тамъ, воспѣвъ жалостно уже не по латыни, а по гречески: „Παναγιότατε δέσποτα! λιπαροῦμεν τὴν ἀνάπαυσιν, послѣ нѣсколькихъ пригрозъ, все таки достигали своего. Но при выходѣ съ архіерейскаго двора и на единственной у собора Троицкой улицѣ шалуны принимали сильныя мѣры осторожности, чтобы не попасться въ руки префекта или высланныхъ имъ сторожей. Съ удовольствіемъ вспоминаю о М. И. Марковѣ, учителѣ строгомъ, справедливомъ, но добромъ: онъ сверхъ рекреацій, по праздникамъ, созвавъ охотниковъ, проводилъ свободное время въ окрестныхъ прекрасныхъ смоленскихъ рощахъ, собирая цвѣты и лечебныя травы, которыя передавались потомъ въ семинарскую убогую больницу. Онъ же, бывъ нѣкогда пѣвчимъ, устраивалъ духовные и свѣтскіе хоры и звонкостройными дѣтскими голосами услаждалъ сельскихъ жителей, которые ихъ съ удовольствіемъ принимали и даже радушно угощали ягодами и молокомъ. Такъ велось при ректорахъ—Павлѣ Соботовскомъ и Сильвестрѣ Цвѣтковѣ (впослѣдствіи викаріи Новгородскомъ). Съ ректорствомъ же нѣкоего архимандрита Михаила и инспекторствомъ Мельхи-

седека Хламова патріархальность исчезла и насталъ „Бурсацкій терроризмъ".

Скучны мнѣ становились классы, а еще скучнѣе было задалбливать приказанное учителемъ: „выучить отъ такой-то и до такой-то страницы". Лѣтомъ уроки затверживались еще коекакъ, но въ длинные зимніе вечера одолѣвала тоска неодолимая и спячка. Постоянно оплывающая сальная свѣча, ежечасно падающая изъ мѣднаго подсвѣчника, кажется, мною же испорченнаго, служила нѣкоторымъ оправданіемъ въ моей разсѣянности. Замѣчательна судьба этого моего подсвѣчника (теперь мною сберегаемаго). Въ Смоленскѣ, во время продолжительнаго пребыванія царевича Алексѣя Петровича, выстроенъ былъ для него деревянный домъ, неподалеку отъ Ильинской церкви. По кончинѣ царевича, домъ съ садомъ, прозванный государевымъ, были запущены, а вещи домашнія, распроданныя, разошлись по рукамъ; одинъ изъ дворцовыхъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ съ помѣтою „1720 года" имѣлся въ нашемъ домѣ. Судьбою суждено, чтобы я, владѣя скорбнымъ памятникомъ несчастнаго царевича, чрезъ нѣсколько годовъ, хотя отчасти, снялъ съ него всенародную офиціальную клевету „въ лѣни, неспособности" и т. д., издавъ открытыя мною въ библіотекѣ графа М. С. Воронцова подлинныя его грамотныя и дѣловыя письма.

Дѣленіе классовъ было такое: информаторія—гдѣ учили этимологіи русской — по Меморскому, латинской — по Лебедеву, греческой этимологіи, катихизису, ариѳметикѣ — по Меморскому и нотному пѣнію — по Обиходу; инфима, гдѣ все прежнее проходилось далѣе, мало по малу бросая русскую грамматику и, наконецъ, совсѣмъ ее забывая, а налегая на латынь. Классы: грамматики—по Бантышъ-Каменскому, поэзіи—по руководству архимандрита Аполлоса, риторики—по курсу Бургія, философіи—по Баумейстеру и богословія—по руководству Ѳеофана Прокоповича, Фальковскаго и другихъ. Съ класса риторики начинали учить всеобщей исторіи, никогда отдѣльно не касаясь русской, языкамъ: нѣмецкому, французскому, а съ философскаго — еврейскому. Дѣло учителей состояло въ задаваніи уроковъ, спрашиваніи и назначеніи письменныхъ упражненій. Заучиванье (долбленье) наизустъ было главнымъ дѣломъ и заслугою; болѣе того, что было въ книгѣ, учитель не говорилъ

ничего лишняго. Сѣченье розгами было въ раздольѣ. Былъ въ мое время въ имфимическомъ классѣ учитель Клитинъ, всегда послѣ обѣда пьяный, а утромъ съ похмѣлья, который на каждомъ своемъ урокѣ успѣвалъ перепороть до 30 школьниковъ. Къ счастью, раздолъ безконтрольнаго сѣченья простирался только до ніитическаго класса. Здѣсь могъ сѣчь только самъ отецъ ректоръ, а не префектъ (инспекторъ) и отнюдь не учителя. Чтобы ученики скорѣе познавали латынь, введено было обыкновеніе держать такъ называемый „Calculus“, т. е. ящичекъ со спискомъ именъ провинившихся тѣмъ, что на латинскій какой-либо вопросъ оплошавшій отвѣчалъ по русски. На утро „Calculus“ представлялся учителю, и тотъ, кто былъ послѣднезаписаннымъ, подвергался наказанію.

Весь бытъ бѣдныхъ учениковъ-сиротъ или дѣтей причетническихъ, помѣщавшихся въ длинномъ казенномъ зданіи, о двухъ этажахъ, и именовавшемся бурсою, ничѣмъ не отличался отъ того быта, который такъ вѣрно описалъ Нарѣжный въ его „Бурсакѣ“. Та-же нищета поразительная, то-же внутреннее самоуправіе цензоровъ и сеніоровъ и тѣ же вечерніе набѣги на сосѣдніе огороды за овощами для пропитанія. Внутренніе непорядки, во время уроковъ, были тѣ самые, которые описалъ митрополитъ Евгеній.

IV.

Преобразованіе смоленской духовной семинаріи по новому уставу (1820 г.).—Новые преподаватели.—Любовь Николая Никифоровича къ чтенію и начало страсти къ нумизматикѣ.—Безуспѣшность семинарскаго ученія и подготовленіе къ университету.

Въ 1820 году семинарія преобразовалась по новому уставу и штату. Іезуитская номенклатура классовъ замѣнена низшимъ, среднимъ и высшимъ отдѣленіями. Такъ, классы информаторія и инфима, грамматики и синтаксиса составили два и получили именованіе—низшаго, риторики и философіи—средняго, а богословія—высшаго. Вездѣ курсъ ученія продолжался по два года. Явились новыя, уже русскія, руководства, и прибыли изъ с.-петербургской духовной академіи (выпущенные магистрами и

кандидатами) преподаватели, вотъ ихъ фамиліи: А. Троицкій, А. Ключаревъ (впослѣдствіи директоръ государственнаго казначейства), В. Байковъ, П. Эльмановичъ, В. Поповъ, В. Г. Поповъ, Пантовскій; ректоромъ остался архимандритъ Сильвестръ (потомъ викарій Новгородскій), по немъ архимандритъ Михаилъ и архимандритъ Иннокентій (впослѣдствіи епископъ Екатеринославскій); инспекторы: Т. Т. Кетлеревъ, іеромонахъ Мельхиседекъ Хламовъ (забіяка и драчунъ), прозванные хотя профессорами, но въ сущности прежніе учителя, а нѣкоторые даже и ихъ ниже. Такимъ былъ нѣкто Пантовскій, не знавшій ни математики, ни французскаго языка, а между тѣмъ присланный для сихъ предметовъ.

По давней пріязни и многимъ одолженіямъ, которыя мой отецъ дѣлалъ учителю риторики Трофиму Кетлереву (впослѣдствіи архіепископу Смоленскому подъ именемъ Тимоѳея), этотъ недаровитый, но „усидчивый“ человѣкъ, жившій въ нашемъ домѣ—въ качествѣ инспектора старшихъ братьевъ, взялся со мною проходить греческій языкъ: учась самъ, училъ меня. Когда я не лѣнился (лѣнь одолѣвала періодически и тогда меня ничѣмъ нельзя было донять), то я успѣвалъ скоро и легко. Греческій языкъ мнѣ какъ-то приглянулся, и я съ помощію „трехъязычнаго словаря“ Поликарпова 1703 года сдѣлалъ въ немъ нѣкоторые успѣхи. Самъ собою затѣмъ налегъ на географію, потомъ на всеобщую исторію. Большая библіотека отцовская, наполненная всѣми полезными книгами, имѣла отдѣлъ историко-географическій возможно хорошій. Охота къ чтенію, со дня на день увеличиваясь, вытѣснила механическое школьное заучиванье уроковъ. Первая книга, данная мнѣ на прочтеніе братомъ Константиномъ, была: „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“, съ картинками (извѣстное теперь сочиненіе барона Мюнхаузена). Такимъ образомъ изъ первыхъ учениковъ въ классахъ я дѣлался постепенно среднимъ и даже предпослѣднимъ, хоть въ сущности дѣла былъ выше многихъ учениковъ, какъ это потомъ доказалъ вступительный экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Когда я былъ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи—начитанность моя въ эту пору была такая: прочелъ всего Ролленя (исторіи: римскую древнюю и цезарей, въ переводѣ Тредьяковскаго), Анкетиля (русскій переводъ въ 3 томахъ), Аббата де ла

Порта—Всемірный путешествователь (27 томовъ, переводъ Булгакова), Татищева, Щербатова всего, періодическія изданія Подшивалова, Мерзлякова; Патерикъ Печерскій съ картинами увлекъ меня своими чудесами, и черезъ него я перешелъ къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, а затѣмъ и мистическаго. Бемъ непонятный, фантастическіе Юнгъ и Штиллингъ, впрочемъ, не долго собою увлекали; ихъ вытѣснили романы госпожи Редклифъ, съ которыми меня познакомилъ мой сверстникъ—нѣкто Великановъ, сынъ консисторскаго „повытчика".

Съ этой поры дни и ночи проводились въ чтеніи, конечно, украдкою, всѣхъ нелѣпостей разстроеннаго воображенія Шаисса и др. Сервантесовъ Донъ-Кихотъ былъ перечитанъ много разъ, и перечитаны романы Ле-Сажа—Жильблазъ, Гусманъ д'Альфарашъ. Великановъ ознакомилъ также съ „Кумомъ Матвѣемъ", „Двумя Турками„ и прочими сему подобными. Цинизмъ, успѣшно одолѣвавшій молодую натуру, однако, вскорѣ сдержался. Случайно кто-то изъ соучениковъ продалъ мнѣ старую мѣдную монетку; монеты я съ нѣкотораго времени сталъ собирать и изучать по скольку могъ: послѣ французовъ безчисленное количество всякой монеты ходило по рукамъ и даже имѣло установленную цѣнность. Собирая иностранныя монеты, собиралъ я все, что попадалось. Купленная монета, по очисткѣ въ уксусѣ, оказалась монетою римскаго императора Антонина. Это я узналъ изъ книги: „Description des principales pierres gravées du cabinet de duc d'Orleans". Восторгъ и радость были безграничные! Ролленъ и Анкетиль тутъ пригодились.

Вотъ гдѣ начало привязанности моей къ нумизматикѣ. Мечта о сборѣ истинно древнихъ монетъ сдѣлалась постоянною мыслію и желаніемъ, но, къ сожалѣнію, въ Смоленскѣ мало осуществимыми.

Полученные отцомъ отъ канцлера графа Н. П. Румянцева (съ нимъ велась постоянная ученая переписка, графъ часто дарилъ книги, касающіяся отечественной исторіи; корреспонденція эта продолжалась непрерывно, въ теченіи двухъ лѣтъ [1]),—полученные первые восемь томовъ Карамзина „Исторія Государства Россійскаго"

[1]) Со 2 авг. 1818 г. по 16 іюня 1820 г. См. Никиф. Адр. Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска. Переписка. Спб. 1877 г. Кн. В. Д.

вытѣснили почти навсегда пошлые романы. Увлекательныя эти книги были перечитаны по нѣскольку разъ. Также были пройдены лѣтописи: Кенигсбергская, Лаврентьевская, а критическій Шлецеровъ Несторъ перелистованъ нѣсколько разъ. Отечественная исторія, наконецъ, окончательно мною овладѣла. Прежнее безотчетное шатанье по древнимъ смоленскимъ стѣнамъ и башнямъ, построеннымъ Борисомъ Годуновымъ, смѣнилось желаньемъ отыскать гдѣ-либо въ башнѣ сложенные старинные архивы, которые однажды учителю гимназіи Елоховскому удалось найти: это были походныя бумаги времени Петра I. О розысканіи такихъ и другихъ бумагъ постоянно писалъ отцу графъ Румянцевъ. Лазилъ подъ нѣкоторыми башнями въ надеждѣ открыть потаенный ходъ, по разсказамъ, будто существующій у одной изъ башенъ, ведущій къ собору. Здѣсь думалъ открыть древніе склады оружія и монеты. Тотъ же Великановъ сдѣлался постояннымъ моимъ спутникомъ и сомечтателемъ. Отдаленныя отъ средины города двѣ церкви — Іоанно-Богословская, а дальше—Михайловская или по народному Свирская — сдѣлались моими любимыми. Сюда я часто ходилъ на вечернія, лѣтнія и осеннія служенія; стоя въ нихъ, я мечталъ видѣть ихъ наполненными удѣльными великими князьями смоленскими, народомъ, воинами. Строитель этой церкви, „благовластный“ Давидъ Ростиславичъ (въ 1197 г.), былъ всегда на первомъ планѣ моихъ мечтаній. Остатки Смядыня монастыря (мѣсто убіенія князя Глѣба Святополкомъ Окаяннымъ), еще не расхищенные губернаторомъ Хмѣльницкимъ на неосуществившееся смоленское шоссе, въ свѣтлыя лунныя ночи нерѣдко заставляли меня просиживать съ неразлучнымъ товарищемъ по многимъ часамъ. Страха ночнаго мы не знали, а бдительные псы насъ не безпокоили. Вся древняя смоленская исторія нами была неоднократно сличена съ мѣстностью. Пламенный спутникъ мой, владѣвшій способностью стиходѣланія, описывалъ нѣкоторыя историческія сцены, а я съ восторгомъ ихъ выслушивалъ. Къ горю нашему, поданныя профессору риторики В. Ф. Попову—мною „Слово о полку Игоревѣ“, а Великановымъ—стихотвореніе „Смядынь монастырь“ были приняты очень холодно, невнимательно, съ рекомендаціею болѣе стараться писать получше хріи, по автоніевой и иной системѣ, придерживаясь образцовой риторики іезуита Ле-

жая и нѣмца Бургія. Послѣ такого дикаго совѣта, недовѣріе наше къ профессору сдѣлалось полное. Мы перестали заниматься выучкою уроковъ и, усѣвшись на задней скамьѣ, составили вокругъ себя стаю лѣнтяевъ и шалуновъ, изъ числа которыхъ первымъ сталъ я. Угрозы профессора, брань жестоконравнаго ректора Михаила на насъ ни мало не дѣйствовали. Въ классѣ риторическомъ мы преравнодушно высидѣли четыре года. Съ юношескими лѣтами развивалась и чувственность. Сколько „Description des pierres gravées“ и виньетки различныхъ книгъ были полезны для нумизматики и археологіи, столько для чувственности были возбудительны прекрасные рисунки женскихъ формъ, хотя пріучили и неопытный вкусъ къ изяществу формъ, но не менѣе того скоро развили пламенную чувственность, въ которую мы со всѣмъ пыломъ вдались. Служанки домашнія и сосѣднихъ домовъ скоро намъ представили раздолье безграничное. Всегда остерегаясь суроваго домашняго и семинарскаго надзора, мы, пользуясь довѣріемъ домашнихъ, осторожно располагали собою и своимъ временемъ. Отцовскія укоризны въ праздности на насъ не дѣйствовали: мы оправдывались тѣмъ, что въ классѣ нечего было дѣлать, и это, къ сожалѣнію, была сущая правда, и отцы наши вполнѣ это чувствовали, понуждали же насъ, такъ сказать, ради порядка. Должно сказать, что такой напрасной потери времени, какая была тогда въ семинаріи, я въ остальную мою жизнь нигдѣ въ училищахъ не встрѣчалъ. Кромѣ плохой латыни, мы рѣшительно не знали математики, всеобщей исторіи, географіи и новыхъ языковъ. О чистотѣ и правильности произношенія французскаго нечего и говорить. Сверхъ положенныхъ сжатыхъ учебниковъ (а ихъ было много), ученики ничего не читали, да и не имѣли времени читать: все надобно было заучивать наизустъ, слово въ слово.

Библіотека семинарская была недоступна даже преподавателямъ, да въ ней — кромѣ латыни — ничего другаго не было. Русскія книги стали выписываться и высылаться изъ Петербурга только около 1820 года. Многіе профессора свое время проводили болѣе съ „ивашкою хмѣльницкимъ“, чѣмъ съ книгами. Не въ укоръ и осужденіе такъ говорю о бывшихъ моихъ учителяхъ, но въ оправданіе ихъ. Почему бѣднымъ не легко

было вдаться въ порокъ, когда они положеніе свое видѣли далеко не отраднымъ. Ректоры и инспекторы, ставя свое смиреніе выше другихъ, не охотно сближались съ лицами низшими и подчиненными. Необразованная, но лишь сверху отполированная, городская публика чуждалась вообще всякихъ учителей, а пуще всего „бурсаковъ“: такъ честятся и доселѣ бѣдные семинаристы; купечество и мѣщанство были вполнѣ невѣжественными, даже свое духовенство не было привѣтливо къ семинарскимъ наставникамъ, какъ къ „ученымъ“. Куда же было приклонить одинокую бѣдную голову всѣми отброшенному учителю, профессору? А ему въ академіи, вѣроятно, снились розовые сны: архіереи, губернаторы, предсѣдатели, совѣтники, дворянство съ ихъ хорошенькими дочерьми! Ему думалось, что какъ скоро въ городъ прибудетъ, то всѣ хоромъ закричатъ: „къ намъ, къ намъ (въ гости), Иванъ Алексѣевичъ! Андрей Петровичъ!“ А въ голой существенности приходилось одиноко сидѣть въ монастырской полухолодной комнатѣ, полуголоднымъ и всѣми забытымъ.... Разочарованіе было полное! Оставалось: или скорѣе жениться на комъ случилось и посвятиться попомъ, а затѣмъ вдаться сразу во всѣ житейскія тягости и гадости, или, предавшись уединенію, пойти въ монахи, въ надеждѣ быть когда либо ректоромъ,—или вдаться въ домашнее утѣшеніе—въ питье горилки, сожигающей и умъ, и тѣло. Такъ грустно кончили жизнь нѣсколько добрыхъ людей. Отецъ мой хлѣбосольство свое охотно дѣлилъ съ учителями; приглашалъ и профессоровъ, но они какъ-то неохотно его посѣщали: было ли это вслѣдствіе ученыхъ споровъ (начитанность моего отца была огромная и даръ слова сильный) или того, что частымъ собесѣдникомъ его былъ ректоръ. Въ это время отецъ мой былъ избранъ экономомъ семинаріи. Забота о доставленіи лучшаго корма и одежды поглощала всю его дѣятельность: бѣдная штатная бурсацкая сумма дополнялась добровольными взносами, которые у благодѣтелей выпрашивалъ мой отецъ. Собралъ было онъ и библіотеку, состоявшую изъ 500 томовъ книгъ, и передалъ ее семинарскому начальству; но бѣдные ученики ни разу не воспользовались ими. Семинарскими властями всякаго званія книги окончательно были зачитаны.

Старшіе мои братья: Илья и Константинъ, по окончаніи курса

семинаріи, находились внѣ дома: Илья съ 1820 года состоялъ на службѣ въ С.-Петербургѣ въ канцеляріи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а Константинъ учился въ Москвѣ въ университетѣ.

Пріѣздъ брата Ильи въ 1824 году въ отпускъ рѣшилъ мою судьбу. Замѣтивъ мою разгульную и праздную жизнь, добрый братъ, переговоривъ откровенно со мною и взявъ слово, что стану учиться, склонилъ отца отправить меня въ Москву, къ брату Константину, для поступленія въ университетъ. Съ разрѣшенія отцовскаго я написалъ письмо къ брату, (въ это время кончившему курсъ наукъ кандидатомъ), исполненное горячихъ обѣщаній хорошо учиться. Каждую затѣмъ почту ожидалъ желаемаго отвѣта; наконецъ, получилъ. Вмѣсто радости, письмо жестоко меня огорчило. Благодушный братъ, безпристрастно взглянувъ на мое посланіе, указалъ мнѣ на мою безграмотность, незнаніе правописанія и даже безобразіе въ чистописаніи. Къ сожалѣнію, все это была правда! Въ семинаріи на правописаніе и чистописаніе смотрѣли слегка; отъ частой диктовки въ классѣ почеркъ ради поспѣшности портился, изобрѣтались аббревіатуры. На слогъ роднаго языка немного обращалось вниманія, но требовалась чистота въ языкѣ латинскомъ, какъ будто семинаристы должны были потомъ жить и дѣйствовать на западѣ. Такъ сильно пустилъ свои корни хитрый папизмъ въ Бѣлоруссіи и наши полуученые отцы-ректоры долго этого не примѣчали. Не знаю, существуетъ ли теперь въ Троицкомъ монастырѣ, въ главной церкви, икона Спасителя въ архіерейской одеждѣ и въ „папской тіарѣ“; а ему безсознательно въ мое время покланялись приходящіе и даже самъ отецъ префектъ семинаріи (переименованный по преобразованіи семинарій инспекторомъ). Братъ Константинъ совѣтовалъ цѣлый годъ прилежно употребить на основательное приготовленіе и потомъ уже пускаться въ университетъ. Сознавая себя виновнымъ, въ отвѣтѣ моемъ обѣщалъ исполнить все безпрекословно. И дѣйствительно, окруживъ себя книгами, я засѣлъ ихъ заучивать. Исторія и географія дались мнѣ легко, словесность и логика туго, а математика приводила въ отчаяніе. Съ помощію всегдашнихъ моихъ друзей гимназистовъ, я по крайней мѣрѣ успѣлъ въ алгебрѣ, но не далѣе.

Латынью и греческимъ языкомъ я овладѣлъ достаточно, чтобы поступить въ студенты. Всѣ дни и часть ночей были употреблены на повторенія, объясненія. Прежняя большая, хоть и безразборчивая, начитанность нѣсколько облегчала дѣло приготовленія, которое неожиданно и почти внезапно прекратилось. Весною 1825 года я, не знаю какъ, простудился и впалъ въ нервную горячку. Жизнь моя была на волоскѣ; я сквозь горячечный бредъ помню какъ докторъ говорилъ о безнадежности моей, а затѣмъ меня напутствовали въ дальній путь св. причащеніемъ. Тѣмъ не менѣе не вполнѣ еще разстроенная моя натура восторжествовала надъ болѣзнью, при маломъ содѣйствіи медика. Выздоравливаніе мое шло слишкомъ медленно. Память ослабла, и мнѣ казалось, что я ее навсегда потерялъ. Но теплые и ясные майскіе дни, въ здоровомъ климатѣ смоленскомъ, исподоволь возстановили силы. Оправившись, я началъ усидчиво заниматься и такъ продолжалъ до августа мѣсяца 1825-го года.

V.

Сборы въ Москву.—Прощаніе съ Смоленскомъ.—Взглядъ на его прошедшее.—Смоленское современное общество.

Снабженный плохенькимъ семинарскимъ свидѣтельствомъ, въ коемъ бывшій мой плохой наставникъ словесности, въ качествѣ секретаря правленія, ловко подмахнулъ, что я уволенъ по „слабости здоровья и успѣховъ“, 21 августа (1825 г.), уложивши бѣдное свое имущество въ чемоданчикъ, помолясь съ отцемъ соборной иконѣ Богоматери Одигитріи, пустился въ Москву на „долгихъ“. Спутникомъ моимъ, также желавшимъ поступить въ университетъ, былъ—кончившій курсъ семинаріи по первому разряду—А. А. Васильевъ. Улегшись кое какъ въ одной кибиткѣ, на тощей парѣ лошадокъ, мы пустились въ путь. По дорогѣ все насъ поражало новостью, всему мы удивлялись, а больше радовались, что освободились отъ семинарскихъ узъ. Дорогобужъ, Вязьма, Царево-Займище, Гжатскъ, Бородино, Можайскъ, Вязёма — все истори-

ческія мѣста, прославленныя событіями важными, представили мнѣ случай мысленно повторить мѣстную исторію и географію. Я оставлялъ родину надолго. Какъ бѣднякъ, предоставлялъ дальнѣйшую свою участь Провидѣнію. Прощаясь съ городомъ историческимъ, гдѣ я получилъ полезное для себя направленіе, на длинномъ пути, среди совершеннаго бездѣйствія, въ тѣсной кибиткѣ, мысленно пробѣжавъ исторію Смоленска, доискивался причинъ его упадка. Издревле этотъ городъ, находящійся на рѣчномъ пути, соединяющемъ сѣверъ и югъ, извѣстенъ, а въ XIII вѣкѣ даже былъ славенъ торговымъ союзомъ съ прибалтійскою Ганзою. Смоленскій уговоръ в. к. Мстислава Ростиславича съ Рижскимъ берегомъ, во всей средневѣковой исторіи нашего отечества, являлся яркою, свѣтлою страницею цивилизаціи среди лѣсовъ, болотъ и хижинъ тогдашняго времени. Торговая знаменитость Смоленска начинаетъ постепенно угасать отъ безпрерывныхъ набѣговъ Литвы (дотолѣ единовѣрной и мирной), со времени искусственно-политическаго́ брака вел. кн. Ягелла съ Ядвигою (1386), т. е. борьбы католицизма съ православіемъ, а въ началѣ XVII вѣка заграничная торговля Смоленска совершенно замираетъ и съ намѣреніемъ замѣщается непрочными ярмарками (Ивано-Крестительскою и Матѳеевскою, каждая по 4 недѣли, сверхъ двухъ торговыхъ дней въ недѣлю). Съ XVI вѣка и эти искорки угасаютъ. Что за причина такая? Кажется, ни русскіе, ни литовцы, ни даже поляки не налегали на подавленіе торговли Смоленской. Въ томъ-то и дѣло, что Польша и ихъ привиллегіи убили смоленскую торговлю. Лукавымъ путемъ овладѣвши въ 1611 г. Смоленскомъ, Сигизмундъ III, чтобы прикрѣпить къ себѣ преданность смольянъ, какъ тому путь показалъ въ 1396 г. вел. кн. Витольдъ, („въ Смоленцѣ (Витовкѣ) свои намѣстницы посади ляхи и приказа людемъ смоленскимъ льготу многу чинити, отводя ихъ отъ князя Юрья"), пятью грамотами (1611—1625) обезпечивая имущества города и гражданъ, кромѣ самосуда даровалъ имъ и дворянскія права—владѣемыя смольянами земли заселять покупными крестьянами. По возсоединеніи Смоленска къ Россіи, богатые граждане, вкусившіе сладость помѣщичьяго права (droits des seigneurs), непремѣнною обязанностью считали просить у царя Алексѣя Михайловича,

даже у несговорчиваго Петра I (потачливаго только для остзейцевъ) и у императрицъ Елизаветы и Екатерины II подтвержденія польскихъ привиллегій, извѣстныхъ подъ именемъ Магдебургскаго права. Смоленскіе граждане ходатайствовали теперь не о возвращеніи изгнанныхъ изъ города Сигизмундомъ III „коварныхъ жидовъ и татаръ", а о подтвержденіи quasi-шляхетскихъ правъ. Между тѣмъ, какъ „коварные жиды и татары", выведенные изъ Крыма Витольдомъ, были промышленные караимы, татары же, пришлые съ Волги, Камы и Казани, искони вѣковъ, люди торговые. Тѣ и другіе въ свое время оживляли же торговлю въ Трокахъ и Вильно. Quasi-шляхетскія права заключались, какъ объясняетъ указъ Екатерины II, данный сенату 26 января 1771 года, въ слѣдующемъ: „за мѣщанами города числились дворовые люди и крестьяне, поселенные на пожалованныхъ имъ земляхъ, не въ образецъ прочимъ губерніямъ, посадамъ, которые и велѣно записать за ними по прежнему; да и впредь, для поселенія на тѣхъ жалованныхъ земляхъ, людей и крестьянъ покупать имъ не запрещалось: почему оные мѣщане однимъ только званіемъ отъ дворянъ отличались, а въ прочемъ равную съ ними привиллегію имѣли". Вотъ о чемъ въ 1771 году хлопотали смоленскіе граждане, а не о расширеніи торговыхъ привиллегій: о безданномъ и безпошлинномъ перевозѣ, о не зацѣпахъ на заставахъ, переправахъ и проч. Смоленскій магистратъ просилъ, между прочимъ, своего президента (градскаго голову) Пискарева: „пожаловать чиномъ титулярнаго совѣтника съ исключеніемъ изъ подушнаго оклада", что и было сдѣлано. Если бы президентомъ магистрата велась торговля дѣйствительная, а не номинальная, то чего ему и ему подобнымъ опасаться попасть въ подушный окладъ. Смоленскіе граждане, сдѣлавшись полупанками, построивши въ городѣ большіе каменные дома, а на земляхъ, отхваченныхъ у бѣдныхъ мѣщанъ, прекрасныя дачи съ разными угодьями, совѣстились обращаться съ „локтемъ и корцемъ" (аршиномъ и мѣркою), что по польскимъ понятіямъ составляло дѣло не дворянское. Проворные русскіе люди: торопчане, бѣльцы и др. съ каждымъ днемъ подбирали въ свои руки разные промыслы и отвозную торговлю по Деснѣ и Двинѣ. Мѣщанство охало и вздыхало, а гражданство смоленское (Го-

ловкины, Савельевы, Тишевскіе, Шембели, Сысоевы и др.) въ богатыхъ палатахъ, украшавшихъ лучшія улицы города, отстаивало только право на дворовыхъ людей. Нашествіе французовъ въ 1812 г. нанесло окончательный ударъ Смоленской торговлѣ, находившейся и безъ того въ предсмертной агоніи. Сгорѣли до тла дома и имущество, хозяйственныя заведенія исторгнуты до послѣдняго кола. Небольшіе денежные капиталы потрачены въ разныхъ мѣстахъ во время бѣгства отъ непріятелей. Пособія, данныя правительствомъ, послужили частью на обстройку пепелищъ, а частью весело прожиты. Другое пособіе, данное въ 1833 г. императоромъ Николаемъ I, любившимъ этотъ историческій городъ (въ бытность его въ Смоленскѣ, въ 1816 г., при прощаньи съ губернаторомъ Ашемъ в. к. Николай сказалъ: „ежели бы угодно было государю сдѣлать меня гдѣ военнымъ губернаторомъ, я пожелалъ бы быть въ Смоленскѣ“), комикомъ-губернаторомъ Хмѣльницкимъ было потрачено на обстройку, по красивенькимъ планамъ, наружныхъ домовъ и заборовъ. Отъ отвыкшихъ къ торговымъ промысламъ дѣдовъ пошли внуки-сидни: поѣздка въ Москву считалась эпохою. Частыя правительственныя льготы пріучили горожанъ къ постоянной мысли: „авось еще помогутъ!“

Изъ знаменитаго нѣкогда торговаго города, Смоленскъ снизошелъ на степень обыкновеннѣйшаго губернскаго, гдѣ главное украшеніе составляютъ: присутственныя мѣста, дома дворянскаго собранія, губернаторскій, военногубернаторскій, казенныхъ аптекъ и т. п., а не гостинные дворы, фабрики, заводы, и гдѣ товары получаютъ изъ Москвы или съ сосѣднихъ Любавичскихъ и Хиславичскихъ ярмарокъ (Могилевской губ.): вотъ-те и „коварные жиды и татары“.... „Днѣпръ Славутичъ“ сонливо катитъ свѣтлыя свои струи по бѣлому песку, поджидая себѣ по прежнему груза къ „Готьскому брегу“ или „путя въ Грекы“, а до того, отъ нечего дѣлать, направляетъ токъ то къ тому, то къ другому берегу.

Въ Смоленскѣ и теперь существуютъ обломки польско-русскихъ купеческихъ фамилій: Шеблавинскихъ, Текоцкихъ, Кульбацкихъ, Кублицкихъ, Шембелей. Изъ дворянъ польскихъ: вонъ Лярскіе, Шупинскіе, Ридванскіе, Рачинскіе, Пенскіе и др., а изъ пришлыхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, шотландцевъ: Реады, Лесли, Клейгильсы; потомки ли-

вонскихъ рыцарей—Энгельгардты, Гернгроссы, Эльснеры, и т. п. Изъ татаръ—наша фамилія, а можетъ быть есть и другія—не знаю. Переходъ ополяченныхъ жителей въ русскіе происходилъ отъ временъ Петра II до Екатерины II. Епископы Гедеонъ Вишневскій [1]) и Парѳеній чрезъ посредство семинаріи, (въ которую допускались и дворяне, напр. Потемкинъ Свѣтлѣйшій), много потрудились въ дѣлѣ обращенія сбитыхъ съ праваго пути. Въ архивѣ консисторіи я видѣлъ дѣло, относящееся ко времени Екатерины II, объ отлученіи отъ церкви какого-то помѣщика за то, что поколотилъ игумена.

Все высшее образованіе смоленскаго дворянства и купечества ограничивалось гимназіею, да и въ той оканчивало курсъ не свыше 8—10 учениковъ. Остальное юношество довольствовалось первыми тремя классами. Посылать дѣтей для дальнѣйшаго образованія въ московскій университетъ стали не ранѣе 1821 года. Такими были изъ первыхъ: Вас. Андр. Андросовъ и Флоръ Жодейко. Оба вышли изъ университета магистрами. Первый, какъ авторъ „Хозяйственной статистики Россіи“, надѣялся поступить въ университетъ адъюнктомъ, но не успѣлъ по слѣдующему обстоятельству. Издавая „Московскій Наблюдатель“, Андросовъ, не зная истинной цѣли доставленнаго ему поэтомъ Пушкинымъ: „Подражанія одѣ Горація на выздоровленіе Лукулла“, простодушно помѣстилъ это стихотвореніе въ своемъ журналѣ. Но оказалось, что Пушкинъ написалъ оду на случай выздоровленія богача русскаго Шереметева, обреченнаго докторами на смерть, послѣ котораго, въ числѣ многихъ наслѣдниковъ, считалъ себя С. С. Уваровъ, въ это время министръ народнаго просвѣщенія. Ода эта ни въ одномъ изданіи „Полныхъ сочиненій Пушкина“ не помѣщена [2]).

Послѣ сказанныхъ двухъ лицъ въ университетъ изъ гим-

---

[1]) Гедеонъ Вишневскій, изъ малороссійскихъ дворянъ, обучался въ кіевской духовной академіи, заграничный докторъ философіи, пользовался расположеніемъ императрицы Елисаветы Петровны; былъ епископомъ съ 1728 г. по 1760 г. См. Списки архіер. и архіер. каѳедръ, Ю. В. Толстаго.
Кн. В. Д.

[2]) Н. Н. Мурзакевичъ ошибается: ода вошла въ послѣднее изданіе соч. Пушкина. Ред.

назіи поступили: Я. А. Лукьяновъ—мой пріятель по дѣтству, и сослуживецъ по лицею, въ качествѣ профессора; Н. В. Чашниковъ, впослѣдствіи инспекторъ училищъ казанскаго учебнаго округа; С. И. Клименковъ, адъюнктъ университета по медицинскому отдѣленію; Киселевъ и др. Семинаристы поступали въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію. Бѣдняки должны были до поступленія подвергаться предварительному экзамену въ гимназіи, гдѣ ихъ часто браковали, и часто несправедливо. Въ семинаріи въ это время лучше знали латынь, чѣмъ въ гимназіи.

Дворянство держало себя недоступно для прочихъ сословій; вообще же отличалось гостепріимствомъ и мотовствомъ. Такъ, дворяне, получивъ вспомоществованіе отъ казны за потери въ 1812 г., по случаю проѣзда императора Александра I, затѣяли блистательный балъ, который государь, однако, не принялъ, а бѣдные крестьяне ихъ въ это время толпами по городу просили подаянія. Помню, какъ на дворянскіе выборы богатые помѣщики свозили на подводахъ своихъ „малодушныхъ“ собратовъ; снабжали ихъ на постоялыхъ дворахъ кормомъ, мундирами, шляпами и шпагами. И въ случаѣ если бѣдняки не отстаивали своего патрона, предоставляли возвращаться во свояси, какъ тѣ знали, собственными средствами. По случаю стоянки войскъ или ихъ прохода, непремѣнно, устраивали вечеринки, балы и при семъ случаѣ пристраивали дочерей.

Сколько весело было офицерству, столько несчастно было солдатство. Битье до крови ни по чемъ. Квартировавшій въ нашемъ домѣ полковникъ Глазенапъ, не помню какого гренадерскаго полка, на дворѣ билъ несчастныхъ солдатъ ружейными шомполами. Тѣсно и холодно одѣтые солдаты, въ морозы 20 градусные, парадировали въ мундирахъ, въ короткихъ бѣлыхъ суконныхъ штанахъ съ кожанными крагами, подъ которыми не было суконной подкладки, а для красивой посадки надѣтыми на голыя ноги. Окоченѣлые несчастные падали десятками и, сильно всюду стянутые, не иначе могли подняться на ноги, какъ съ помощью товарищей. Помню тамбуръ-мажоровъ съ золотыми или серебряными генеральскими эполетами, всѣ въ галунахъ, тѣшившихъ насъ, уличныхъ зѣвакъ, фокусами вертящейся или бро-

саемой вверхъ булавы. Хоръ музыкантовъ, имѣвшихъ какую-то турецкую литавру съ конскими хвостиками, колокольчиками и полумѣсяцемъ на верху; флигельмановъ огромнаго роста, выбѣгавшихъ на средину площади, — поворачиваньемъ съ какими-то фокусами ружья они давали знакъ полку къ ружейнымъ пріемамъ. Доносились слухи о жестокомъ обращеніи съ своими слугами корпуснаго командира графа Остермана-Толстаго, который, послѣ потери подъ Кульмомъ руки, изъ кроткаго человѣка сталъ почти звѣремъ. Помню дивизіоннаго командира гренадеровъ И. Ѳ. Паскевича, иногда посѣщавшаго моего отца; также и бригаднаго—А. А. Писарева, потомъ въ мое время—попечителя московскаго университета. Помню возвращавшійся изъ Франціи какой-то полкъ, солдаты котораго были одѣты въ тонкое сукно и подъ руку расхаживали съ своими женами-француженками. Не привѣтливо же ихъ бѣдныхъ встрѣтилъ, дослужившійся до генеральства, комендантъ Петровскій. Проведшему бо̀льшую часть жизни гдѣ-то въ Сибири, этому коменданту недоступны были семейныя чувства.

Охоты къ чтенію въ жителяхъ не замѣчалось: „Московскія Вѣдомости“ замѣщали всѣ книги. Книжная лавка существовала одна, да и та безъ подновленія. Типографія, 15 лѣтъ тому назадъ выпустившая разныя книжки и между ними: „Созерцаніе природы, Боннета“, въ мое время съ трудомъ печатала афишки проѣзжающихъ акробатовъ. Театра постояннаго не было: являлась иногда странствующая бѣдная труппа, дававшая представленія въ сараѣ—на польскомъ языкѣ. Общественныхъ прогулокъ не было, развѣ когда полковая музыка сзывала жителей на „блонье“—четыреугольную площадь, окруженную домами присутственныхъ мѣстъ. Послѣ погрома французскаго, множество каменныхъ лучшихъ домовъ: кадетскій корпусъ, генералъ-губернаторскій, арсеналы, огромные помѣщичьи дома, расположенные къ Молоховскимъ воротамъ: Швейковскаго, Мезенцова и др., послѣ пожара, оставались необновленными. Улицы дальнія не имѣли заборовъ, и уцѣлѣвшіе отъ огня дома (пятая часть) торчали одинако. Не смотря на все это, городъ все-таки казался веселымъ и пріятнымъ отъ множества садовъ, которыми, можно сказать, былъ весь облитъ. Видъ на него съ Покровской горы по петербургской дорогѣ—

очаровательный. Отсюда открывалась обширная панорама. Впереди Днѣпръ съ мостомъ, изящная стѣна съ четыреугольными и круглыми башнями, обнимавшая городъ кругомъ, въѣзжія ворота днѣпровскія съ церковью, затѣмъ высокіе холмы, идущіе пологимъ склономъ къ рѣкѣ; среди яркозеленѣющихъ садовъ—дома, церкви и надъ всѣмъ этимъ господствующій Успенскій соборъ, въ византійскомъ вкусѣ. Соборъ, сохраненіемъ своимъ отъ взрыва, обязанный моему отцу, не давшему непріятелямъ ключей, представлялъ рѣдкое зрѣлище.

Граждане вообще жили уединенно, скромно и весьма благопристойно. Набожность и патріотизмъ — вотъ что отъ богатыхъ предковъ осталось смольянамъ въ наслѣдство!

Ник. Никиф. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

VI [1]).

Пріѣздъ въ Москву (1825 г.).—Вступленіе въ университетъ.—Ректоръ Прокоповичъ-Антонскій и профессора университета. — Студенты. — Сближеніе съ товарищами В. Г. Шостакомъ, М. М. Кирьяковымъ и Я. А. Позняковъ.— Студенческая жизнь.

Послѣ девятидневнаго шествія, поражавшаго новизною всего видѣннаго, съ Поклонной горы открылась глазамъ нашимъ златоглавая Москва — безпредѣльная и поразительная. Съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривая все встрѣчавшееся, 29 августа 1825 г. мы въѣхали въ Кремль и, въ такъ называемомъ „Зарядьи", остановились на постояломъ дворѣ; оттоль вскорѣ перешли ближе къ университету—въ Газетный переулокъ.

Утромъ 30-го числа пришли къ намъ мой братъ Константинъ и недавно прибывшій въ Москву смоленскій купеческій сынъ Я. Ареѳьевъ, получившій въ рижской гимназіи хорошее образованіе. И этотъ—почти 30-ти лѣтній дѣтина—желалъ поступить въ университетъ! На совѣтѣ домашнемъ рѣшено было жить намъ троимъ вмѣстѣ; братъ мой брался облегчить наши хлопоты по университетской канцеляріи. Весь этотъ день табельный я провелъ съ братомъ въ осмотрѣ Кремля. Успенскій соборъ и другіе мнѣ не показались послѣ величественности

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46.

смоленскаго, за то поразили церковь Василія Блаженнаго и на Ильинкѣ Покровская и Никола Красный звонъ. Иллюминація кремлевскаго сада меня занимала сильно, но многолюдство утомляло до головокруженія.

1-го сентября 1825 г. съ трепетомъ вступилъ я на университетское крыльцо и со страхомъ подалъ прошеніе о принятіи въ студенты ректору университета, опрятному и чистенькому старичку съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ,—Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому. 7-го числа, послѣ обѣда, насъ человѣкъ 30, экзаменовали ректоръ и профессоры: Ризенко, Чумаковъ и Снегиревъ. Со всѣхъ предметовъ отвѣты мои были удовлетворительны, изъ латыни и греческаго также, но за то въ математикѣ я окончательно срѣзался, подобно многимъ. Секретарь правленія, Кондратьевъ, которому я сообщилъ свое несчастіе, сказалъ, что „теперь нечего мнѣ ждать хорошаго; могу ѣхать во свояси!“ Больше меня срѣзался добрый Васильевъ: ему наотрѣзъ было отказано въ пріемѣ. Ареѳьевъ выдержалъ экзаменъ хорошо. Придя на квартиру, мы съ Васильевымъ уже рѣшили о возвратѣ во-свояси. Но приходъ моего брата, однако, измѣнилъ наши намѣренія: мнѣ онъ объявилъ, что, изъ вниманія къ знанію греческаго и латинскаго языка и другихъ предметовъ, я не токмо принятъ въ студенты, но и допущенъ, мимо приготовительнаго отдѣленія, прямо слушать лекціи ординарныхъ профессоровъ. Слѣдовательно, вмѣсто 4 лѣтъ пробуду въ университетѣ 3 года. Васильеву—что можетъ вновь экзаменоваться для поступленія уже не на факультетъ какой либо, но въ медицинское отдѣленіе, что тотъ и исполнилъ.

Возрожденный къ новой жизни, на радости, я побѣжалъ въ церковь помолиться и попалъ въ женскій Никитскій монастырь, находящійся неподалеку отъ нашей квартиры. Здѣсь встрѣтилъ повѣсъ студентовъ, ухаживавшихъ за клирошанками-бѣлицами (не монахинями); сюда, наконецъ, повадился и я ходить, для цѣлей не очень похвальныхъ, единственно изъ глупаго хвастовства и желанія не отстать отъ другихъ.

9-го сентября въ правленіи университета записался слушателемъ на называвшееся тогда „этико-политическое отдѣленіе“; мнѣ выдали латинскую табель, вмѣщавшую, кромѣ росписанія преподаваемыхъ въ университетѣ лекцій, правила поведенія студентовъ.

Къ сожалѣнію, эти добрыя правила не многимъ были понятны, по поводу латыни. Посѣщеніе лекцій профессорскихъ и сторонніхъ, которыя мнѣ навязалъ ректоръ, было вначалѣ исправное; но чрезъ мѣсяцъ я нашелся вынужденнымъ нѣкоторыя оставить. Вотъ что было внесено въ мою табель: по нравственно-политическому отдѣленію: богословіе догматическое и нравственное—преподаватель архимандритъ Иннокентій Платоновъ; политическая экономія — ординарный профессоръ Христ. Шлецеръ (сынъ знаменитаго автора „Нестора“); римское гражданское право, сравниваемое въ главнѣйшихъ предметахъ съ законами египтянъ, евреевъ и грековъ, нѣмцевъ, англичанъ, пруссаковъ и французовъ—профессоръ Левъ Алекс. Цвѣтаевъ; русское практическое производство дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ — профессоръ Ник. Ник. Сандуновъ; политическое право и дипломатія—профессоръ Дм. Еф. Василевскій; исторія русскаго законодательства и порядокъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ — адъюнктъ Сем. Алекс. Смирновъ; теорія гражданскаго и уголовнаго права—адъюнктъ Мих. Яков. Маловъ. По физико-математическому: физика — профессоръ Ив. Алекс. Двигубскій. По словесному: теорія словесности съ критическимъ разборомъ сочиненій — профессоръ Алексѣй Θед. Мерзляковъ; русская исторія и статистика—проф. Мих. Троф. Каченовскій; всеобщая исторія и статистика — проф. Юл. Петр. Ульрихсъ; римская словесность—проф. Ив. Ив. Давидовъ; греческій языкъ и литература — экстра-ординарный проф. Сем. Март. Ивашковскій; теорія французскаго языка—лекторъ Ив. Пельтъ. Всю эту длинную и тяжкую вереницу знаній и наукъ навязалъ мнѣ ректоръ, прибавивъ къ избраннымъ мною профессорамъ политическаго (по теперешнему юридическаго) отдѣленія всѣхъ остальныхъ, приговаривая: „вы пріѣхали-ста учиться-та, а не лѣниться-та!“

Попробовавъ прослушать все это въ первый мѣсяцъ, сколько по совѣту товарищей, столько и по собственному убѣжденію, рѣшился я облегчить себя. Къ Ульрихсу, читавшему по тетрадямъ переводы Шрекка, и къ архимандриту, часто хмѣльному, сталъ ходить порѣже, тоже и къ Давидову, а къ Ивашковскому и Пельту вовсе не ходилъ: первый объяснялъ грамматику, которую я зналъ, а второй литературу, а мнѣ необходима была грамматика. Изъ своего отдѣленія—профессоръ Шлецеръ,

получившій эмеритуру, больше не читалъ, а его плохо замѣнялъ Бекетовъ. Сколько увлекательны были импровизаціи, воевавшаго противъ романтизма, профессора Мерзлякова, бывшаго въ душѣ романтикомъ, столько назидательны были лекціи Цвѣтаева и обильны разнообразными свѣдѣніями Каченовскаго. Ученый скептикъ этотъ такъ обширно развивалъ свой предметъ, что въ цѣлый годъ едва успѣвалъ прочесть „Введеніе въ русскую исторію и статистику". Сандуновъ умными, бойкими, хоть частенько грубыми, поговорками и дѣльными замѣчаніями умѣлъ заставить полюбить его предметъ и его самого. Ему-же я обязанъ тѣмъ, что научился вѣрно и быстро разбирать древніе русскіе дѣловые акты и документы. Посредствомъ ихъ я исподоволь познакомился съ русскою археологіею. Жальче, смѣшнѣе, безполезнѣе всѣхъ были чтенія адъюнкта Малова. Извѣстный острякъ университетскій И. М. Снегиревъ удачно приложилъ къ этому бездарному, но честному человѣку, стишокъ изъ басенъ Крылова: „и нашего Малова....."

Аудиторія политическаго отдѣленія находилась въ лѣвомъ крылѣ величественнаго зданія университетскаго, во второмъ этажѣ. Круглая зала, замѣщенная въ три четверти амфитеатромъ, простымъ столомъ и профессорскимъ кресломъ, съ нѣсколькими скамьями и стульями, поражала своею скромностью глаза молодые, предполагавшіе встрѣтить блескъ. Картина была чудесная, когда весь амфитеатръ, о нѣсколькихъ рядахъ уступовъ, наполнялся молодежью здоровою, красивою, изящною и разнохарактерно одѣтою! Тогда еще не была введена полу-военная форма. Тогда модный изящный сюртукъ или полуфракъ безразлично усаживался съ фризовою шинелью, или выцвѣлымъ демикотоновымъ сюртукомъ, или казакиномъ. Кандидатъ, кончившій курсъ, студентъ 30 лѣтъ, студентикъ 15-лѣтній, преклонныхъ лѣтъ любознательный сенатскій чиновникъ, армейскій офицеръ — все это сидѣло, стояло, лѣпилось гдѣ попало на изящныхъ лекціяхъ Мерзлякова. Иногда въ длинноломъ сѣроватомъ сюртукѣ виднѣлось выразительно пріятное, немного косоглазое, лицо Ивана Ивановича Дмитріева.

На противоположномъ углу университета была такая-же аудиторія, гдѣ Двигубскій читалъ физику, сопровождая ее постоянно неудающимися опытами. Недоумѣніе неповоротливаго механика

и добродушное ворчанье профессора сопровождались общимъ здоровымъ смѣхомъ. Однажды, когда показывали свѣтъ электричества и затворили ставни, двѣ трети улизнуло изъ аудиторіи, безъ непріятныхъ для себя послѣдствій. Въ словесной аудиторіи на чтеніяхъ дряхлаго, но нѣкогда полезнаго, профессора М. М. Гаврилова, всегда рьянаго славянофила, постоянно собиралась вся шаловливая молодежь. Лишь старецъ взойдетъ на каѳедру и начнетъ похвалы высокимъ мыслямъ псалтиря, бормотанье шалуновъ: „чужакъ! чужакъ!“ останавливало паѳосъ старца. Чужакъ, т. е. студентъ инаго отдѣленія, изгонялся; затѣмъ другой, третій, и тѣмъ лекція кончалась. Молодежь, дозволяя себѣ рѣзвости съ нѣкоторыми, въ томъ числѣ и съ архимандритомъ Иннокентіемъ, докучливо прося благословенія, не забывалась, однако, до того, чтобы выйти изъ границъ приличія и должнаго почтенія. Этого-бы не дозволили сами студенты. Мѣста въ аудиторіяхъ занимались студентами по произволу: болѣе внимательные, или желавшіе казаться такими, усаживались ближе къ профессору; разсѣянные и желавшіе между собою поболтать восходили на высшія ступени амфитеатра, Мерзляковъ прозвалъ ихъ: „Парнасомъ“, „небожителями“. Середина амфитеатра была избрана мною: тутъ я на первыхъ-же дняхъ познакомился съ цвѣтущимъ, плотнымъ, живымъ и добродушнымъ юношею — Василіемъ Григорьевичемъ Шостакомъ, уроженцемъ одесскимъ. Взаимная пріязнь наша скрѣпилась сильнѣе, когда оттуда-же пріѣхалъ двоюродный его братъ, смуглый, красивый, благороднѣйшій молодой человѣкъ — Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ. Сближеніе наше совершилось быстро: откровенный размѣнъ мыслей, одинаковость цѣлей, нелицепріятное вниманіе другъ къ другу — связали насъ прочно, не смотря на рѣзкое различіе характеровъ и матеріальное положеніе: оба владѣли по 30,000 десятинъ земли съ крестьянами у каждаго. Шостакъ былъ пылъ, пламя, Кирьяковъ — теплый и отрадный огонь, отъ котораго не желалось отойти. Оба, жившіе въ началѣ каждый порознь, вскорѣ съѣхались на одну квартиру, при чемъ Шостакъ принялъ къ себѣ бѣднаго студента Якова Аникіевича Познякa (теперь сенаторъ въ С.-Петербургѣ) и доставили мнѣ возможность чаще быть съ ними; сходясь вмѣстѣ, приготовлялись къ лекціямъ, сличали замѣтки наши, вынесенныя изъ профессорскихъ лекцій, болтали, мечтали,

ребячились и поперемѣнно мучили то Шостака, здоровеннаго, но всегда робкаго дѣтину, то вѣчно хилаго Позняка. Кватрумвиратъ нашъ сдѣлался примѣтнымъ и въ университетѣ: на одной лавкѣ сидѣли, слушали и записывали.

По денежнымъ разсчетамъ я долженъ былъ выбирать себѣ дешевыя и дальнія квартиры. Все, что добрый мой отецъ могъ мнѣ дать, простиралось не далѣе 240 рублей ассигнаціями въ годъ. Поэтому квартиренки мои были — то у Каменнаго моста на Лѣнивкѣ, то на Бронной за Тверскимъ бульваромъ, то у Харитонія въ огородникахъ, что за Никитской. Шесть мѣсяцевъ я прожилъ въ университетѣ въ извѣстномъ 14 нумерѣ. Такъ называлась проходная трехъугольная комната, въ концѣ другихъ нумеровъ, занимаемыхъ казеннокоштными студентами. Въ 14 нумерѣ помѣщались, съ разрѣшенія инспектора студентовъ (которымъ былъ въ то время профессоръ Сандуновъ), бѣднѣйшіе студенты, платившіе за этотъ страшно холодный зимою и постоянно проходной пріютъ, да за очень скромный обѣдъ и ужинъ—12 рублей въ мѣсяцъ. Но и эта весьма умѣренная сумма неисправно взносилась, въ томъ числѣ и мною. Все жила голь перекатная! Ветхая лѣтняя шинель моя служила и для прочихъ моихъ сожителей. Холодъ въ номерѣ бывалъ зимою такой, что на столахъ вода замерзала; а продрогши ночь или вечеръ, съ трудомъ могли набрать втроемъ и четверомъ 10 копѣекъ серебромъ. Сборище для питья чая было въ плохенькомъ трактирѣ, что въ „желѣзныхъ рядахъ“, окнами на Кремлевскій садъ. Въ „желѣзномъ“, какъ постоянные посѣтители, мы имѣли свою комнатку, и услужливые „половые“, трактирные служители, первымъ намъ доставляли свѣжія „Московскія Вѣдомости“, „Телеграфъ“ Н. Полеваго, „Инвалидъ“ и „Дамскій Вѣстникъ“ „сладкаго спички—Шаликова“ (князь). Болѣе разгульные студенты, казенные, пристанище имѣли въ томъ-же желѣзномъ ряду, но у содержателя „Сучка“. Денежные студенты посѣщали кондитерскую Педотти, Шевалдышева и знаменитый ѣдою Новотроицкій трактиръ въ „городѣ“.

VII.

Кончина императора Александра I.—Флигель-адъютантъ гр. Серг. Гр. Строгоновъ и попечитель генералъ-маіоръ А. А. Писаревъ.—Введеніе студенческой формы. — Пріѣздъ въ Москву императора Николая I (1826 г.). — Дѣйствительный студентъ А. Полежаевъ. — Новый ректоръ И. А. Двигубскій.—Профессоръ Сандуновъ. — Особенно выдававшіеся студенты. — Окончательный экзаменъ (1828 г.). — Поѣздка въ Троице-Сергіеву Лавру. — Разъѣздъ товарищей.

Конецъ 1825 года ознаменованъ кончиною Александра I, также петербургскими смутами декабристовъ. Въ промежуткѣ трехъ дней посылали насъ въ университетскій приходъ „Георгія на красной горкѣ“ присягать на вѣрноподданство императорамъ Константину, а потомъ Николаю I.

Видѣлъ я торжественный перевозъ тѣла усопшаго Александра I чрезъ Москву въ С.-Петербургъ. Видно, Москва еще не забыла старинное „слово и дѣло“, когда о всѣхъ современныхъ событіяхъ говорила и судила не иначе, какъ въ полголоса и то съ оглядкою. На лекціяхъ профессоровъ стали иногда показываться военные мундиры. На пробной лекціи философіи, которую разрѣшено было въ 1826 году читать профессору Давидову, мы въ первый разъ увидѣли императорскаго флигель-адъютанта: это былъ молодой полковникъ графъ Сергѣй Григ. Строгоновъ, впослѣдствіи попечитель университета. Не знаю, заключенія-ли гр. Строгонова о духѣ лекціи, или чьи другія, но только каѳедра философіи была закрыта и предназначенный профессоръ Ив. Ив. Давидовъ остался безъ мѣста.

Бывшій въ это время „попечителемъ университета и его учебнаго округа“ генералъ-маіоръ А. А. Писаревъ сталъ вводить мундирную униформу. До сего студенты одѣвались во что могли; теперь-же первыми были обмундированы казеннокоштные студенты. Прежде парадный мундиръ имѣли только кандидаты, магистры, доктора наукъ, адъюнкты и профессора, отличаемые меньшимъ или большимъ золотымъ шитьемъ по малиновому сукну на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ синяго цвѣта; теперь цвѣтъ синій замѣнился темно-зеленымъ, и на студенческихъ малиновыхъ воротникахъ появились по двѣ петлицы изъ галуновъ.

Чтобы отличить казенныхъ студентовъ отъ своекоштныхъ, своего рода „генералъ Скалозубъ“ придумалъ суконные погончики въ родѣ почталіонскихъ. Все это было утверждено полумертвымъ министромъ просвѣщенія А. С. Шишковымъ, прибывшимъ въ Москву къ празднику коронаціи императора.

Въ іюлѣ 1826 г. былъ торжественный въѣздъ въ Москву всей императорской фамиліи; молодой, очень худой тѣломъ, императоръ былъ на конѣ. Вся Москва радостно привѣтствовала монарха. Среди приготовленій къ торжественному событію, въ полслуха мы узнали, что выпущенный въ семъ году (1826) дѣйствительнымъ студентомъ Александръ Полежаевъ и читавшій 3-го іюля на университетскомъ актѣ замѣчательное стихотвореніе „Геній“ (извѣстный разгуломъ, а еще болѣе его циническою поэмою „Сашка“, пародіею на Онѣгина) былъ потребованъ къ императору, читалъ предъ нимъ мѣста изъ „Сашки“, указанныя ему самимъ императоромъ, въ присутствіи долголѣтняго старца Шишкова и попечителя Писарева, и затѣмъ отданъ въ военную службу. Не помогъ безпутному таланту хвалебный стихъ, съ которымъ онъ (въ „Геніи“) обратился къ императору: „Монархъ—талантовъ юныхъ другъ!“ Послѣ этого случая обращеніе и безъ того плохаго литератора Писарева (автора „Калужскихъ вечеровъ“) со студентами сдѣлалось невыносимо нелѣпымъ. Послѣ нѣсколькихъ размолвокъ съ нимъ, профессоръ Сандуновъ, благоразумно строгій и благодѣтельный, оставилъ инспекторскую должность. Ее передали безхарактерному и разсѣянному профессору (какъ острили студенты) „сбивчивой математики“ Чумакову, а затѣмъ Д. М. Перевощикову. Чтобы избѣгнуть бѣды, которая могла произойти отъ стѣсненія казенныхъ студентовъ, я вынужденнымъ нашелся переселиться на вольную квартиру.

Всѣ торжества коронаціи, доступныя всѣмъ, я видѣлъ; былъ на общенародномъ балѣ, данномъ императоромъ въ обширнѣйшей залѣ большаго московскаго театра, на народномъ праздникѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Въ Лефортовѣ видѣлъ фейерверкъ такой, какой Шехеразада не придумала бы въ „Тысячѣ и одной ночи“. Въ сентябрѣ 1826 года возвратились (изъ вакаціоннаго отпуска на родину) Кирьяковъ и Шостакъ; пересказамъ нашимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ не было конца.

Начавшійся второй годъ нашего курса я облегчилъ тѣмъ, что взялъ табель на слушаніе лекцій только двухъ факультетскихъ профессоровъ съ добавленіемъ Каченовскаго. На мѣсто Прокоповича-Антонскаго, удаленнаго императоромъ отъ ректорства (причемъ удаленъ былъ и изъ университетскаго благороднаго пансіона, совмѣстно съ инспекторомъ Давыдовымъ), былъ назначенъ И. А. Двигубскій. Всѣхъ насъ своекоштныхъ студентовъ заставили носить форменные сюртуки; баричи же пошили мундиры съ шитыми петлицами. Но какъ-то форма не клеилась: при вицмундирѣ надѣвалась шапка эриванка, крымская или круглая шляпа, шальвары à la cosaque и т. д. Все это, до глубины души, мучило Писарева, шалуновъ же тѣшило, хотя иногда они и квитались карцернымъ заключеніемъ; поплатился и я за „единственныя“ гороховыя панталоны.

Въ этотъ годъ я сдѣлалъ блистательные успѣхи въ чтеніи древнихъ русскихъ рукописей, даже удивилъ самого Сандунова, прочтя ему писанный самою мелкою вязью въ одну строку церковный гимнъ. „О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь“ и до конца. Причемъ показалъ ему и опытъ моего подражанія древнему почерку, въ которомъ едва убѣдился недовѣрчивый старикъ. Послѣ этого доступъ къ его многочисленнымъ „столбцамъ“ сталъ для меня безпрепятственнымъ. У него ознакомился я съ лучшими гравированными эстампами, до которыхъ Сандуновъ, послѣ разнообразныхъ табакерокъ, былъ страстный охотникъ.

1827-й годъ не проявилъ ничего особаго. Прилежно посѣщали лекціи, читанныя отъ 8 часовъ утра до 2 часовъ пополудни. Прежній утомительный обычай вечернихъ лекцій былъ отмѣненъ. Бывало, въ холодный или дождливый вечеръ плетешься, не вѣсть откуда, на лекцію, читаемую въ 5-мъ часу; пришедъ въ аудиторію, часто слышишь отъ громогласнаго солдата Колобова: „Льва Алексѣевича не будетъ!“ (декана, читавшаго римское право), и снова, понуривъ голову, идешь домой. Всю эту зиму сильно страдалъ простуднымъ ревматизмовъ, которымъ щедро меня одарилъ пресловутый 14-й нумеръ или „Сибирь“, какъ его прозвали своекоштные. Болѣзнь моя поддерживалась плохою одеждою: лѣтняя шинель, фуражка, безъ галошъ и, часто на босу-ногу, плохенькіе сапоги составляли мой скудный покровъ. Безпокоить отца, обремененнаго семьею, было нечестно. Частныхъ

уроковъ не представлялось, да и не достало бы времени; дѣлать заемъ не осмѣливался, не имѣя въ виду чѣмъ во время уплатить. Бѣдный деньгами, я, однако, былъ богатъ книгами. Часть книгъ я имѣлъ изъ хорошей библіотеки отцовской, а другую передалъ мнѣ братъ Константинъ; остальное все нужное охотно ссужали друзья и прочіе товарищи, съ которыми я умѣлъ уживаться, помогая въ нѣкоторыхъ случаяхъ школьными совѣтами. У меня были: Монтескьё, Беккарія, Юсти, Фейербахъ, Вейсъ, аббатъ Миллотъ, Уложеніе, Наказъ, Учрежденіе о губерніяхъ, даже Памятникъ законовъ Максимовича. Платье, что на себѣ, сундукъ съ книгами, тетрадями и бѣльемъ, кровать—вотъ „omnia mea!“ За то перевозка съ квартиры на другую никогда не превышала 20 копѣекъ серебромъ. Въ этомъ году я сталъ примѣчать нѣкоторыя, отличавшіяся отъ многихъ студентовъ, личности: А. А. Краевскаго, Н. Любимова, Н. Аничкова, Ѳ. Морошкина, П. Г. Рѣдкина, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Савича, М. Розберга, Г. Соколова, М. И. Топильскаго, Я. Кетчера, А. Ротчева, П. Савастьянова, Вадима и Діомида Пассековъ; на анатомическихъ лекціяхъ знаменитаго Лодера указывали на маленькаго молоденькаго студента Ник. Иванов. Пирогова, уже обращавшаго на себя вниманіе своихъ сверстниковъ. Въ томъ же году паническій страхъ навелъ почти на всѣхъ студентовъ трехъ отдѣленій (кромѣ медицинскаго) назначенный профессоръ богословія, протоіерей П. Терновскій. Полное, хотя и сжатое, преподаваніе этого предмета, по новости, всѣхъ обременяло. Уже не довольно было отдѣлаться катихизисомъ Филарета,—надлежало отвѣчать то, что требовалъ неукротимый чтецъ. Мнѣ въ этомъ разѣ важную услугу оказала собственная книга: „Compendium theologiae sacrae“, архимандрита Іакинѳа Карпинскаго, лейпцигское изданіе. Пробѣжавъ ее нѣсколько разъ, на репетиціяхъ я отвѣчалъ болѣе, чѣмъ удовлетворительно. На выпускномъ же экзаменѣ даже обратилъ на себя вниманіе страшнаго экзаменатора митрополита Филарета. Бѣдный Терновскій; по испугу или какой другой причинѣ, вызвалъ меня два раза: за отвѣтъ „о прообразованіяхъ“ заслужилъ похвалу митрополитскую. Полный до сего безпредѣльнаго уваженія къ профессорамъ, я сильно разочаровался Сандуновымъ, Цвѣтаевымъ и Василевскимъ. Я освѣдомился отъ Кирьякова и Шостака,

что они и еще Загряжскій, да Воронцы двое, берутъ у сказанныхъ лицъ частные уроки съ платою: Сандунову—15 р., Цвѣтаеву—12 р., Василевскому меньше. Это, по общему говору студентовъ, означало, что всѣ эти слушатели, при окончаніи курса, выступятъ кандидатами. Предполагая, по крайней мѣрѣ, въ Кирьяковѣ стремленіе къ бо́льшимъ знаніямъ, я не вѣрилъ и не слушалъ злорѣчія. Но, къ душевному прискорбію, мнимое злорѣчіе оказалось сущею правдою. Всѣ, кромѣ одного изъ Воронцовъ, прошли кандидатами. Видно, овощи Курія Дентата не пришлись по желудкамъ престарѣлыхъ профессоровъ.

Наступившій 1828 годъ мы встрѣтили дружными занятіями. Все, кончающее курсъ, зашевелилось; призадумались и тѣ, которые рѣдко о своей цѣли думали. Прилежнѣе стали прислушиваться къ лекціямъ, стали собираться въ группы для повтореній, объясненій взаимныхъ. Даже стали разсчитывать баллы, которые придется получить отъ экзаменаторовъ. Сходились, читали, повторяли, спорили, вздыхали. Наконецъ, наступила и пора экзаменовъ. Первый предметъ—богословіе, какъ прежде сказалъ, для меня прошелъ благополучно, за нимъ почти всѣ главные факультетскіе, даже смутная политическая экономія. Но, о горе! жестоко срѣзался у Ульрихса на вопросѣ: „кольмарскій съѣздъ“. Степени кандидата я не получилъ. Въ отчетѣ университетскомъ о выпускныхъ, между студентами своего отдѣленія я, однако-жъ, былъ поставленъ въ числѣ „оказавшихъ весьма хорошіе успѣхи“. Я не ставлю себя судьею въ собственномъ дѣлѣ; но участь мою справедливо обсудили благородные товарищи!

По обѣту и заведенному въ Москвѣ обычаю нашъ кватрумвиратъ отправился въ Троице-Сергіеву лавру. У московскихъ жителей поѣздка или пѣшеходье въ Троицкую лавру считается особенно важною эпохою. У нихъ, слышимъ часто, какъ при опредѣленіи какого либо обстоятельства, говорятъ: это случилось „до (нашествія) француза“, или, это было „до Тройцы“, „послѣ Тройцы“. Въ три дня мы основательно обозрѣли этотъ славный историческій монастырь — музей народный. Тутъ я нѣсколько узналъ русскую старину: архитектуру, крѣпостную и гражданскую, письменность, художества, иконопись. Приземистый, болѣе чѣмъ скромный, памятникъ царственнаго семейства Годуновыхъ заставилъ призадуматься. У него скорѣе понимается мудрое

изреченіе Соломона: „Vanitas vanitatum et omnia vanitas!“ Одно лишь меня волновало: это нахальный торгъ монаха за показъ ризницы. Вотъ тебѣ просвѣщеніе въ стѣнахъ духовной академіи и изученіе отечественныхъ памятниковъ! думалъ я.

Начался, наконецъ, товарищескій разъѣздъ. Прежде всѣхъ выѣхалъ на родину Я. А. Познякъ, въ Сытую Буду. Затѣмъ собрались Кирьяковъ съ Шостакомъ. Добрые товарищи, не желая разстаться со мною, скоро также направлявшемуся во свояси, рѣшили ѣхать домой чрезъ Смоленскъ. Такимъ случаемъ я, безъ особыхъ издержекъ, весело и покойно доѣхалъ до Смоленска. Три дня прогостили они у меня, а затѣмъ со слезами разстались. Грусть моей разлуки увеличила покража части моей одежды и — жальче всего — начатой съ дѣтства коллекціи старинныхъ монетъ и медалей. Покражу сдѣлали рекруты проходившей партіи.

VIII.

Жизнь Никол. Никиф. Мурзакевича въ Смоленскѣ; болѣе подробное ознакомленіе съ его древностями.—Возвращеніе Никол. Никиф. въ Москву; онъ принимаетъ мѣсто учителя при дѣтяхъ одного помѣщика, но вскорѣ отправляется въ Одессу (1830 г.). По пути, въ Смоленскѣ, видится съ престарѣлымъ своимъ отцемъ священникомъ Никифоромъ Адріяновичемъ.—Одесса.—Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ получаетъ настоятельное приглашеніе отъ своего университетскаго товарища М. М. Кирьякова жить у него въ домѣ.

Одиночное мое житье дома (братья разъѣхались) я такъ сталъ проводить: каждый день раннимъ утромъ, или послѣ полудня и до заката солнца, систематически обходилъ живописныя смоленскія окрестности. На первомъ планѣ, разумѣется, была Годуновская красивая величественная стѣна, съ высокими круглыми и четырехъугольными башнями. Памятникомъ изящнаго зодчества XVII вѣка я не могъ довольно налюбоваться и не погоревать вандализму французовъ, которые, въ 1812 году, безполезно взорвали на воздухъ нѣсколько башенъ; но еще болѣе скорбѣлъ о нѣмецкомъ варварствѣ бывшаго губернатора барона Аша, такъ мѣтко очерченнаго знаменитымъ А. П. Ермоловымъ въ его

Запискахъ. По спекулятивному разсчету Аша и подъ предлогомъ, что нѣкоторыя стѣны и башни угрожаютъ опасностью (кому?), значительныя пространства историческаго „дорогаго ожерелья“ были разобраны, а чудеснѣйшій кирпичъ невѣдомо куда разошелся. Я обошелъ весь земляной валъ, который, до построенія Годуновымъ стѣны, съ древнѣйшихъ временъ защищалъ городъ. Потомъ начались обходы древнихъ церквей: но онѣ въ этотъ разъ были осмотрѣны слегка. Достопримѣчательныя урочища: Чернушекъ, Шеина острога тоже не были забыты.

Между тѣмъ, отецъ мой, радовавшійся пріѣзду брата Константина, а чрезъ мѣсяцъ моему, въ это время по порученію своего архіерея, Іосифа Величковскаго, занимался сборомъ матеріаловъ для „Историческаго изслѣдованія о чудотворной иконѣ пресвятой Богородицы Одигитріи, называемой смоленскою“. Трудъ этотъ былъ выполненъ на половину; отецъ старался выписками указаній изъ всѣхъ различныхъ церковныхъ историковъ доказать, что смоленскій образъ Одигитріи былъ тотъ самый, который написалъ св. евангелистъ Лука еще при жизни пресвятой Богородицы. Не касаясь того—была ли эта икона, подобно многимъ находящимся въ Европѣ, писана евангелистомъ Лукою, должно сказать, съ точки археологической, что она имѣетъ происхожденіе древнее, однако, не ранѣе IX вѣка, и другое—что смоленскую икону, хранящуюся въ соборѣ и именующуюся Одигитріею, нельзя смѣшивать съ „Влахернскою“, бывшею нѣкогда въ Константинополѣ. „Влахернская“, судя по современнымъ иконѣ византійскимъ монетамъ XI вѣка, изображалась безъ младенца Іисуса съ поднятыми къ небу молящимися руками. (См. Descript. génér. des monnaies Byzantines, par I. Sabatier, p. 1862, tab. XLIX, № 12. Монеты Константина XII Мономаха). Какая судьба постигла хлопотливый отцовскій трудъ, за смертію его, я не могъ узнать. Вѣроятно и „Изслѣдованіе“ постигла та-же участь, какую испыталъ переводъ со славянскаго языка на русскій языкъ Новаго Завѣта,— архивное тлѣніе въ синодальныхъ подвалахъ. Еще въ 1813 году, сидя подъ судомъ, отецъ мой задумалъ перевесть большею частью непонятное для народа славянское евангеліе. Вмѣсто должнаго сочувствія со стороны духовенства, какъ бы это надлежало, труженикъ встрѣтилъ грубые отзывы и насмѣшки, такъ называемаго, смоленскаго „ученаго духовенства“. Переводъ,

посланный оберъ-прокурору св. синода князю А. Н. Голицыну, по опредѣленію синода въ 1814 году, сданъ былъ въ архивъ. Такъ бѣдный приходскій священникъ опередилъ въ важномъ дѣлѣ „святѣйшій соборъ Россійскія церкви!“

Мѣшая дѣло съ бездѣльемъ и проводивъ брата въ дальній путь (онъ ѣхалъ на службу въ Тобольскъ къ назначенному въ западную Сибирь генералъ-губернаторомъ Вельяминову), я въ концѣ сентября 1828 г. пустился снова въ Москву. Моею цѣлью было, прослушавъ еще одинъ годъ лекціи въ университетѣ, получить вожделѣнную степень кандидата. По полузамерзшей грязи, за Можайскомъ свернувъ на Верею и чуть не съѣденный стадомъ волковъ, я доѣхалъ до „златоглавой“. Квартиру я нашелъ у Каменнаго моста. Взявъ въ правленіи табель, сталъ посѣщать лекціи ординарныхъ профессоровъ, а между ними, изъ сторонникъ, моего любимаго М. Т. Каченовскаго, да еще только что вступившаго на каѳедру всеобщей исторіи—М. П. Погодина. Слушали новичка мы всѣ охотно. Иногда я заглядывалъ въ аудиторію словесную—къ добрѣйшему А. Ѳ. Мерзлякову.

Уединенное мое житье не было продолжительно. Не думая, не ожидая, въ одно утро встрѣчаю на лекціи В. Г. Шостака. Радость была взаимная. Шостакъ объявилъ, что прибылъ въ Москву съ матерью и съ намѣреніемъ, согласно желанію отца, приготовиться къ экзамену на степень магистра, а чтобы по прежнему совмѣстно заниматься, то непремѣнно мнѣ должно жить съ нимъ на одной квартирѣ. Разумѣется, предложеніе было принято, и сундукъ съ книгами перевезенъ въ домъ коммисаріатскаго чиновника Г. Д. Покровскаго, въ приходѣ Ржевскія Богоматери, что у Пречистенскаго бульвара. Въ нижнемъ этажѣ огромнаго дома Шостакъ помѣстился съ матерью и меньшимъ братомъ, которому, чтобъ не ѣсть даромъ чужой хлѣбъ, я сталъ давать уроки. Садъ обширный дѣлалъ житье, въ центрѣ самой шумной части города, загородною дачею. Сначала все намъ способствовало къ тихимъ занятіямъ учебнымъ; мы исправно посѣщали лекціи, дѣлали замѣтки, вечеромъ повторяли; казалось все пошло, какъ слѣдовало. Но не тутъ-то было: жена владѣльца дома (въ это время сидѣвшаго въ крѣпости и подъ судомъ

за злоупотребленія, совокупно съ подрядчикомъ по продовольственной части въ арміи), жившая теперь доходами съ дома, скучавшая послѣ минувшаго блеска, съ тремя дочерьми, въ одиночествѣ, познакомилась съ матерью Шостака. Разумѣется, начались взаимныя посѣщенія, сближенія и, наконецъ, дружба. Вторая дочь сильно приглянулась застѣнчивому Шостаку, третья—понравилась мнѣ. Пользуясь наступившею зимою и святками, съ новымъ знакомцемъ студентомъ В. И. Радивиловымъ—замѣчательнымъ артистомъ на скрипкѣ и балалайкѣ, издававшей подъ его живыми пальцами понятные и пріятные звуки, мы затѣяли устроить домашній театръ. Преддверіе праздника Рождества Христова денно и нощно было употреблено на склейку бумажныхъ кулисъ, установку ихъ въ огромной залѣ и на выучку ролей. Считываніе ролей, разумѣется, изгнало между нами чинность и сдержанность. Страстишки разгорались. За спектаклями послѣдовали музыкальные вечера, составленные при участіи нѣкоторыхъ театральныхъ артистовъ; крайне доступный лести, Шостакъ ставилъ себя годнымъ участвовать съ ними въ качествѣ флейтиста. Явилось и лицо, которое безъ зазрѣнія совѣсти морочило бѣднаго Василія Григорьевича; къ стыду—это былъ студентъ И. Д. А., толстый тѣломъ, но тонкій умомъ и съ страстью къ мистификаціямъ. Оппозиція моя не бралась во вниманіе. Послѣ праздниковъ начались и лекціи, но развлеченія наши не кончались.

Наступившая весна 1829 года, разумѣется, была проведена съ обоюдною пріятностью въ прекрасномъ домашнемъ саду. Когда мы безсознательно и наивно веселились, то давній нашъ пріятель Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ что-то больно часто морщилъ свое открытое благородное чело, ворча о серьезности занятій. Стрекозы, однако, прыгали и пѣли; лѣто къ тому же наступило пріятное! Взятыя изъ комнаты книги, тетрадки, съ намѣреніемъ прочесть, повторить, обдумать, спокойно оставались неразвернутыми на садовыхъ скамейкахъ. Интимныя бесѣды шли о разныхъ разностяхъ, какъ и слѣдовало, съ премиленькими барышнями. Не говорить же съ ними о римскомъ правѣ, о трудѣ и платѣ и т. п.?

Подкатилъ, наконецъ, іюнь мѣсяцъ 1829 г., а съ нимъ несносные экзамены, да двукратное неловкое объясненіе мое, на лекціи и на репетиціи, съ бездарнымъ плохимъ чтецомъ политической экономіи

—адъюнктомъ Ник. Васильевымъ. Кажется, на экзаменахъ шло все хорошо, но въ результатѣ вышло, что попали въ кандидаты такіе господа, которые не чаяли быть дѣйствительными студентами (три имени такихъ я забываю для чести университета), а я не дополучилъ только одного балла, слѣдуемаго для полученія этой степени. Тутъ мнѣ уже сильно сгрустнулось!

Не желая оставаться на третій годъ, какъ это благоразумно сдѣлалъ нашъ товарищъ А. А. Уманецъ, я рѣшился пуститься въ житейское море. Многіе добрые мои товарищи, которыхъ всегдашнимъ расположеніемъ я имѣлъ счастье пользоваться, по обычаю справили прощальный пиръ въ Марьиной рощѣ; на возвратномъ пути, разгоряченные споромъ о томъ, кто изъ двухъ (Н. С. Селивановскій или А. Я. Ареѳьевъ) больше имѣетъ вѣры, оба, не твердые на ногахъ, бросились въ „Чистый прудъ“ и, бредя въ водѣ по шею, продолжали пренія; много мнѣ было, неумѣющему плавать, хлопотъ, чтобы вывести ихъ изъ пруда.

На другой день, когда головы наши еще не освѣжились, Шостаку подали изъ С.-Петербурга письмо отцовское, которымъ онъ разрѣшалъ оставить намѣреніе держать экзаменъ на магистра, а поручалъ немедленно отправиться въ Одессу и тамъ принять въ хозяйственное управленіе большое подгородное селеніе Барабой (20,000 десятинъ земли съ 350 душами поселянъ). Этого пожертвованія требовали денежные разсчеты. Скучно и грустно провели мы послѣдніе дни. Шостакъ, уѣзжая, оставлялъ въ мое владѣніе всю квартиру, считавшуюся за нимъ еще до наступающаго новаго года, съ мебелью, которую я долженъ былъ распродавать. Обиженное самолюбіе (можетъ быть и не основательное), одиночество, предстоящая новая жизнь съ неизвѣстностью и нуждою сняли съ моихъ глазъ розовую повязку. Все явилось въ непривлекательномъ свѣтѣ. Написавъ Кирьякову о послѣднихъ моихъ приключеніяхъ, я увѣдомилъ его и Шостака, что рѣшаюсь уѣхать изъ Москвы домашнимъ учителемъ въ домъ къ рязанскому помѣщику И. С. Ч., для приготовленія его сына къ гвардейской юнкерской школѣ. Сдавъ квартиру и мебель довѣренному лицу, въ половинѣ іюля 1829 г., пустился въ путь съ длиннымъ помѣщичьимъ поѣздомъ. Проѣздомъ видѣлъ: старинную „Царскую рыбную слободу“ Дѣдново и смежное село Бѣлый-омутъ на Окѣ, на ней же „Козарскій“ перевозъ—остатокъ зага-

дочнаго народа—хазаровъ, о которомъ Каченовскій говорилъ намъ чуть ли не три дня. Видѣлъ: слѣды старой Рязани (Спасское), обозначаемые курганчиками, красивую Рязань и ея замѣчательный соборъ. На Трубежѣ — притокѣ Оки — я купался, и на томъ же мѣстѣ, по уходѣ моемъ, купавшіеся мальчики нашли 36 серебряныхъ слитковъ, оказавшихся древними русскими рублями XIII вѣка. Въ помѣщичьемъ сельцѣ занятія съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, а потомъ съ тремя разнолѣтними дочерями, посаженными ко мнѣ вопреки заключенному письменному условію, шли успѣшно. Если бы не уроки, то отъ скуки надобно было съ ума сойти.

Такъ провелъ я зиму. Письма добрыхъ друзей меня развеселяли. Кирьяковъ настойчиво требовалъ, чтобы я, бросивъ все, ѣхалъ въ Одессу для совмѣстнаго служенія съ Познякомъ, опредѣлившимся на службу по таможенному вѣдомству. Не столько это настойчивое приглашеніе, сколько ненравящіеся мнѣ поступки „помѣщичьи“ вынудили меня оставить менторство. Съ сожалѣніемъ оставя внимательнаго и добраго ученика, предъ святками выѣхалъ въ Москву. Радостно встрѣтили меня старые товарищи: М. А. Коркуновъ, П. М. Поповъ, И. С. Клименковъ и др., но безуспѣшно совѣтовали пристроиться въ Москвѣ. Посвятивъ свободные дни на обзоръ Москвы, которую еще не довольно зналъ, вечера проводилъ въ „кофейнѣ Печкина“, у Большаго театра, гдѣ сходились театралы и нѣкоторые писатели въ журналахъ [1]); здѣсь же былъ значительный складъ всѣхъ тогдашнихъ русскихъ журналовъ. Вновь полученный призывъ Кирьякова разрѣшилъ мое раздумье.

21-го февраля 1830 года университетъ выдалъ мнѣ аттестатъ съ засвидѣтельствованіемъ, что я „оказалъ весьма хорошіе успѣхи при похвальномъ поведеніи“. Сандуновъ при прощаньи пожелалъ мнѣ всякаго благополучія, а Е. О. Мухинъ, при подписаніи аттестата спросивъ куда я ѣду, на отвѣтъ: „въ Одессу“, сказалъ: „sapienti ubique est patria!“ Мухинъ въ этотъ годъ былъ деканомъ медицинскаго отдѣленія; службу свою онъ началъ лекарскимъ ученикомъ, при взятіи русскими Очакова.

---

[1]) См. интересныя воспоминанія А. Д. Галахова: „Литературная кофейня въ Москвѣ“, „Русская Старина“ изд. 1886 г., томъ L, апрѣль, стр. 181—198, іюнь, стр. 691—724. Ред.

25-го февраля 1830 г. вечеромъ выѣхалъ изъ Москвы, на долгихъ, черезъ Смоленскъ. Сама судьба, кажется, складывала всѣ обстоятельства, благопріятствовавшія поѣзду. Русскій троечный извозчикъ, только-что прибывшій съ военною кладью въ Москву изъ Варны, охотно согласился за умѣренную цѣну поѣхать снова въ Одессу. Этотъ добрый человѣкъ еще до Варны съ товарами былъ въ „Лицахъ Нѣмецкихъ“, т. е. въ Лейпцигѣ. Перваго марта прибылъ я въ Смоленскъ. Отца нашелъ не столько слабымъ, сколько грустнымъ. Третій братъ, Иванъ, давно его оставилъ, опредѣленный полковымъ священникомъ, а теперь прибылъ и четвертый съ тѣмъ, чтобы также уѣхать. Незавидная доля родителей! Впрочемъ, это круговой законъ природы: я оставляю отца, сынъ меня! 3-го марта отецъ благословилъ меня на путь, снабдивъ притомъ сотнею рублей. Это было послѣднее наше свиданіе на землѣ. Судитъ-ли Богъ видѣться тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій?

Двадцать четыре дня ѣзды, сначала по глубокому снѣгу, а потомъ по невылазной грязи, было употреблено на поѣздку въ Одессу. Маршрутъ мой былъ: Мстиславль, Чериковъ, Пропойскъ, Черниговъ, Кіевъ. Три дня были посвящены на обзоръ этого города, послѣ Смоленска примѣчательнаго живописнымъ мѣстоположеніемъ. Въ Бѣлой-церкви подивился варварскому вымогательству богатѣйшей помѣщицы гр. Браницкой (племянницы и наслѣдницы части богатствъ великолѣпнаго князя Таврриды Потемкина) съ бѣдныхъ крестьянъ, кромѣ общихъ работъ, сбора щетины, перьевъ, такъ называемыхъ, шпанскихъ мушекъ. Изъ Бѣлой-церкви, переправясь чрезъ разлившуюся р. Рось, возница мой избралъ прямой, транзитный путь чрезъ Васильковъ на Ольвіополь, переправясь чрезъ Бугъ. Здѣсь р. Синюха втекаетъ въ Бугъ и тутъ нѣкогда были три государственныя границы: турецкая, польская и русская. Отсюда началось необозримое гладкое поле, покрытое яркою зеленью, выдающіеся кое-гдѣ курганы, а на нихъ сидящіе степные орлы. Съ дѣтскою радостью я любовался просторомъ и свободно, и легко дышалъ степнымъ ароматическимъ воздухомъ... Необъятныя степи и море мнѣ всегда были любезны и никогда не казались скучными. Миновавъ слѣдующія селенія: Степковку, Лекарское, Мостовое, гдѣ при переѣздѣ въ бродъ едва не утонули, Березовку, Капи-

тановку и Кубанку, утромъ 26 марта 1830 г. я доѣхалъ до обѣтованной Одессы. Побѣжалъ тотчасъ къ Кирьякову, гдѣ со дня на день меня ожидали. На радостяхъ мы обнимались, болтали, забрасывали вопросами другъ друга и смѣялись до слезъ. Скудное мое имущество, состоявшее въ одномъ сундучкѣ („а не чемоданѣ?“ спросилъ Кирьяковъ, „чистая, братъ, татарва!“), было перенесено изъ заѣзжаго дома Ширяева въ комнату Кирьякова. Онъ объявилъ, что я жилецъ его, и его спальня будетъ намъ общею. Здѣсь-то я позналъ древнюю пословицу: „amicus certus, in res incertis cernitur!“ Сестры его и всѣ родные причислили меня въ свои домашніе и поставили на степень какъ бы меньшаго брата.

IX.

Свѣдѣнія о родѣ Кирьяковыхъ.—Высшее одесское общество. — Лица, приближенныя къ ген.-губ. гр. Мих. Сем. Воронцову. — Ник. Никиф. Мурзакевичъ поступаетъ на службу въ одесскую таможню. — Ученый кружокъ. — Генералъ Ив. Ник. Инзовъ. — Банкиръ Пульи. — Л. А. Нарышкинъ.—Графъ И. О. Виттъ и Текла Собаньская.—Ришельевскій лицей.

Фамилія Кирьяковыхъ происходитъ отъ малороссійскихъ грековъ изъ мѣстечка Опошнаго, Полтавской губерніи. Отецъ Михаила Михаловича сначала служилъ въ канцеляріи князя Платона Зубова, преемника Потемкина, потомъ, женясь на богатой помѣщицѣ Акацатовой, поселился въ Одессѣ, гдѣ состоялъ на службѣ директоромъ одесской таможни въ чинѣ колежскаго совѣтника [1]). Умный, добрый и услужливый таможенный

[1]) Фамилія Кирьяковыхъ играетъ замѣтную роль въ лѣтописи г. Одессы. Вслѣдъ за переименованіемъ Хаджибея въ торговый городъ Одессу, ордеромъ губернатора Хорвата (14 іюля 1795 г.) назначенъ особымъ градоначальникомъ вновь основаннаго города Черноморскаго гренадерскаго корпуса секундъ-маіоръ Григорій Кирьяковъ. Премьеръ-маіоръ Михаилъ Кирьяковъ, братъ предыдущаго, служившій въ пограничной канцеляріи, графомъ Зубовымъ былъ назначенъ начальникомъ Хаджибейской (переименованной въ одесскую) портовой таможни (12 апр. 1795 г.). Въ 1799 и 1801 гг. Михаилъ Кирьяковъ, по просьбѣ одесскаго магистрата, ѣздилъ въ С.-Петербуръ ходатайствовать объ удовлетвореніи нуждъ города: объ устройствѣ безопасной

директоръ оказалъ городу значущія услуги, въ двукратную поѣздку въ С.-Петербургъ, въ качествѣ депутата отъ гражданъ, ходатайствовавшихъ о разныхъ городскихъ нуждахъ. Затѣмъ Кирьяковъ служилъ по выборамъ дворянства Херсонской губерніи въ должности губернскаго предводителя. Мой другъ былъ единственнымъ сыномъ при трехъ сестрахъ. Семейный кругъ Кирьякова состоялъ еще изъ его двоюродной сестры Н. Д. Акацатовой, умной, бойкой, богатой взрослой дѣвицы, воспитанной на англійскій ладъ, изъ ея родственницъ, двухъ графинь Девіеръ—Анны и Клеопатры, красавицъ, и еще четырехъ молоденькихъ родственницъ, воспитываемыхъ Кирьяковымъ и Акацатовою; между ними была также красавица англичанка, дочь гувернантки-компаньонки Акацатовой, теперь въ замужествѣ за графомъ Васильевымъ. Акацатова, въ бытность свою въ 1835 году въ Италіи, вышла замужъ за извѣстнаго тамошняго вельможу Principe Tomasso Corsini, потомка папы Климента XIII. Соединеніе красоты, ума, остроты, добродушія, благородства, начитанности были прирожденныя качества всѣхъ сказанныхъ лицъ. Среди такого круга совершалось мое перевоспитаніе и довершалось свѣтское образованіе. Какъ въ извѣстномъ арзамасскомъ обществѣ каждый членъ имѣлъ свойственное ему прозвище, такъ и въ этомъ семейномъ кружкѣ всякій имѣлъ свое. Мнѣ досталось прозвище сначала „Badaud“, потомъ „opposizia“ и затѣмъ „signor Metastasio“,—послѣднія за постоянныя противорѣчія и за любовь къ музыкѣ, которую вскорѣ во мнѣ возбудилъ Россини въ его операхъ, отлично выполняемыхъ чудеснымъ soprano пѣвицы Аделаиды Морикони. Лучшее городское общество и блистательный штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора графа Воронцова [1]) напол-

---

гавани, о разрѣшеніи городскаго займа, о дарованіи одесскому магистрату права руководствоваться общими для всей Имперіи законами. Всѣ эти ходатайства сопровождались полнымъ успѣхомъ. Жители г. Одессы вмѣстѣ съ городскимъ головою, сознавая, что Михаилъ Михаиловичъ Кирьяковъ „былъ всегда непоколебимымъ ходатаемъ за сей городъ, и совершилъ сверхъ чаянія не только всѣ статьи ихъ прошенія, но и доставилъ имъ воспользоваться неожиданными новыми знаками монаршей милости,“—поднесли ему (1802 г.) благодарственный адресъ. (См. у А. Скальковскаго: „Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы“, 1837 г.). Кн. В. Д.

[1]) Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь, указомъ отъ 7 мая 1823 г. былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губер-

няли скромную гостиную Кирьякова. Въ кругу его семейства я встрѣтилъ университетскаго сверстника А. А. Скальковскаго [1]), человѣка въ высшей степени подвижнаго, впрочемъ добраго, сострадательнаго, честнаго и услужливаго. Обладая живымъ воображеніемъ, онъ быстро и легко брался за всякій трудъ. Другимъ ежедневнымъ посѣтителемъ семейства былъ — харьковскаго университета кандидатъ Н. Г. Градовскій, пріятный, веселый и добрый малый, но далеко не соотвѣтствующій своей ученой степени. Конькомъ его былъ Наполеонъ и его сподвижники, до послѣдней мелочи. Затѣмъ еженедѣльными посѣтителями были: М. П. Розбергъ, Андрей Ив. Подолинскій (поэтъ), В. Г. Тепляковъ, Ал. Ир. Левшинъ, П. Т. Морозовъ,—старики: генералъ И. Н. Инзовъ, А. С. Стурдза, его зять графъ Эдлингъ, графъ И. О. Виттъ, М. И. Лексъ, нѣкогда знаменитый хирургъ В. П. Малаховъ. Семейства: умныхъ и красивенькихъ греческихъ эмигрантокъ: Ризо, Костанды, образовали внѣшній кругъ. Литература, музыка, городскія новости, иногда легонькія невинныя сплетни составляли предметъ интимныхъ разговоровъ. Позняка я уже не засталъ въ Одессѣ: онъ годъ какъ выѣхалъ въ Бухарестъ съ Бошнякомъ въ главное управленіе княжествъ Молдавіи и Валахіи. Въ оставленномъ мнѣ письмѣ онъ настоятельно требовалъ, чтобы и я за нимъ послѣдовалъ. Кирьяковъ, однако, рѣшительно воспротивился. Соглашаясь, до усмотрѣнія, оставаться въ Одессѣ, я не желалъ проводить время праздно. Сталъ думать о службѣ: канцелярія графа Воронцова (куда меня тотчасъ-же пригласилъ давній знакомецъ моего отца и землякъ М. И. Лексъ, въ то время ея правитель), таможенный округъ, гдѣ служилъ Познякъ, и, наконецъ, учебное вѣдомство манили меня. Отъ первой отсовѣтовалъ родственникъ Кирьякова, В. А.

наторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области; онъ родился 19 мая 1782 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, гр. Семенъ Романовичъ, былъ россійскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Лондонѣ, гдѣ провелъ свою юность и гр. Михаилъ Семеновичъ; сестра его была въ замужествѣ за герцогомъ Пемброкомъ. Кн. В. Д.

[1]) А. А. Скальковскій, предсѣдатель одесскаго статистич. комитета, тайный совѣтникъ, членъ-корреспондентъ импер. акад. наукъ, членъ разн. учен. общ., авторъ многихъ сочиненій, относящихся къ исторіи Новороссійскаго края. Кн. В. Д.

Костенскій, тамъ служившій и доказавшій, что чрезъ такую плотную фалангу, какую вокругъ графа Воронцова составили В. Сафоновъ, М. П. Щербининъ, Понятовскій, Зонтагъ, Марини, Рено и др., мнѣ не пробраться. Ришельевскій лицей, подъ управленіемъ графа Витта, представлялъ жалкую нравственную руину. Осталось вѣдомство таможенное; его я съ стѣсненнымъ сердцемъ рѣшился избрать сколько по хорошему окладу жалованья, столько и по личному приглашенію добраго, но тщеславнѣйшаго Я. Д. Бологовскаго, называвшаго графа Воронцова „хорошимъ товарищемъ по службѣ". Не забуду, какъ Бологовской затѣялъ сдѣлать смотръ таможеннымъ объѣздчикамъ на театральной площади. Воевода, въ собольей шапкѣ и медвѣжьей шубѣ, неудачными командными словами, произвелъ смущеніе во всадникахъ, смѣхъ въ зрителяхъ и свистъ въ толпѣ мальчишекъ.

Здоровье Кирьякова, отъ рожденія не крѣпкое, требовало постоянныхъ медицинскихъ совѣтовъ и пользованій. Неожиданная смерть отца, случившаяся на дорогѣ въ Москву, въ 1825 г., смерть матери, по пріѣздѣ изъ университета, страхъ чумы во время появленія оной въ 1829 году (когда онъ и Скальковскій, состоя на службѣ въ канцеляріи графа Воронцова и находясь для наблюденія за оцѣпленіемъ въ Куяльницкомъ хуторѣ, по случаю зачумленія находившагося въ ихъ распоряженіи казака, были посажены въ карантинъ) требовали леченья радикальнаго. По совѣту медиковъ рѣшено было ему поѣхать на водолечебный Карлсбадскій курсъ. Проводивши его до Балты 25 апрѣля, я заѣхалъ въ деревню В. Г. Шостака — Кохановку. Тутъ я увидѣлъ, какъ пагубно воздѣйствовали на молодаго, склоннаго къ лѣни, человѣка нѣжная, но необразованная мать и существующее въ Россіи помѣщичье право (droit des seigneurs)[1]). О наукѣ и занятіяхъ и рѣчи не стало. Возвратясь въ Одессу, въ домъ Кирьякова, 5 мая 1830 г. я подалъ прошеніе о поступленіи на службу. Бологовской помѣстилъ меня вначалѣ въ тираспольскую таможню, что на въѣздѣ изъ Одессы въ Бессарабію, въ качествѣ секретаря и для приведенія письменныхъ дѣлъ въ порядокъ, потомъ столо-

[1]) Это не право, а злоупотребленіе, не имѣвшее ничего общаго съ помѣщичьею властью. Отдѣльные случаи могли быть, но обобщать ихъ несправедливо. Кн. В. Д.

начальникомъ въ одесскую портовую таможню. Сверхъ прямой обязанности, мнѣ было поручено привести въ порядокъ архивъ таможни. Денежный окладъ былъ достаточный; начальство весьма любезное и привѣтливое; но механическая работа сильно мнѣ не понравилась, а еще болѣе многіе сослуживцы, не очень разборчивые на средства пріобрѣтенія. Архивъ доставилъ мнѣ нѣсколько документовъ, послужившихъ матеріалами для замышленной исторіи города Одессы.

Въ этотъ разъ прекрасному женскому обществу я предпочелъ ученый кружокъ; его составили: Ю. И. Венелинъ, только что возвратившійся изъ Болгаріи и Молдавіи, гдѣ собиралъ славянскіе памятники, В. М. Кашкадамовъ домашній учитель, оба—сверстники по университету, и многоначитанный, нѣкогда полезный дѣятель въ Бессарабіи, соборный протоіерей П. Куницкій. Тутъ для меня пригодились свѣдѣнія, полученныя изъ лекцій Каченовскаго. Не скрою и того, что обѣды съ Кашкадамовымъ у прославленнаго Пушкинымъ ресторатора Отона не всегда бывали „невинные“. Въ октябрѣ вернулся изъ заграницы Кирьяковъ; разсказы его: о событіяхъ іюльскихъ въ Парижѣ, которыхъ онъ былъ зрителемъ, о заведенныхъ ученыхъ знакомствахъ—въ Прагѣ Чешской съ ученымъ Іосифомъ Шафарикомъ, въ Парижѣ съ академикомъ Сталемъ, санскритологомъ, подробности о видѣнныхъ чужеземныхъ странахъ и обычаяхъ сильно занимали весь домашній кружокъ нашъ.

Наканунѣ новаго 1831 года, на клубномъ балѣ, Кирьяковъ представилъ меня генералу Ив. Ник. Инзову. Всеобщая молва носилась, что онъ былъ побочнымъ сыномъ императора Павла I. Ничѣмъ недоказанное предположеніе основывалось лишь на нѣкоторомъ сходствѣ чертъ лица. Ивану Никитичу, какъ попечителю объ иностранныхъ колонистахъ южнаго края, Россія обязана водвореніемъ на пустынныхъ равнинахъ Бессарабскаго Буджака (нѣкогда Solitudines Getarum) трудолюбивыхъ, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ славянъ-болгаръ [1]). Всегда скромный и

[1]) Генер.-лейт. И. Н. Инзовъ, указомъ 17 іюля 1822 г., былъ назначенъ управляющимъ Новороссійскимъ краемъ, по случаю увольненія за границу новоросс. генер.-губ. графа Ланжерона; родился въ 1768 г., умеръ 27 мая 1845 г., въ чинѣ генер. отъ инф. и званіи главн. попеч. и предсѣдат. комитета о колонистахъ южн. Россіи. Генералъ Инзовъ весьма тепло относился къ А. С. Пушкину, жившему въ Кишиневѣ и Одессѣ. Кн. В. Д.

застѣнчивый старикъ на этомъ балѣ ознакомилъ меня съ личностями нѣкоторыхъ „одесскихъ львовъ". Между ними стоялъ нахальный еврей Пуль (Poel), женатый на побочной дочери с.-петербургскаго банкира Штиглица и по довѣренности его державшій въ Одессѣ банкирскую контору. Прикащикъ-родственникъ, стараясь показать себя денежнымъ аристократомъ, держа великолѣпный домъ и пріемы, мало думалъ объ интересахъ вѣрителя, чѣмъ часто вводилъ его въ огромные убытки, которые, наконецъ, заставили Штиглица закрыть одесскую контору, и обезденежившійся Пуль кончилъ печально жизнь въ нищетѣ, оставя дѣтей безпомощными. Аристократическимъ свѣтиломъ одесскаго горизонта (за отсутствіемъ графа Воронцова, отправившагося на два года въ Англію для свиданія съ престарѣлымъ отцомъ, доканчивавшимъ дни въ Лондонѣ) былъ отставной генералъ-маіоръ Л. А. Нарышкинъ, женатый на богатой, нѣкогда красавицѣ, гр. Ол. Потоцкой. Его изящный домъ, парадные обѣды и богатые балы привлекали поклонниковъ и искателей. Съ этого вечера я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ весьма скромно жившаго Инзова. Старикъ придерживался мистицизма и любилъ ботанику. Большая его библіотека состояла изъ сочиненій: Сведенборга, Эккартсгаузена, Штиллинга, Бема и имъ подобныхъ, а также сочиненій ботаническихъ. Разговоры наши чаще всего касались сказанныхъ сочиненій мечтателей. О себѣ Инзовъ никогда не говорилъ, да и затронутый всегда отмалчивался. По смерти этого добродѣтельнаго старца (въ 1845 году), при осмотрѣ его бумагъ, ничего не нашлось такого, что бы могло прояснить его загадочную жизнь.

Былъ еще въ Одессѣ вліятельный въ высшемъ обществѣ графъ И. О. Виттъ, начальникъ всей поселенной резервной кавалеріи, нѣкогда фаворитъ Аракчеева по устройству военныхъ поселеній, увеличиваемыхъ пріобрѣтеніемъ, правдою и неправдою, помѣщичьихъ селъ. По отцу полякъ, по матери грекъ (сынъ Софьи, въ честь которой графъ Потоцкій съ помощью рукъ русскихъ крестьянъ создалъ знаменитый Софіевскій садъ, что неподалеку отъ Умани), графъ Виттъ владѣлъ полнымъ знаніемъ свѣта и людей. Всегда уклончивый (начиная съ аустерлицкаго сраженія), вѣжливый и любезный со всѣми, этотъ властолюбецъ старался все одесское общество при-

влечь къ себѣ, въ чемъ, при содѣйствіи временной „дамы своего сердца“ Теклы Собаньской, урожденной графини Ржевусской, вполнѣ успѣлъ. Графу Витту казалось мало, что подъ его неограниченною властью находятся три резервные кавалерійскіе корпуса, ему хотѣлось быть неразлучнымъ съ Собаньскою (жившею въ Одессѣ на хуторѣ у въѣзда въ городъ по Тираспольской дорогѣ), и вотъ ему поручаютъ въ управленіе Ришельевскій лицей и тайный надзоръ за прочими сосѣдними войсками, гдѣ Бошнякъ и Шервудъ открыли извѣстный Пестеле-Муравьевскій заговоръ; и это его не удовлетворяло: „новый одесскій Іуда“ заготовляетъ скопъ столкнуть съ мѣста графа Воронцова. Но объ этомъ въ свое время. Ришельевскимъ лицеемъ графъ Виттъ управлялъ посредствомъ своихъ адъютантовъ Бутакова и Чирковича, аудитора Суходольскаго, поселившагося въ зданіи лицея и питавшагося на его счетъ, а также и чрезъ камеръ-фрау Собаньской. Нѣкоторые преподаватели деморализованнаго въ это время заведенія получали мѣста при посредствѣ горничной, какъ, напримѣръ, Пиллеръ, Золотовъ. Кромѣ посѣщенія императрицы Александры Ѳеодоровны лицея въ 1828 году, нога Витта не переступала ни разу во внутрь заведенія. Штатъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ при немъ наполнился дѣтьми шляхты, бывшей управителями имѣній, ему родственныхъ польскихъ пановъ; съ другой стороны князь А. Н. Голицынъ, состоявшій въ это время подъ вліяніемъ Филеллиновъ (графини Эдлингъ и А. С. Стурдзы), наслалъ десятки дѣтей греческихъ эмигрантовъ, не тѣхъ, которые сражались за свободу отечества, но дѣтей торгашей, пастуховъ и бездомныхъ, и такимъ образомъ первоначально прекрасно устроенное учебно-воспитательное заведеніе хотя и іезуитомъ, въ десять лѣтъ снизошло до той степени, ниже которой уже не могло опуститься.

X.

Никол. Никиф. Мурзакевичъ переходитъ на службу въ Ришельевскій лицей (1831 г.). — Назначеніе попечителемъ Н. Ѳ. Покровскаго.—Очеркъ исторіи Ришельевскаго лицея, его направленіе, порядки и дѣятели; директоръ И. С. Орлай; упадокъ лицея.

Въ январѣ 1831 года, не смотря на предстоявшую лучшую въ матеріальномъ отношеніи служебную будущность, я рѣшился оставить таможню. Таможенная механическая дѣятельность мнѣ не нравилась и, притомъ, была утомительна: съ 9 часовъ утра до 6 и до 7 вечера надлежало высиживать за перепискою однообразно форменныхъ бумагъ. Къ тому же, 16 августа 1830 года, послѣдовалъ указъ, которымъ, по случаю предстоявшей польской войны, графъ Виттъ понадобился для формированія резервовъ, а лицею подчинялись всѣ училища, находящіяся въ Одессѣ, съ образованіемъ изъ нихъ, въ видѣ округа, подъ начальствомъ попечителя, особаго, непосредственно отъ министерства народнаго просвѣщенія зависящаго, управленія. Попечителемъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Ѳ. Покровскій. Исправлявшій въ это время должность директора лицея, Ив. Ив. Винтеръ (не за долго до того сослуживецъ по таможнѣ Я. А. Познякa), чрезъ посредство А. И. Синицына, предложилъ мнѣ перейти въ вѣдомство лицея. Разумѣется, я охотно согласился, въ полномъ упованіи, что представленный начальству новый уставъ Ришельевскаго лицея не далѣе полугода будетъ утвержденъ, въ чемъ положительно увѣрялъ и Винтеръ. Первое вакантное мѣсто—учительскаго помощника—было мною принято съ окладомъ въ 700 рублей въ годъ. Кирьяковъ, Бологовскій, Кашкадамовъ, Архангельскій (кандидатъ московскаго университета, а въ это время профессоръ лицея) были недовольны моею рѣшимостью принять такое ничтожное мѣсто, какъ учительскаго помощника; но я остался твердымъ въ своемъ выборѣ.

Ришельевскій лицей въ 1817 году основанъ аббатомъ Николемъ; такимъ названъ имъ въ память герцога Э. О. де Ришелье (бывшаго съ 1803 по 1814 годъ въ Одессѣ градоначальникомъ), сдѣлавшаго этому учебному заведенію значительное денежное

пособіе—аренду въ 15,000 талеровъ. До лицея, какъ казеннаго учрежденія, были въ Одессѣ только частный институтъ для мальчиковъ и такой же для дѣвочекъ; высшаго же училища не существовало. Французскій эмигрантъ іезуитъ аббатъ Николь,—поселившійся было въ Петербургѣ и восторженно принятый русскою аристократіей, ввѣрившей ему на воспитаніе своихъ дѣтей (князья Голицыны, Орловы—Алексѣй (графъ) и Михаилъ), но за прозелитизмъ католичества оттуда высланный, впрочемъ, почетно, съ назначеніемъ въ Одессу начальникомъ католическаго духовенства въ Новороссійскомъ краѣ,—подалъ проектъ учрежденія лицея. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, Ришелье [1]) и вся петербургская знать сильно поддерживали проектъ аббата. Огромныя права, которыми не пользовались даже „русскіе императорскіе университеты", предоставлены были іезуитскому училищу [2]), имѣвшему цѣлію исподоволь подкапывать восточное православіе. Не даромъ парижскіе іезуиты, создавшіе свой „разсадникъ", гдѣ учился аббатъ Николь, нарекли именемъ св. Варвары (что въ переносной французской техникѣ значило Sainte Barbe—пороховой погребъ).

17-го мая 1817 года уставъ былъ подписанъ императоромъ Александромъ I, роскошно напечатанъ въ Парижѣ знаменитымъ Фирмень-Дидо и разосланъ по всей Россіи. Архитектору Монферрану тогда же заказанъ проектъ великолѣпнаго зданія, детальные чертежи котораго обошлись лицею въ 10 т. р.

---

[1]) Герцогъ Ришелье (Armand Emmanuel, Sophie Septimanie, Duplessis Richelieu, duc de Richelieu et noble Genois) род. въ Парижѣ 13—25 сент. 1766 г. Въ 1803 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ назначенъ одесскимъ военнымъ губернаторомъ; въ Одессѣ онъ оставался почти до конца 1814 г. (27 сент.); герцогъ скончался 17 мая 1822 г. въ Парижѣ, въ званіяхъ пэра Франціи, министра иностр. дѣлъ, предсѣдателя совѣта министровъ и оберъ-егермейстера франц. двора. Герцогъ Ришелье оставилъ по себѣ въ Одессѣ и въ цѣломъ Новоросс. краѣ память умнаго администратора и человѣка, одареннаго возвышенною и любящею душою. Кн. В. Д.

[2]) Изъ университетовъ выпускались: магистры съ правомъ на чинъ 10-го, кандитаты 12, дѣйствительные студенты 14 класса; воспитанники лицея—съ правомъ на чины 9, 10 и 12 класса. Выходило такъ, что профессоръ лицея (университетскій кандидатъ) присуждалъ своему ученику право на чинъ выше своего. Эта несообразность впослѣдствіи уравнена. Воспитанникъ лицея (9 класса) не въ состояніи былъ выдержать экзамена на дѣйствительнаго студента. Такова была степень знаній юношества. Н. Н. Муръ.

Дѣти петербургскихъ вліятельныхъ фамилій, богатыхъ русскихъ помѣщиковъ, родовитыхъ поляковъ съ разныхъ сторонъ явились въ Одессу, а именно: князья Дм. и Гр. Волконскіе (сыновья извѣстнаго П. М., впослѣдствіи министра императорскаго двора), графъ І. К. Ламбертъ, графы Э. и А. Сен-При (дѣти херсонскаго губернатора), граф. Бутурлины, гр. Доланъ, гр. Девіеръ, гр. Латуръ, гр. Рошфоръ, сыновья генерала Рудзевича, князья Четвертинскіе, короче— все, что могло платить до 2,000 рублей асс. въ годъ за воспитаніе каждаго сына (такихъ набралось до 129 мальчиковъ), все торопилось вручить будущую опору православной Руси въ руки іезуитскаго аббата. Дѣйствительно, по части нравственно-воспитательной аббатъ Николь былъ неукоризненъ. Всегда неутомимо дѣятеленъ, всегда одинаковъ, безпристрастенъ и безкорыстенъ. Всѣ его помыслы стремились къ тому, чтобы въ сердцахъ и умахъ будущихъ дѣятелей Россіи внѣдрить глубокое уваженіе и сочувствіе къ Франціи. О варварской Россіи предоставлялось думать, какъ угодно. Реми Жиле (воспитатель дѣтей гр. Бутурлина) сдѣланъ инспекторомъ лицея, прямо съ чиномъ надворнаго совѣтника; два аббата: Боавень и Рафлишъ поступили законоучителями и профессорами французской литературы; французы: Віардъ — математики, Надо — французской грамматики.

Вотъ что представили Сен-Барбисты, изящные, полированные и вкрадчивые наставники довѣрчивой юности. Что же дѣлало наше министерство духовныхъ дѣлъ подъ управленіемъ набожнаго Голицына, въ отпоръ затаеннымъ замысламъ иноземной пропаганды?

Синодъ прислалъ архимандрита Ѳеофила Финикова, опрятнаго франта-монаха, порочнаго, властительнаго и жестокаго въ обращеніи съ дѣтьми. Этотъ законоучитель, по канону, долженъ былъ служить „правиломъ вѣры, образомъ кротости и воздержанія“. Вмѣсто этого, Ѳеофилъ надѣлялъ прислуживавшихъ ему во время обѣдни дѣтей пощечинами и потасовкою.... Несомнѣнно и то, что дѣти, направленныя лукавыми іезуитами, изподтишка раздражали необузданнаго монаха.

Богословская программа, данная Ѳеофилу первымъ членомъ синода митрополитомъ Амвросіемъ, была „гласомъ, во-

шіющимъ въ пустыни". Вечернія чтенія духовныя, предлагаемыя имъ воспитанникамъ, ихъ усыпляли или исчезали безслѣдно въ ушахъ невольныхъ слушателей. Что же положилъ въ основаніе будущему образователю новороссійскаго и бессарабскаго юношества тотъ же „обоюдный" министръ? Онъ не прислалъ ни одного человѣка, избраннаго отъ нѣсколькихъ университетовъ, а предоставилъ аббату, какъ директору, да херсонскому губернатору графу Ланжерону (французскому эмигранту) [1]) и нѣсколькимъ гражданамъ, „состоявшимъ въ качествѣ членовъ правленія лицея", довольствоваться мѣстными средствами. Такимъ образомъ изъ бывшаго плохаго института взяли И. И. Дудровича—профессоромъ философіи, которую онъ читалъ по запискамъ своего брата, профессора харьковскаго унивевситета, А. А. Пиллера—проф. италіянскаго языка, бывшаго гувернеромъ дѣтей Булгакова, А. И. Ковалевскаго (безъ ученой степени)—проф. русской и латинской словесности, А. В. Петша, богемца,—проф. нѣмецкаго языка, А. И. Славицкаго (безъ ученой степени)—проф. латинской, греческой и русской словесности, мало ему знакомыхъ, и потому вскорѣ замѣненнаго Мальчевскимъ (кандидатомъ московскаго университета). Адъюнктами были избраны: Черемисиновъ, для греческой и латинской словесности, и вскорѣ на его мѣсто Калиновскій, да Жуковъ—учитель русскаго языка и танцованья.

Ученье въ лицеѣ открылось 7 января 1818 года. Подъ надзоромъ, должно сказать, неусыпнаго аббата преподаваніе шло

---

[1]) Графъ Ланжеронъ (Louis Alexandre Andrault, Chevalier-comte de Langeron, Marquis de la Coste, Baron de Cougny, de la Ferté-Langeron et de Saccy, et Baron de l'Empire d'Autrichien et Citoyen de Génève) род. въ Парижѣ 13 янв. 1763 г., служилъ во французской гвардіи, сражался за независимость Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и вступилъ въ чинѣ полковника въ русскую службу въ 1790 г. Сдѣлавъ шведскую кампанію, онъ перешелъ въ армію Потемкина и находился въ отрядѣ де Рибаса; потомъ принималъ участіе въ походахъ принца Саксенъ-Кобурга въ Голландіи. Въ чинѣ генералъ-лейтенанта принятый въ россійское подданство и удостоенный графскаго Россійской имперіи достоинства, онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ въ экспедиціи въ Корфу, въ кампаніяхъ противъ турокъ и въ отечественную войну 1812—1814 командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ. По заключеніи мира, гр. Ланжеронъ былъ назначенъ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, и въ этой должности находился съ 1815 г. по 1822 г. Кн. В. Д.

порядочно. Разумѣется, объемъ преподаванія наукъ былъ не выше гимназическаго; господствующій языкъ въ устахъ всѣхъ былъ французскій, русскій считался какъ бы иностраннымъ. Для повторенія съ воспитанниками пройденныхъ профессорами уроковъ были репетиторы, названные адъюнктами. На каждые 15 учениковъ было по гувернеру (неотлучно при нихъ находившемуся), а сверхъ того два инспектора надъ воспитанниками старшаго и младшаго возрастовъ. Возрасты раздѣлялись на четыре отдѣленія (division), которыя не сходились даже во время отдыха, и каждый классъ имѣлъ отгороженный садикъ. За столомъ, кромѣ надзирателей, садились всѣ преподаватели (особо обѣдать имѣлъ право только директоръ, а прочіе—въ случаѣ болѣзни). Спальни не только раздѣлялись по 4 возрастамъ, но и въ самихъ спальняхъ были перегородки, наглухо запиравшіяся на ночь. Въ комнаткѣ имѣлись: шкафикъ для книгъ съ ящиками, для ежедневной одежды, стулъ, кровать и ночная посуда. Общій гардеробъ хранился въ отдѣльныхъ шкафахъ.

Разъ въ мѣсяцъ воспитанники, сдѣлавшіе успѣхи (послѣ чтенія отмѣтокъ), по воскресеньямъ, отпускались къ роднымъ, но не болѣе какъ на 8 часовъ. Ходить безъ проводника строго запрещалось. Разъ въ мѣсяцъ писались письма къ роднымъ и посылались на почту, но не иначе какъ послѣ просмотра инспектора. За каждымъ шагомъ, за каждымъ словомъ воспитанника слѣдили надзиратели, которые о всякомъ дѣйствіи ежедневно давали знать инспектору и директору. Пища была хорошая, состоявшая за обѣдомъ изъ 3, за ужиномъ—2 блюдъ, кромѣ утренняго и вечерняго чая, съ бѣлымъ хлѣбомъ; за обѣдомъ на каждаго воспитанника ставилось по полубутылкѣ столоваго легкаго вина. Въ заведеніи имѣлись двѣ небольшія церкви: католическая и православная. Въ первой часто прислуживали на обѣднѣ дѣти православнаго исповѣданія. Какъ по §..... Устава желалось, чтобы всѣ преподаватели лицея, „посвятившіе себя всецѣло дѣлу воспитанія, были бы неженатыми“,—то всѣмъ имъ полагались квартиры со столомъ, освѣщеніемъ и отопленіемъ въ зданіи лицея. Директоръ занималъ 8, инспекторы по 4, профессора по 3, адъюнкты по 1 комнатѣ съ прихожею. Вся прочая прислуга помѣщалась на переднемъ дворѣ. Неосуществившійся планъ Монферрановъ пышнаго зданія былъ

замѣненъ болѣе скромнымъ домомъ, построеннымъ съ подряда поручикомъ Ант. Шостакомъ въ два этажа, вдоль Дерибасовской и Ланжероновской и поперекъ Екатерининской улицъ, съ двумя необширными дворами. Между тѣмъ какъ въ великолѣпномъ лицеѣ, имѣвшемъ быть тамъ, гдѣ теперь такъ называемое Куликово поле, предполагался и ботаническій садъ. Обширная земля была отведена лицею Одесскимъ строительнымъ комитетомъ по протяженію морскаго берега до такъ называемаго Малаго фонтана.

По уставу, пенсій наставникамъ не полагалось; но было постановлено, чтобы каждый воспитанникъ сверхъ платы (1200 р. въ годъ) за содержаніе, по окончаніи полнаго курса, въ знакъ благодарности за воспитаніе взносилъ еще 500 рублей, которыхъ $^1/_7$ часть поступала въ руки наставниковъ.

Чтобы питать тщеславіе родителей и ихъ дѣтей, придумана была красивая форменная одежда, состоявшая изъ мундира синяго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами, опушенными краснымъ кантикомъ, пуговицы желтыя, форменная фуражка и темно-сѣрая съ бархатнымъ воротникомъ шинель. Бѣлья полагалось довольно. Одежда была хорошаго качества. Все было придумано, предусмотрѣно въ пользу богатыхъ и ничего для бѣдныхъ—приходящихъ учениковъ. Для нихъ отведены были наружныя дрянненькія помѣщенія, именовавшіяся, какъ и ученики, „внѣшними“ (externes). Обучали: особый священникъ, 3 учителя съ однимъ помощникомъ. Кромѣ жалованья 1,000 р. или 700 руб., болѣе ничего не давалось. Обученіемъ завѣдывалъ 2-й инспекторъ. Сношеній воспитанниковъ съ учениками не было, да и строго запрещались; отличительной формы ученической также не было. Одно только у всѣхъ было общее—розги; воспитанниковъ директоръ наказывалъ секретно, учениковъ—инспекторъ гласно. Пока всѣмъ составомъ лицея (кромѣ хозяйственной части, ввѣренной Реми-Жиле) управлялъ аббатъ Николь, дѣло шло удовлетворительно, а выше всего было нравственное направленіе; но когда подчинили лицей вѣдомству попечителя харьковскаго университета, тогда попечитель Карнѣевъ изъ своей деревни Захарьевки сталъ править университетомъ съ его обширнымъ округомъ, а на вскраѣ моря—Ришельевскимъ лицеемъ. Въ это же время было въ обычаѣ управлять и изъ С.-Петербурга: Пестель—Сибирью, Магницкій—Казанью.

Отъ архимандрита Ѳеофила пошли въ Синодъ доносы на аббата въ прозелитизмѣ. Аббатъ отправился въ С.-Петербургъ для оправданія предъ княземъ Голицынымъ, всегда къ нему благоволившимъ; но напрасно; не помогла также ловкому іезуиту защита другого его покровителя—дюка Ришелье (въ это время бывшаго первымъ министромъ Франціи). Получивъ лично отъ Александра I алмазный крестъ св. Анны 2-й степени, Николь, не смотря на это, опустилъ руки и въ одно прекрасное утро 1821 года, незамѣтно для всѣхъ, уѣхалъ изъ Одессы въ Парижъ. Карнѣевъ, во все вмѣшиваясь, сталъ выживать аббатовскихъ и опредѣлять своихъ харьковцевъ; но, къ несчастью заведенія, весьма неудачно. Явились: профессоромъ русской и латинской словесности Гриневичъ, не получившій диплома университетскаго на магистерство, недалекій въ наукѣ и сильно придерживавшійся хмѣльнаго; инспекторами: Кеппенъ (братъ академика) и дряхлый молдаво-валахъ Калинеску,—первый—замѣчательный страстью къ интригамъ, другой—незнакомый ни съ русскимъ языкомъ, ни съ хозяйственною частью, которую ему ввѣрили; Симоновичъ—австрійскій сербъ, сперва въ качествѣ надзирателя за воспитанниками, потомъ въ качествѣ исправляющаго должность профессора, женатый для денегъ на публичной женщинѣ; Бабичевъ—харьковскій кандидатъ, въ качествѣ профессора русской словесности. Ко всему этому присоединилось разстройство хозяйственной части преемникомъ аббата—Реми-Жиле, назначеннымъ директоромъ. Въ кассѣ лицея не оказалось 80,000 рублей. Поставщикамъ провизіи, строителямъ зданія лицея денежная уплата пріостановилась; для изслѣдованія дѣла была наряжена особая коммиссія изъ С.-Петербурга. Денегъ, однако, не розыскали; Жиле удалили, а графъ Бутурлинъ обязался, по частямъ, внесть недостающую сумму. Говорятъ, что онъ-то и занялъ ее у Жиле, котораго не только не наказали за своеволіе, но пристроили къ царскосельскому лицею.

Грязныя связи Дудровича, Ѳеофила, Бабичева — съ кастеляншами заведенія, сцены ревниваго подсматриванія одного за другимъ, пьянство Гриневича и адъюнкта Шкляревича, не могущія укрыться отъ проницательнаго глаза воспитанниковъ, имѣвшихъ свободный доступъ къ своимъ наставникамъ, сперва пошатнули, а потомъ окончательно разрушили созданную аббатомъ Николемъ прекрасную дисциплину. Всѣ аристократы тотчасъ

разобрали своихъ дѣтей, а на мѣсто ихъ набрались дѣти греческихъ эмигрантовъ [1]), внесшихъ съ собою въ стѣны лицея буйство, неопрятность и пороки востока.

Послѣ Жиле, не знавшаго по-русски, директоромъ перевели изъ Риги нѣмца Гейнлета, квіетиста. Здѣсь самовластіе архимандрита, какъ вліятельнаго члена правленія лицея, сдѣлалось необузданнымъ. Монахъ всѣхъ стращалъ донесеніями синоду и министру, и всѣ, зная за собою разные грѣшки, молчали и повиновались наглому монаху. По странному устройству правленія лицея, директоръ имѣлъ только совѣщательный голосъ, распорядительнымъ-же владѣли предсѣдатель правленія,—сперва херсонскій военный губернаторъ графъ Ланжеронъ, потомъ—одесскіе градоначальники, да члены, избиравшіеся на срокъ изъ дворянъ и купцовъ.

Въ 1823 году лицей попалъ изъ огня въ полымя: назначенный управляющимъ лицеемъ графъ Виттъ совершенно уронилъ неопытнаго, слабаго, новаго директора и затѣмъ вскорѣ вытѣснилъ. Въ день отъѣзда Гейнлета, архимандритъ объяснялъ воспитанникамъ текстъ: „и бѣгаетъ нечестивый, ни единому-же гонящу". Вся вина Гейнлета была въ томъ, что онъ собиралъ къ себѣ нѣкоторыхъ служащихъ для пѣнія нѣмецкихъ духовныхъ гимновъ. Рекомендованный графомъ Виттомъ въ директоры колл. сов. Дитрихсъ, не вступая въ должность, указомъ Сената объявленъ былъ „отставленнымъ отъ службы за безпорядки по одесской таможнѣ", гдѣ былъ управляющимъ. За нимъ назначенный директоромъ капитанъ 2-го ранга князь Шаховской умеръ, не доѣхавъ до Одессы. И уже въ 1826 году проснувшееся министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ адмирала Шишкова, назначаетъ директоромъ, нѣкогда обучавшагося въ австрійскихъ школахъ, извѣстнаго придворнаго лейбъ-медика И. С. Орлая, до того бывшаго директоромъ Нѣжинскаго лицея. Ему первому дали права самостоятельнаго директора. Въ шесть лѣтъ прошедшихъ господствовали: интриги, пьянство, соблазнъ

---

[1]) Арабоглу, Папазоглу, Зарифи, Сканави, Схина, Сихри (архіерейскій племянникъ. У греческихъ архіереевъ не бываетъ дѣтей,—но племянники). Антоніади, Левиди, Россети, Ираклиди, по окончаніи курса сдѣлавшіеся купцами или торговцами въ Одессѣ. Н. М.

и равнодушіе къ дѣлу, къ которому были призваны, въ лицахъ, исправлявшихъ должности директора и инспектора, — Дудровичъ и Симоновичъ... Одно, впрочемъ, доброе дѣло сдѣлалъ графъ Виттъ, изгнавъ изъ лицея необузданнаго Ѳеофила. Прежнія на него жалобы княземъ Голицынымъ не были приняты во вниманіе, и обвиняемый вернулся въ Одессу еще награжденнымъ орденомъ Владиміра 3-й степени. Но улики, представленныя графомъ Виттомъ, были неотразимы, и безстрашный Ѳеофилъ заключенъ въ исправительный суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь; въ распоряженіи настоятеля этого монастыря состояла команда солдатъ для укрощенія заточаемыхъ. Архимандритъ былъ замѣщенъ бездарнѣйшимъ и лѣнивѣйшимъ протопопомъ Гербановскимъ. Синодъ не позаботился даже объ отысканіи благонадежнаго законоучителя; синодъ, впрочемъ, въ это время воевалъ съ княземъ Голицынымъ и его библейскимъ обществомъ, а также съ г-жею Гіонъ и др.

Ретивый славянофилъ Орлай, родомъ карнато-руссъ, приверженецъ А. С. Шишкова, на очищавшіяся мѣста началъ помѣщать все, что могло казаться славяниномъ; такъ удержались Дудровичъ съ Симоновичемъ; прибавился профессоръ Лепка, чехъ, впослѣдствіи преподававшій римское право, объясняя воспитанникамъ степени родства при пособіи собственной любимой стаи собакъ, за нимъ слѣдовавшей повсюду: „ecce paterfamilias, ecce filius, ecce nepos!“ Прежній учитель музыки Пахманъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка. Если въ лицеѣ знали когда-либо латынь, то этимъ всѣ обязаны знанію, примѣрному усердію и постоянству этого добросовѣстнаго преподавателя. Изъ Москвы пріѣхали исправляющими должность профессоровъ кандидаты тамошняго университета: Н. Д. Курляндцевъ — на математику и П. В. Архангельскій — на законовѣдѣніе; изъ с.-петербургскаго педагогическаго института — Андреевскій. Выборъ московскихъ былъ весьма удачнымъ, но противное оказалось въ профессорѣ русской словесности; шалуны тотчасъ прозвали Андреевскаго „чижикомъ“.

Вникнувши въ преподаваніе наукъ, Орлай нашелъ его далеко несоотвѣтствующимъ высокому званію лицея, и потому озаботился поставить преподаваніе на возможно высшую степень, даже въ сравненіи съ лучшими гимназіями, въ чемъ до нѣкоторой

степени и успѣлъ. Поднимая учебную часть, Орлай упустилъ изъ виду нравственно-воспитательную. Односторонній взглядъ заботливаго директора ловко устранилъ отъ себя Симоновичъ, увѣряя довѣрчиваго старца, что по его части все обстоитъ благополучно. Между тѣмъ нравственное руководство находилось въ рукахъ собранныхъ съ улицъ офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ (И. И. Шульцъ), бродягъ нѣмцевъ (Шиллингъ), французовъ (Веру̀ и Берэ̀). Зачастую воспитанники, возвращаясь съ лицейскаго хутора или другого какого загороднаго гулянья, приносили на рукахъ замертво пьянаго своего надзирателя (Берэ, Плещинскаго, Шепецкаго). Неудивительно, что послѣ такихъ назидательныхъ примѣровъ стали исключать „за дурное поведеніе“ воспитанниковъ изъ лицея или выпускать безъ одобрительныхъ аттестатовъ. Такимъ явился А. Гойеръ, побочный сынъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Репнина-Волконскаго, и др.

Экономическая часть находилась въ безотчетныхъ рукахъ Симоновича и эконома. Съ какимъ успѣхомъ совершалась собственная ихъ „благоразумная экономія“, о томъ свидѣтельствуютъ купленная деревня Симоновичемъ и построенные дома экономами Богдановичемъ и Новицкимъ. За то воспитанники зачастую ѣли гнилую говядину, кашу съ жиромъ, иногда съ свѣчнымъ саломъ, и зимою спали, не раздѣваясь, по причинѣ холода въ спальняхъ. Орлай разрушилъ крайне рѣзкое раздѣленіе, сдѣланное аббатомъ Николемъ, между воспитаниками внутренними (internes) и внѣшними (externes). Соединя параллельные классы во едино, онъ смѣшалъ учениковъ. Наука отъ обоюднаго соревнованія пошла лучше, но за то извнѣ наплыли незнаемыя до того шалости, а иногда и гадости. Одесса сложилась, подобно Риму, изъ бродягъ всѣхъ націй, — неудивительно поэтому, что дѣти такихъ отцовъ не могли усвоить себѣ добрыхъ началъ и что самая школа стала считаться въ то время почти исправительнымъ заведеніемъ. Правда, что человѣку неизбѣжно узнать и пороки, но своевременно. Преклонныя лѣта, болѣзнь, огромное семейство безъ всякаго состоянія сильно вліяли на Орлая. Усилившаяся меланхолія заперла его въ комнатѣ, гдѣ одиночество свое онъ нерѣдко усиленно отстаивалъ.

Внутренніе безпорядки лицея росли со дня на день. Среди

такого положенія лицея, Орлай умеръ въ 1828 году. Дудровичъ сталъ временнымъ начальникомъ. Всезнающій графъ Виттъ во все это время бездѣйствовалъ. Чуткій его слухъ внимательнѣе прислушивался къ глухимъ затаеннымъ замысламъ польскимъ. Послѣдующія обстоятельства подтвердили общее предположеніе: управленіе лицеемъ было ввѣрено особо назначенному попечителю, и графъ Виттъ съ его адъютантами, аудиторами и служанками Собаньской оставилъ навсегда обезображенный имъ лицей. Не будь такихъ протекторовъ, какъ графъ Виттъ, Чирковичъ и др., благонравный аббатовскій лицей не былъ бы низведенъ столь быстро до такого жалкаго положенія.

Николай Никифор. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XI [1]).

Управленіе лицеемъ Дудровича. — Внѣшняя характеристика Одессы.—Женитьба М. М. Кирьякова. — Назначеніе Н. Мурзакевича надзирателемъ за внутренними воспитанниками лицея (1832 г.) и порученіе преподаванія всеобщей исторіи въ гимназическихъ классахъ. — Перемѣны, сдѣланныя попечителемъ Покровскимъ въ личномъ составѣ лицея. — Поѣздка Николая Никифоровича въ с. Ковалевку, имѣніе Кирьякова, оттуда въ г. Николаевъ и на мѣстность древней Ольвіи; пробужденіе любви къ собиранію древнихъ монетъ. — Новые профессора. — Директоръ Ришельевскаго лицея Н. И. Синицынъ (1833 г.).—Оперная примадонна А. Морикони; музыкальное тріо.

Съ назначеніемъ Н. Ѳ. Покровскаго попечителемъ насталъ новый періодъ жизни лицея. Древнимъ періодомъ лицея можно считать правленіе аббата Николя; среднимъ или средневѣковымъ—управленія Р. Жиле, Орлая, Дудровича. До этого назначенія Покровскій служилъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Его прежняя служба по учебному вѣдомству, въ качествѣ директора гимназіи и училищъ Тверской губерніи, пригодилась для новаго обширнаго и труднаго поприща. Еще не выѣзжая изъ С.-Петербурга и проживая тамъ болѣе полутора года, Покровскій сталъ насылать такіе вопросы и требовать отчеты, что весь старо-лицейскій составъ, нехотя пробудился. Все крѣпко спавшее зашевелилось: Дудровичъ, не

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298.

читавшій до того двухъ положенныхъ предметовъ, Симоновичъ и Архангельскій, не имѣвшіе у себя по три года слушателей, позаботились первый—о выполненіи своего обязательства, а другіе—о завербованіи слушателей. Гербановскій, Лепка, Петшъ, Андреевскій сильно призадумались. На воспитанниковъ начали обращать болѣе серьезное вниманіе: они сдѣлались лучше, сдержаннѣе, внимательнѣе къ дѣлу. Преслѣдованія и ссоры за кастеляншъ прекратились. Въ трясинномъ государствѣ чувствовалось приближеніе цапли. Избранный графомъ Виттомъ исправляющимъ должность директора, изъ управляющихъ одесскою таможнею, И. И. Винтеръ лежалъ на смертномъ одрѣ; директорство снова впало въ руки неизбѣжнаго Дудровича.

Въ это переходное время, съ 31 января 1831 года, началась моя служба въ лицеѣ. Мнѣ былъ порученъ сначала второй классъ „внѣшняго училища“ съ дѣтьми, совершенно неприготовленными въ чтеніи и письмѣ. Въ ожиданіи будущихъ благъ, обѣщаемыхъ разсматривавшимся уставомъ лицея, я приступилъ къ дѣлу ретиво, дорожилъ не только часомъ, но и минутами. Наставшая въ осень 1830 года страшная грязь, поглощавшая среди улицъ лошадей и чуть не людей, на цѣлые три мѣсяца такъ затруднила сообщенія, что по улицамъ можно было ѣздить только верхомъ; многіе переулки были перетянуты веревками, чтобы никто не ѣздилъ. Дѣйствительно, повторилось то время, которое бойко и вѣрно описалъ Пушкинъ:

„Въ году недѣль пять—шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня“.

Не смотря на все это, я и мой сотоварищъ, учитель Острожскій, утромъ и послѣ обѣда являлись къ небольшой горсти дѣтей, приходившихъ на уроки. Ученіе во внутреннихъ классахъ (безъ приходящихъ), по сказанной причинѣ, продолжалось: преподаватели оныхъ жили въ зданіи лицея; однакожъ,

и тутъ нѣкоторые уклонялись. По нелѣпому устройству прежняго управленія лицея, въ немъ существовало два правленія: учебное и хозяйственное. Въ нихъ засѣдали одни и тѣ-же лица, и при томъ въ той же комнатѣ; но переписка такъ медленно тянулась, что съ честью могла состязаться съ любымъ уѣзднымъ судомъ. Одни и тѣ же члены писали сами себѣ бумаги и ихъ исполняли. Слѣдовавшее мнѣ жалованье, со дня опредѣленія въ должность учительскаго помощника, т. е. съ 31 января, я получилъ въ ноябрѣ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. На экзаменѣ, сдѣланномъ въ моемъ классѣ бывшимъ въ то время адъюнктомъ Золотовымъ (теперь извѣстнымъ педагогомъ по первоначальному обученію), ученики мои показали слабые успѣхи. Больно было мнѣ, что мои труды принесли такіе плоды. Тутъ я увидѣлъ, что существуетъ великая разница между обученьемъ взрослаго, умственно развитаго, мальчика и между дитятею, съ которымъ слѣдуетъ нянчиться. Вспомнилъ: docendo discimus!

Наступившій 1832 годъ перенначилъ нѣсколько мою жизнь. Въ началѣ весны другъ мой, Михаилъ Михаиловичъ Кирьяковъ женился и я, вслѣдствіе неоднократнаго приглашенія, прибывшаго въ Одессу, попечителя Покровскаго, согласился принять должность надзирателя за внутренними воспитанниками младшаго возраста и поэтому переселился въ лицей. Еще въ день общаго представленія наставниковъ лицея новому попечителю, Н. Ѳ. Покровскій меня любезно принялъ, поблагодарилъ за мое усердіе къ долгу въ прошедшую зиму и обнадежилъ, что меня, какъ университетскаго воспитанника, будетъ имѣть въ виду; поэтому мнѣ не легко было отговариваться. Жалованье двойное (за учительство 700 и надзирательство 500 руб. съ казеннымъ столомъ и квартирой), къ удивленію общему, мнѣ первому стали выдавать уже безъ прежнихъ проволочекъ. Обоюдныя правленія были слиты въ одно. По проекту Покровскаго, лицей переформировывался на собственно лицей, высшій—о двухъ отдѣленіяхъ, и гимназическій,—о семи классахъ, сообразно общему уставу гимназій 1828 г. Мнѣ поручена была всеобщая исторія въ первыхъ трехъ классахъ. Моя прежняя дѣтская начитанность принесла свою пользу. Ученики меня охотно слушали и на вопросы отчетливо отвѣчали. Приноровясь къ ихъ понятіямъ и передавая событія анекдотически, я успѣлъ овладѣть ихъ

живостью и воспріимчивостью; самый шаловливый третій классъ у меня былъ послушнѣйшимъ; это замѣтилъ Покровскій и ставилъ въ примѣръ другимъ. Снисходительность къ пылкости дѣтской, настойчивость и неуступчивость въ благоразумно приказанномъ, справедливость и отнюдь не мстительность и не злопамятство—вотъ тотъ рычагъ, которымъ я постоянно потомъ дѣйствовалъ на ввѣренную мнѣ молодежь. Къ историческимъ изъясненіямъ я прибавилъ черченіе нѣмыхъ географическихъ картъ. Могу сказать, что это нововведеніе, мое „личное“, принесло желанные плоды. Выбывшій изъ 3 класса ученикъ И. А. Клингеръ, поступивъ въ Дворянскій полкъ (въ С.-Петербургѣ), едва ли не былъ причиною и тамъ введенія легкой и пріятной для дѣтей методы изустнаго черченія картъ. Двойная служебная повинность—какъ учителя, имѣвшаго въ недѣлю 22 часа занятій, и какъ надзирателя, дежурившаго черезъ день втеченіи 18 часовъ,—исполнялась добросовѣстно. Чрезъ два мѣсяца исправленія должности надзирателя, Покровскій вручилъ мнѣ воспитанниковъ старшаго возраста, т. е. учениковъ 5, 6, 7 класса, и наблюденіе за собственно называвшимися лицеистами. Это было для меня почетно, но и трудно. Впрочемъ, скоро заслужилъ я и здѣсь общее довѣріе и расположеніе.

Внутренніе перевороты лицейскіе, сдѣланные строгимъ Покровскимъ, заключались въ изгнаніи профессоровъ Лешки, Петша, Андреевскаго и законоучителя Гербановскаго. На мѣсто ихъ поступили преподавателями: Генрихъ Брунъ, способный математикъ, Розбергъ (московскій кандидатъ, вызванный графомъ Воронцовымъ въ редакторы „Одесскаго Вѣстника“)—преподавателемъ русской словесности, законоучителемъ — магистръ духовной академіи іеромонахъ Порфирій (нынѣ извѣстный путешественникъ по востоку) [1]) и другой Брунъ, Ф. (оба брата дерптскіе студенты) — всеобщей исторіи. Такія рѣшительныя, а вмѣстѣ и удачныя перемѣны, видимо улучшая лицей, исподоволь возстановляли утерянное довѣріе публики. О внутреннихъ скандалахъ нельзя было думать. Покровскій, поселясь на свободной директорской квартирѣ, слѣдилъ за каждымъ. Ворота лицейскія,

[1]) Впослѣдствіи епископъ чигиринскій, кіевскій викарій.
Кн. В. Д.

подобно крѣпостнымъ, запирались отъ 10 часовъ вечера до 6 утра и уже ни для кого не отпирались. Благочиніе сохранялось всѣми строгое. Вслѣдствіе замѣтнаго ослабленія здоровья, мнѣ дали отдохнуть въ вакаціонный іюль мѣсяцъ.

Время это я провелъ въ прекрасномъ имѣніи Кирьякова, селѣ Ковалевкѣ, расположенномъ по правому берегу р. Буга. Отсюда сдѣлалъ экскурсію въ Николаевъ, гдѣ въ первый разъ въ жизни увидѣлъ линейные стопушечные корабли. Этотъ опрятный и веселый городъ впослѣдствіи я часто посѣщалъ. Переправясь обратно чрезъ Бугъ на правую сторону, берегомъ проѣхалъ до давно желанной Ольвіи. Квадратное пространство верстъ на 6, густо усѣянное большими и малыми курганами, служило указателемъ той мѣстности, гдѣ за 600 лѣтъ до Р. Х. процвѣтала богатая торговая Ольвія, имѣвшая сношенія со всѣмъ тогдашнимъ древнимъ свѣтомъ. Запасшись Діономъ Хрисостомомъ въ переводахъ греческомъ, латинскомъ (edit....) и русскомъ (Муравьева-Апостола), съ неизъяснимымъ наслажденіемъ я прослѣдилъ классическую мѣстность; сидя на прежней торговой площади у берега Буга, мысленно представлялъ ее усѣянною эллинами, скифами (подъ ними я разумѣю и монголо-татаръ, издревле здѣсь кочевавшихъ), скороговоркою болтающими всякія новости, до которыхъ и нынѣшніе потомки такъ падки. Въ недавно вскрытой гробницѣ я провелъ полдня, мечтая о древнемъ бытѣ. Собравъ хорошую жатву, состоявшую изъ древнихъ амфоръ, лампадокъ, монетъ и разной мелочи, съ торжествомъ вернулся я въ Ковалевку. Тутъ, разбирая монеты, я разбудилъ въ себѣ заглохшую было страсть къ нумизматикѣ.

Съ этой поѣздки вся моя денежная экономія поглощалась монетами и археологическими книгами, за которыя я платилъ не жалѣя. Къ великому моему счастью, въ порядочной библіотекѣ лицея, большею частью состоявшей изъ подарковъ Дюка-де-Ришелье, я отыскалъ два важныя для моего руководства сочиненія: „Histoire de l'Academie royale des inscriptions et belles-lettres“, въ 50-ти томахъ, и „Description de medailles antiques grecques et romaines, par Mionnet“, въ 7 томахъ. Въ изученіе, особенно послѣдняго, я всецѣло погрузился. Послѣ минувшей турецкой войны, при переходѣ войскъ чрезъ Бессарабію (на Днѣстрѣ выдерживали карантинъ) и Одессу, военными чинами было

занесено множество разныхъ древнихъ монетъ, которыя сбывались денежнымъ мѣняламъ. Ящики съ размѣнною ходячею монетою изобиловали и древнею; ее постоянно началъ я покупать, съ намѣреніемъ составить собственную коллекцію: это желаніе исполнилось. Каждый свободный отъ службы вечеръ я летѣлъ къ Кирьякову, чтобы подѣлиться моею радостью. Къ удовольствію своему, я встрѣчалъ полное сочувствіе. Кирьяковъ сталъ пристращаться къ старо-печатнымъ книгамъ; посему, чтобы не перебивать другъ другу въ пріобрѣтеніяхъ, такъ какъ онъ уже имѣлъ маленькую коллекцію монетъ, согласились: мнѣ — собирать монеты, а ему—книги. Къ радости общей, случилась продажа рѣдкихъ и старопечатныхъ книгъ, оставшихся послѣ умершаго инженеръ-генерала Ферстера; я постарался все лучшее закупить и тѣмъ положить хорошее начало библіотекѣ Кирьяковской. Съ этого времени пріобрѣтенія его дѣлались ежегодно на сумму до 1,000 франковъ. Тогда-же нами положено: въ числѣ разнородныхъ предметовъ, выписывать сочиненія, исключительно касающіяся Новороссійскаго края, съ тою цѣлью, чтобы современемъ люди, желающіе изучать край, безпрепятственно могли ими пользоваться.

Въ началѣ 1833 года пріѣхалъ въ лицей директоръ Н. И. Синицынъ, капитанъ-лейтенантъ, переименованный въ надворные совѣтники. Этотъ добрый и благородный человѣкъ на морскомъ поприщѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ два кругосвѣтныя путешествія, принесъ-бы бо́льшую пользу, чѣмъ па избранномъ имъ пути, къ которому мало былъ приготовленъ, хотя нѣкоторое время и состоялъ преподавателемъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Наплывъ моряковъ въ министерство народнаго просвѣщенія начался съ министромъ А. С. Шишковымъ: умный и опытный старецъ, видя, что почти во всѣхъ гимназіяхъ состоятъ директорами: пѣхотные капитаны, уланскіе, гусарскіе ротмистры, не далѣе маіоровъ, промотавшіеся помѣщики (въ Харьковѣ—Лосевъ) и протежированные губернаторами чиновники, не получившіе, по тогдашнему обычаю, никакого систематическаго образованія которые не только не подвигаютъ впередъ просвѣщеніе, но еще тормозятъ его,—положилъ назначать директоровъ изъ моряковъ, учившихся кое-какъ въ школахъ и потому знающихъ нѣкоторые учебные порядки и обычаи. По Шишковѣ и князѣ Ливенѣ вскорѣ

министерствовалъ С. С. Уваровъ. При немъ, въ качествѣ директора частной канцеляріи, находился П. М. Новосильскій, соученикъ и сослуживецъ по корпусу Синицына. Покровскій, проводя свои многообразные, длинноутомительные проекты, желая имѣть благопріятствующее лицо, близкое къ министру, согласился имѣть директоромъ лицея Синицына, рекомендуемаго Новосильскимъ.

Памятный всему министерству народнаго просвѣщенія, благороднѣйшій и добрѣйшій П. М. Новосильскій, дѣйствительно, далъ лицею добраго, честнаго, благороднаго человѣка, но не директора заведенія, возникающаго изъ „средневѣковаго“ хаоса. Новое лицо имѣло способность къ устройству внѣшняго порядка, но научныя его знанія далеко не были въ уровень многимъ наличнымъ преподавателямъ въ лицеѣ. Къ чести Синицына слѣдуетъ, однако, сказать, что онъ имѣлъ тактъ не вмѣшиваться въ учебную часть: ее Покровскій предоставилъ себѣ. Съ директоромъ пріѣхалъ профессоръ Нордманъ для преподаванія естественной исторіи. Земляки его, финляндцы, оба Бруны, и самъ Покровскій разгласили, что ѣдетъ свѣтило науки, что оно даже сломало себѣ ногу (на экскурсіи) по усердію къ наукѣ. Что для той-же науки жертвуетъ собраннымъ имъ гербаріемъ (проданнымъ, впрочемъ, за 3,000 рублей), и многое сему подобное. Время и дѣла, однако, показали, что всехвальный Нордманъ былъ финляндскій „гасконецъ“ и ловкій аферистъ. На лекціяхъ своихъ, на которыя лично созывалъ, чего только онъ не говорилъ: de omnia re scibile et non scibile. За свѣтиломъ первой величины, явилось свѣтило второй величины — профессоръ Фрейтагъ, для латинской и греческой словесности. Не зная ни слова по-русски, а слушатели его слабо знали по-латыни, онъ началъ преподаваніе мертваго языка. Не мало за латынь терпѣли бѣдные слушатели: имъ мыли головы, при выпускѣ урѣзывали чинами, оставляли еще на лишній годъ, но все таки дѣло не шло на ладъ: воспитанники переводили: „при свѣтѣ флейщиковъ и звукѣ факелей“, а профессоръ величаво произносилъ „bene!“ Фрейтагъ не заботился, что будетъ далѣе: онъ — въ качествѣ библіотекаря — обмѣнивалъ лучшія и рѣдкія изданія Дюковскихъ книгъ на свои обыкновенныя и готовилъ къ выпуску въ свѣтъ. Покровскій благоговѣлъ предъ нимъ болѣе, чѣмъ предъ умнымъ и ловкимъ

іеромонахомъ Порфиріемъ, отчасти уже начавшимъ идти по стопамъ пресловутаго Ѳеофила.

Въ это время на исправленія въ зданіи лицея, о которомъ, по случаю бывшаго въ 1828 году незначительнаго землетрясенія, находившійся въ то время въ ходу архитекторъ Боффо (строитель крупныхъ домовъ, какъ то: графа Воронцова, Л. А. Нарышкина, биржи городской) написалъ, что если не будетъ немедленно приступлено къ значительной починкѣ, то зданію угрожаетъ опасность, было отпущено до 50,000 руб. Поправкою завѣдывалъ Симоновичъ, успѣвшій заявить себя латинистомъ и даже нѣмцемъ, любимыми недальновиднымъ попечителемъ; но къ несчастію лицея передѣлки и починки, отнюдь не опасныя, какъ написалъ Боффо, дѣлались подрядчикомъ Ландженіотти крайне недобросовѣстно, подъ сильною защитою Симоновича. Коммиссія, принимавшая зданіе, хотя оффиціально одобрила все небрежно сдѣланное, однако, конфиденціально сообщила попечителю о всѣхъ гадостяхъ. Симоновичъ былъ устраненъ отъ инспекторства, а съ нимъ и отъ хозяйственной части. На вакантное мѣсто явился старый товарищъ (по московскому университету) Покровскаго — Чановъ. Чудна судьба этого неглупаго и не совсѣмъ худаго человѣка! Чановъ былъ с.-петербургскимъ квартальнымъ, харьковскимъ совѣтникомъ губернскаго правленія, ординарнымъ профессоромъ философіи харьковскаго университета, фаворитомъ тамошняго своевольнаго попечителя Филатьева, наконецъ, директоромъ гимназіи тамъ-же. Съ Филатьевымъ кончилось въ Харьковѣ служебное поприще Ѳедора Ѳедоровича. Онъ рѣшился перейти въ лицей инспекторомъ. По природѣ добрый, но по домашнимъ бѣднымъ обстоятельствамъ неровный въ характерѣ, онъ сдѣлался неразсудительнымъ нотатчикомъ дѣтскихъ шалостей. Старшіе воспитанники, узнавъ слабыя струны сговорчиваго инспектора, сдѣлались почти его повелителями. Тяжело стало надзирателямъ, а въ числѣ ихъ и мнѣ находиться между двумя огнями: педантомъ Покровскимъ и сговорчивымъ старикомъ. Къ тому-же, въ этомъ году, отъ напряженной дѣятельности служебной, появились у меня признаки разстроенной груди, обозначившіеся горловымъ кровотеченіемъ.

Вакаціонный одномѣсячный отдыхъ въ Ковалевкѣ, поѣздка въ Николаевъ и въ любезную Ольвію, а главное—дружественное участіе Кирьякова, видимо, поправили меня. Въ своемъ начальствѣ я также видѣлъ къ себѣ полное сочувствіе и готовность что нибудь сдѣлать мнѣ полезное. Осенью этого года, въ вечернихъ бесѣдахъ, Кирьяковъ, Скальковскій и я положили между собою, по силамъ и возможности каждаго, выяснить доселѣ темную исторію Новоросійскаго края. Кирьяковъ бралъ на себя обработать хозяйственно-естественную часть, Скальковскій — новую исторію, а мнѣ присудили древнюю. Съ этого рѣшенія бесѣды наши о краѣ сдѣлались почти главными: все, что попадалось въ мои руки интересное для края: книги, карты, я покупалъ у букинистовъ. Къ радости моей и Кирьякова, поиски мои всегда были успѣшны, пріобрѣтенія недороги.

Въ этомъ году одесская публика лишилась оперной примадонны А. Морикони: жертва заблужденія сердца она должна была, противъ воли, оставить сцену. Соловьиный ея голосъ съ пріятностью вспоминался долгое время любителями серьезной оперы [1]). Въ семьѣ Кирьякова потеря Морикони была, для второй сестры Юліи Михайловны, чувствительна, какъ потеря внимательной

[1]) Морикони была замѣчательной пѣвицей на сценѣ одесскаго итальянскаго театра; въ высшей степени выработанный голосъ, какъ будто созданный для исполненія бывшей тогда въ большой модѣ россиніевской музыки замѣчательный драматическій талантъ и наружность красавицы—привлекали къ ней множество поклонниковъ, безразлично среди мужчинъ и женщинъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь стихотвореніе В. И. Туманскаго, восторженно изображающее знаменитую пѣвицу:

Прекрасныя очи она къ небесамъ
Какъ будто съ молитвой возводитъ;
Откроетъ уста—и къ прекраснымъ устамъ
Рой звуковъ небесныхъ нисходитъ.
Любовь и поэзія! Въ пѣньи ея
Весь міръ гармоническій дышетъ:
Вотъ ропотъ потока, вотъ трель соловья,
Вотъ вѣтеръ, когда онъ колышетъ
Средь нѣги ночной листы лавровъ и розъ,
Вотъ арфы эоловой стоны,
Вотъ музыка страсти и жалобъ, и слезъ—
Всѣхъ благъ, всѣхъ надеждъ похороны!

Кн. В. Д.

учительницы пѣнія. Голосъ Ю. М. Кирьяковой былъ чистѣйшій контральто; по выходѣ ея въ замужество, во Флоренціи, за барона Швахгейма, всѣ знатоки и артисты пѣнія отдавали ей пальму первенства. До отъѣзда же въ Италію, семейные вечера моего друга оглашались великолѣпнымъ trio: contralto—Ю. М. Кирьякова, soprano—молодая княгиня Голицына и баритонъ—М. А. Волковъ, только что оставившій постъ перваго секретаря константинопольской миссіи.

XII.

Болѣзнь Николая Никифоровича. — Извѣстіе о кончинѣ его отца, священника Никифора Адріяновича и поѣздка въ Смоленскъ. — Посѣщеніе Кіева и знакомство съ митрополитомъ Евгеніемъ. — Встрѣча съ А. Н. Аненковымъ, строителемъ Кіевской десятинной церкви. — Прибытіе на родину. — Наслѣдство, оставшееся послѣ отца.—Воспоминанія о смоленской старинѣ, напечатанныя въ Журн. мин. народн. просв.—Возвращеніе въ Одессу.—„Descriptio nummorum veterum graecorum atque romanorum“, сочиненіе, составленное Николаемъ Никифоровичемъ.

Возобновившіеся грозные признаки моей болѣзни побудили меня просить увольненія отъ надзирательской должности. Но Покровскій и слышать не хотѣлъ, а добрый директоръ предлагалъ всевозможную льготу. Неожиданная вѣсть, полученная отъ самого отца объ его тяжкой болѣзни, а затѣмъ письма сестры объ его смерти, мирно послѣдовавшей 8 марта 1834 г., понудили меня сначала временно, затѣмъ навсегда отказаться отъ изнурительной обязанности. 8-го мая пустился я въ путь по кіевскому тракту, на перекладной. Тяжело ѣздить вообще на перекладной, но еще тяжелѣе ѣздить съ разстроенною грудью. Кромѣ неудобствъ по дорогѣ, проѣзжающій долженъ еще выносить всѣ глупыя и грязныя продѣлки станціонныхъ диктаторовъ,—такъ называю станціонныхъ смотрителей потому, что всѣ висящія по стѣнамъ станцій положенія, правила, распоряженія служатъ единственно въ ихъ пользу, и ни одно постановленіе въ пользу проѣзжающаго. До Кіева меня одолѣвала пыль, а съ выѣзда изъ этого города день и ночь мочили проливные дожди, при холодномъ вѣтрѣ. Отъ сырости и холода даже лошади дро-

жали, каково же было мнѣ, не имѣвшему на себѣ сухой нитки!... Гардеробъ мой не былъ въ изобиліи. Для отдыха четыре дня я провелъ въ Кіевѣ. Осматривая внимательно подробности Софійскаго собора, памятника Византійскаго зодчества XI вѣка, я случайно познакомился съ соборнымъ ключаремъ. Слово за слово, и этотъ почтенный священникъ спросилъ: почему я не былъ у митрополита?

Давно зная имя митрополита Евгенія Болховитинова, какъ доказаннаго знатока русскихъ древностей, я полагалъ, что и онъ, какъ многіе его собраты, недоступенъ или невнимателенъ къ мелкимъ людямъ. Ключарю я откровенно сказалъ свое мнѣніе. „Въ доказательство противнаго", отвѣчалъ о. ключарь, „вы теперь же (въ 5 часу пополудни) можете видѣть высокопреосвященнаго". Любопытство видѣть ученую личность одолѣло нерѣшительность.

На спросъ у служителя могу ли видѣть митрополита, при отвѣтѣ: „пожалуйте", отворились двери въ залу. Келейный доложилъ хозяину, и убѣленный сѣдиною старецъ, средняго роста, довольно сухощавый, по лѣтамъ свѣжій, но блѣдный, въ простенькой поношенной рясѣ и такой же камилавкѣ, явился предо мною. Простой пріемъ и завязавшійся разговоръ вообще о русской старинѣ, между которымъ Евгеній посѣтовалъ на то, что Кеппенъ, вмѣсто продолженія списка древнихъ русскихъ памятниковъ, издалъ книгу о винодѣліи въ Крыму, а Каченовскаго—за его крайній скептицизмъ назвалъ помѣшаннымъ, продолжался до пріѣзда кіевскихъ дамъ; между ними я встрѣтилъ и одесскую—Е. И. Бларамбергъ, дочь извѣстнаго одесскаго нумизмата [1]), по части ольвійскихъ монетъ. Послѣ чая, чрезъ часъ стали расходиться. Митрополитъ, узнавъ, что я намѣренъ пробыть еще три дня, пригласилъ каждый вечеръ приходить къ нему. Разумѣется, я не позволилъ себѣ утратить даже минуты изъ дружественнаго, поучительнаго разговора маститаго іерарха. На вопросъ: „много-ли имѣется древнихъ русскихъ памятниковъ въ Кіевѣ и эпархіи?"—получилъ отвѣтъ: „Почти ничего; все письменное истреблено

[1]) Археологъ Иванъ Бларамбергъ, поселившійся въ Одессѣ въ 1806 г., былъ первымъ начальникомъ одесскаго таможеннаго округа; Новороссійскій край обязанъ ему открытіемъ многихъ памятниковъ древности.

Кн. В. Д.

преднамѣренно католиками, а зодческое перестроено на латинскій ладъ". Посовѣтовалъ заглянуть въ софійскую соборную библіотеку, гдѣ для будущей исторіи церкви русской собралъ всѣ рѣдкія уніатскія сочиненія; но въ библіотеку Печерской лавры неохотно разрѣшилъ доступъ: „ученые часто оттуда таскаютъ рукописи; недавно пропали келейныя записки св. Дмитрія Ростовскаго". Вечеромъ 15-го мая, благодушный старецъ водилъ меня къ „Золотымъ воротамъ"; пороптал на усерднаго въ изысканіи древностей К. А. Лохвицкаго, слишкомъ пускающагося въ бездоказанныя предположенія. О строителѣ новой десятинной церкви А. С. Анненковѣ, у котораго я провелъ полдня, какъ-то странно отмолчался. По случаю открытія фундамента древней десятинной церкви и въ немъ остатковъ гробницъ в. к. Владиміра I и его жены Анны, митрополитъ желалъ, чтобы правительство выстроило на древнихъ слѣдахъ новый храмъ. Размѣръ фундамента обнималъ значительную площадь. Но курскій помѣщикъ, гвардіи отставной поручикъ А. С. Анненковъ, переселившійся въ Кіевъ и купившій домъ по сосѣдству древняго фундамента, вошелъ съ прошеніемъ по начальству, что онъ, движимый усердіемъ, построитъ на свой счетъ церковь. Анненковъ сначала думалъ отдѣлаться постройкою небольшой церкви; но строительный комитетъ, состоявшій изъ митрополита, генералъ-губернатора и др., заставилъ произвесть въ бо̀льшемъ размѣрѣ, по плану архитектора Стасова, хотя и эта (нелѣпая) постройка не обхватывала древняго фундамента. При варварскомъ разрушеніи почтенной старины, Анненковъ, какъ строитель, пользовался всѣми находками. Золотые и серебряные браслеты, серьги, кольца, иконки, монеты древней работы, строитель щедро раздаривалъ, начиная отъ императрицы до каждаго полюбившагося ему знакомаго. И я получилъ отъ него, впослѣдствіи, за редакцію его нѣкоторыхъ статеекъ, нѣсколько предметовъ, переданныхъ мною потомъ въ музей одесскаго общества древностей.

Познакомился я съ М. Ѳ. Берлинскимъ, первымъ описателемъ Кіева [1]), Почтенный старикъ указалъ мнѣ на нѣкоторыя

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ" изд. 1881 г., томъ XXXII, (въ историко-біографическомъ очеркѣ професс. В. С. Иконникова), было помѣщено собраніе писемъ гр. Н. П. Румянцева къ М. Ѳ. Берлинскому. Н. М.

замѣчательныя урочища. Въ софійской же ризницѣ я замѣтилъ византійской формы крестъ и его отношу ко времени Ярослава I, не смотря на надпись, которая сдѣлана въ позднѣйшее время.

Утромъ 16 мая я простился съ митрополитомъ. Кромѣ обязательнаго пріема и радушія, добрый пастырь пригласилъ меня увѣдомлять какъ о предположенныхъ мною трудахъ, такъ и о могущихъ встрѣтиться находкахъ. Ему былъ я обязанъ подаркомъ: „Описаніемъ кіево-софійскаго собора“ и знакомствомъ съ нумизматомъ барономъ С. И. Шодуаромъ [1]), имѣвшимъ прекраснѣйшую коллекцію воспорскихъ и ольвійскихъ монетъ; вся эта коллекція впослѣдствіи куплена въ с.-петербургскій эрмитажъ.

За Кіевомъ дожди обливали меня вплоть до Смоленска. Грустно провелъ я 45 дней на родинѣ. Наслѣдство послѣ отца заключалось единственно въ книгахъ и его рукописяхъ: a) „Исторія Божественнаго откровенія“, въ двухъ частяхъ, гдѣ изложена жизнь Іисуса Христа, Сына Божія, и его апостоловъ, историческимъ и хронологическимъ порядкомъ расположенная, съ различными замѣчаніями на мѣста, неудобопонятныя въ евангеліи, b) „Псалтирь или книга хваленій“, переложенная по русски, c) „Житія апостоловъ Петра и Павла“, d) „Краткое историческое изслѣдованіе о чудотворной иконѣ Пр. Богородицы Одигитріи, называемой Смоленскою“, e) „Списокъ изобрѣтателямъ“, неконченный, и f) аттестатъ.

Что же касается прочаго имущества, то въ предсмертномъ письмѣ, посланномъ за 14 дней до смерти, отецъ такъ выразился: „Николай! ежели я умру, не видавшись (съ тобою), скажи прочимъ, что я, съ (18)26 года переставши вамъ помогать, самъ нужду терпѣлъ, а для васъ положилъ сколько могъ въ Смоленское общественное призрѣніе и получилъ разныхъ 10 билетовъ. По смерти, когда соберетесь, возьмите“. Пять тысячъ рублей асс. поровну было раздѣлено между сестрою и 4 братьями.

---

[1]) Баронъ Станиславъ де-Шодуаръ,—авторъ сочиненій „Обозрѣніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ, съ рисунками и таблицами“. Перев. съ франц. В. А. Спб. 1841 г., 2 т. и атласъ in 8. „Recueil de monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée, d'Annam et de Java au nombre de plus de mille, precédé d'une introduction historique sur ces monnaies, S. Petersbourg. F. Belisard, 1842, in fol., avec 60 pl. Кн. В. Д.

Изъ книгъ часть я взялъ съ собою въ подарокъ М. М. Кирьякову для предполагаемой имъ Новороссійской библіотеки, нѣчто взялъ братъ Иванъ, остальныя, до тысячи томовъ, я поручилъ передать въ основаніе Смоленской городской публичной библіотеки; книги юридическаго содержанія передалъ въ училище дѣтей канцелярскихъ служителей. Одно обстоятельство меня порадовало: это разсказъ о томъ, какъ пол-города провожало покойнаго отца моего на Окопское кладбище и какъ, по отшествіи его въ міръ лучшій, воздали должное уваженіе его дѣламъ и характеру прямому.

Вспомнивъ свое дѣтство, съ новымъ удовольствіемъ обозрѣлъ всѣ историческія церкви и урочища. Въ этомъ году предполагалось дѣлать смоленское шоссе, кажется, на Рославль. Городскіе мѣщане бросились ломать все, что только было древнее: разобраны фундаменты древнихъ церквей въ Чернушкахъ, Садкахъ, наконецъ, добрались до слѣдовъ Смядыня монастыря, при пересохшемъ ручейкѣ Смядынѣ, мѣстѣ убіенія князя Глѣба (въ 1119 г.). Нашли бѣлокаменный гробъ, который, по всѣмъ современнымъ историческимъ указаніямъ лѣтописцевъ, приходился гробницею смоленскаго „благовластнаго князя Давида Ростиславича“ († 1197 г.). Чтобы старину эту не разбили, я упросилъ губернатора Хмѣльницкаго сберечь; поэтъ и комикъ гробницу велѣлъ отвезть въ пожарное депо, гдѣ она послужила кажется, яслями для коней. Михайловскую или Свирскую церковь я чаще прочихъ посѣщалъ. Невѣжественный мѣстный архіерей и приходскій священникъ къ этой неприкосновенной почти 700 лѣтней старинѣ придумали сдѣлать нелѣпую пристройку для теплой церкви. Архіереемъ здѣсь былъ, только что переведенный изъ Новгорода, старый мой учитель и дядька Трофимъ Тимоѳеевичъ Кетлеревъ, въ монашествѣ Тимоѳей. Греческая грамматика, которой онъ меня обучалъ, ему какъ-то не далась: на первыхъ дняхъ своего епископства онъ добродушно подписывался „Тимофей“ вмѣсто „ѳ“. По его просьбѣ я сдѣлалъ коротенькое описаніе всѣхъ старинныхъ церквей, съ прибавленіемъ описанія городскихъ стѣнъ. Статейка эта была напечатана въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, на 1835 годъ, книга VIII. За статейку, кромѣ благодарности министерства, получилъ и гонорарій.

Іюль мѣсяцъ прожилъ въ Москвѣ. Кромѣ совѣта съ меди-

ками о здоровьѣ, цѣлію было, обозрѣвъ хорошо всѣ московскія древности, сдѣлать, по примѣру „Кеппенова сборника русскихъ памятниковъ“, „указатель всероссійскихъ древностей“. Случай меня свелъ съ молодымъ человѣкомъ, прекраснымъ рисовщикомъ и любителемъ старины, Е. О. Шуховымъ, сыномъ извѣстнаго московскаго продавца различныхъ изящныхъ предметовъ. Шуховъ познакомилъ меня съ академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, въ это время занимавшимся реставрировкою царскихъ теремовъ въ Кремлѣ.

Московскіе монастыри мною были внимательно осмотрѣны. Ко времени выѣзда изъ Москвы я имѣлъ въ портфелѣ десятки прекрасныхъ рисунковъ, съ написанными къ нимъ пояснительными текстами.

До Смоленска мочили дожди; отъ Москвы до Ковалевки душили жары и буквально удушающая пыль. Грудь моя снова разстроилась, кровь появлялась чаще. Путь мой до Одессы освѣщался заревомъ пожаровъ въ самой Москвѣ, Тулѣ, Орлѣ, Кременчугѣ и, наконецъ, въ Елисаветградѣ. Несчастный этотъ городъ я видѣлъ уже догорающимъ. Двѣ недѣли въ живописной Ковалевкѣ, прекрасное время и дружба товарища поправили меня. Явясь къ начальству, я сперва былъ обласканъ, но когда рѣшительно объявилъ, что не могу быть надзирателемъ, то Покровскій наотрѣзъ сказалъ, что не уволитъ. Но видно моя наружность была краснорѣчивѣе словъ, и я по нѣкоторомъ времени былъ избавленъ отъ „египетской работы“. Казенная квартира осталась за мною, окладъ жалованья только 700 руб. асс. Досужее время послѣ уроковъ я употребилъ на составленіе описанія собственнаго собранія монетъ. Въ угоду Покровскому, почитателю латыни, описаніе монетъ я напечаталъ на ней: Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum qui inveniuntur in museo N. Murzakewicz“.

Разосланная даже за границу, о чемъ настаивалъ Михаилъ Михаиловичъ Кирьяковъ, брошюра эта доставила мнѣ отъ своего министерства похвалу, а въ Римѣ академіи: Тиберійская и Аркадская сопричислили меня въ свои члены. Не такъ поступила наша академія наукъ. На переданный экземпляръ на ея обсужденіе, академія, руководительница и поощрительница знаній, не удостоила меня даже словомъ. Въ это время представитель археологіи и нумизматики, академикъ Келеръ, уже обрѣтался

въ дѣйствительномъ умопомѣшательствѣ. Не даромъ И. П. Бларамбергъ, авторъ описанія монетъ, часто удачный острякъ, Келера называлъ „М-г Colère“ и „конфузіоннымъ совѣтникомъ“. Хроника скандалезная разносила одно время слухи, что консерваторъ эрмитажнаго минцъ-кабинета Кёлеръ обличался въ присвоеніи эрмитажныхъ монетъ. Академическое заблужденіе ума и воли нарекли сумасшествіемъ.

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XIII [1]).

Рожденіе сына у М. М. Кирьякова.—Поѣздка Николая Никифоровича въ Москву.—Вновь основанный уѣздный городъ Бобринецъ.—Новое свиданіе съ митрополитомъ Евгеніемъ; его сѣтованія объ уничтоженіи древностей Кіева.—Открытіе Кіевскаго университета (1835 г.).—Предложеніе попечителя Е. Ѳ. Брадке Николаю Никифоровичу Мурзакевичу занять мѣсто старшаго учителя гимназіи и хранителя университетскаго минц-кабинета.—Встрѣча въ Батуринѣ съ харьковскимъ попечителемъ А. А. Перовскимъ.—Москва.—М. Т. Каченовскій и его отношенія къ современнымъ ученымъ.—Древности Оружейной палаты.—Знакомство съ московскимъ попечителемъ гр. С. Г. Строгановымъ и съ А. Д. Чертковымъ; Е. Шуховъ, Ѳ. Г. Солнцевъ, И. М. Снегиревъ, Н. П. Полевой и М. П. Погодинъ.

Зиму провелъ я, болѣе чѣмъ когда-либо, нездорово. Домашняя радость, лѣтомъ этого года, была о рожденіи у Михаила Михаиловича Кирьякова сына, названнаго также Михаиломъ. Довольно было между нами толковъ о воспитаніи новорожденнаго; мечтали уже какое дать образованіе; взаимно отстаивали свои мнѣнія чуть не до гнѣва. Но непредвидѣнная смерть отца все измѣнила. Сынъ пошелъ не по университетскому поприщу, и уланскій мундиръ соблазнилъ неопытнаго юношу. Богъ тому судья, кто совратилъ съ пути „единаго отъ сихъ малыхъ!“

Ожидаемаго новаго лицейскаго устава и въ 1835 году не

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666.

являлось. Обширнѣйшій проектъ Покровскаго, педантически-утомительно составленный, въ министерствѣ не имѣлъ значенія. Тамъ готовился свой. Неизвѣстность моего положенія, наконецъ, стала утомлять; но внутренній голосъ говорилъ: „терпѣлъ больше, потерпи еще немного!“ Съ успокоенною мыслію и новымъ жаромъ я принялся за „Сборникъ русскихъ древностей“. Пользуясь вакаціею, пустился въ Москву. Дорога моя шла опять на Кіевъ. За станцію, не доѣзжая Елизаветграда, я видѣлъ какъ село Сугаклей, новопроизведенное въ уѣздный городъ Бобринецъ, обводилось межевою чертою. Точно Римъ обозначался рвами, съ тѣмъ различіемъ, что Римъ разросся, а Бобринецъ чахнетъ и доселѣ. И все это по прихоти графа Витта, пожелавшаго обратить Елизаветградъ въ военный городъ.

Радостно встрѣтилъ меня митрополитъ; до мелочи разсмотрѣлъ часть моихъ работъ, одобрилъ и сообщилъ мнѣ нѣсколько рисунковъ кіевскихъ древностей. Каждый день, отъ 5 до 9 часа, бесѣда наша шла о любимыхъ древностяхъ. И въ этотъ разъ старецъ сѣтовалъ на уничтоженіе историческихъ слѣдовъ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Левашовъ, въ видахъ улучшенія города, вѣками построеннаго не по плану, для выпрямленія улицъ коснулся тѣхъ древнихъ земляныхъ валовъ, которые, въ нашествіе Батыево, нѣкоторое время защищали такъ называемый Старый Кіевъ съ княжьими теремами и Десятинной церковью. Остановить вандализма митрополитъ не могъ; планъ улицъ былъ конфирмованъ императоромъ; знай онъ, что сглаживается почтенная старина, никогда-бы не утвердилъ представленной нелѣпости. Смоленскія стѣны, безразсудно разрушаемыя барономъ Ашемъ, какъ выше я сказалъ, были спасены отъ дальнѣйшаго разбиранія единственно по ходатайству Николая. Бывъ въ Смоленскѣ въ 1816 г., еще великимъ княземъ, его высочество тогда-же остановилъ безразсудное разрушеніе. 15-го іюля присутствовалъ я при открытіи кіевскаго университета. Празднество прошло слишкомъ скромно и малолюдно. На актѣ митрополитъ представилъ меня кіевскому попечителю Е. Ѳ. Брадке. На слѣдующій день я былъ у него; по подачѣ экземпляра Descriptio nummorum, Брадке предложилъ: не пожелаю-ли я остаться въ Кіевѣ и принять мѣсто старшаго учителя въ гимназіи и хранителя университетскаго минцъ-кабинета. Я, поблагодаривъ за доброе расположеніе, упро-

силъ дать мнѣ время на размышленіе и на объясненіе съ теперешнимъ моимъ начальствомъ.

Проживя въ Кіевѣ недѣлю, обошелъ всѣ его закоулки; затѣмъ чрезъ Батуринъ пустился въ Москву. На Батуринской станціи, въ ожиданіи (съ вечера до утра) лошадей, я разговорился съ какимъ-то помѣщикомъ, также ожидавшимъ лошадей. Разговоръ нашъ склонился на учебное вѣдомство. Воззрѣнія наши на обязанности учителей и ихъ начальства рѣзко не сходились. Не смотря на все это, проѣзжающій разстался со мною благосклонно. На спросъ у смотрителя: кто этотъ проѣзжій?—А. А. Перовскій, прежній харьковскій попечитель (онъ-же впослѣдствіи авторъ „Монастырки“).

По пріѣздѣ въ Москву, я прежде всего явился къ М. Т. Каченовскому, изъ профессоровъ мною болѣе любимому. Въ дальней части города, въ деревянномъ домикѣ, по обычаю московскому, съ мезониномъ (чердакомъ), уединенно жилъ одинъ изъ лучшихъ университетскихъ профессоровъ. Журнальныя шайки разныхъ цвѣтовъ бросали въ Каченовскаго всякою всячиною, начиная съ эпиграммъ Пушкина, Вяземскаго и до грубостей Н. А. Полеваго и М. П. Погодина. Всему виною было несходство взглядовъ на литературу и на исторію. Полевой писалъ мечтательную „исторію русскаго народа“ на тему Нибура; Погодинъ, желая доказать тождество варяговъ съ норманнами и древность дошедшихъ до насъ русскихъ лѣтописей Нестора, по словамъ остряка Снегирева, при доказательствахъ не токмо божился, но и крестился, говоря, что „ей-Богу, Несторъ былъ, писалъ и мощи его лежатъ въ Кіевѣ, въ Печерахъ“. Къ сожалѣнію, часть всего этого подтвердилъ и Каченовскій. Онъ-же сообщилъ мнѣ, что его скептицизмъ, т. е. не бездоказательное непризнаніе древними тѣхъ предметовъ, которые въ дѣйствительности не суть такіе, московскій недалекій и плохой антикварій А. Ѳ. Малиновскій, начальникъ московскаго государственнаго архива и, кажется, оружейной палаты, заявилъ его антипатріотическимъ; это по поводу такъ называемыхъ „Мономаховыхъ бармъ и скиптра“, которые, можетъ, были въ свое время древними, но послѣ вновь передѣланы, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Разсказалъ тоже о шутливой брошюрѣ, напечатанной студентомъ, кажется, Аксаковымъ, подъ именемъ: „Изслѣдо-

ваніе о царѣ Горохѣ", отчасти подтрунивавшей надъ методомъ доказательствъ профессорскихъ: его—Каченовскаго, Давыдова и друг. [1]). Въ домашнемъ быту, въ любимомъ чердачкѣ, въ старыхъ—халатѣ и креслахъ, чуть не по шею заваленный книгами, журналами и брошюрами, Каченовскій былъ не тотъ суровый, недовѣрчивый профессоръ, но образецъ простодушной наивности, юмора и удивительной начитанности, передаваемой, впрочемъ, безъ тяжелаго педантизма. Начатый трудъ мой М. Т. одобрилъ, но не предсказалъ успѣшнаго окончанія по многимъ причинамъ; а между прочимъ и по той, что всѣ наши историческіе памятники любителямъ и изслѣдователямъ ихъ недоступны, начиная съ оружейной палаты, Троице-Сергіевой Лавры и каждаго монастыря, до послѣдней церкви. Корысть наложила на двери замки, чтобъ даромъ не смотрѣли; невѣжество-же—запрятало, чтобъ не тревожили сладкаго покоя синекюристовъ. Слова Каченовскаго оправдались на дѣлѣ. Въ оружейную палату я могъ пробраться, только благодаря своей настойчивости, также и въ ризницу патріаршую. Но у Троице-Сергіевой Лавры не отдѣлался отъ „легкаго поминка" отцу ризничему. Въ оружейной палатѣ я открылъ годъ дѣланія скипетра, приписываемаго Мономаху, но въ дѣйствительности принадлежащаго царю Михаилу Ѳеодоровичу, такъ-же точно, какъ и бармы и прочіе вѣнцы царствъ—астраханскаго, казанскаго и сибирскаго. Не упомню, который вѣнецъ изъ двухъ послѣднихъ имѣлъ на своемъ верху крестъ. Да, крестъ! — Въ подлинности Мономаховой шапки по тонкой филиграновой работѣ я и тогда не сомнѣвался, а теперь, видѣвши такъ много въ Европѣ древне-византійскихъ издѣлій, положительно древность ея утверждаю.

По случаю переданной Каченовскимъ брошюры „Descriptio" попечителю московскаго университета графу С. Г. Строгонову, этотъ недоступный богатый нумизматъ пожелалъ со мною познакомиться. Квартиры его и моя находились недалеко, на Дмитровкѣ, и посему, послѣ перваго свиданія, кончившагося горячимъ споромъ о монетѣ, признаваемой графомъ подлинною, а мною

[1]) Изслѣдованіе о царѣ Горохѣ см. въ „Русской Старинѣ" изд. 1878 г. томъ XXII, стр. 347—368; томъ XXIII, стр. 161. Авторомъ этой шутки-сатиры былъ не Аксаковъ, а Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ, впослѣдствіи сенаторъ. Ред.

сомнительною, посѣщенія мои къ нему сдѣлались частыми. У него перваго я увидѣлъ богатое собраніе русскихъ монетъ. Затѣмъ, чрезъ посредство М. П. Погодина, познакомился съ Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ. Такого радушія, какъ у этого благороднаго барина, готовности служить совѣтами, библіотекою я никогда болѣе не встрѣчалъ. Домъ его, кабинетъ, онъ самъ въ сюртукѣ съ накидкою по нему халата, разбросанныя статуетки, книги, книжки, книжечки по столамъ, стульямъ,— со мною какъ бы сроднились. Нигдѣ такъ пріятно и полезно не проводилъ я времени, какъ въ гостепріимномъ домѣ Черткова. Коллекція русскихъ монетъ Черткова мнѣ показалась единственною. Одно возмущало меня—это постоянное появленіе множества денежекъ, приписываемыхъ удѣльнымъ княжествамъ. Чертковъ и графъ Строгановъ на перебой покупали новоявленныя монеты, платя за нихъ большія деньги. Егоръ Шуховъ, о которомъ говорилъ выше, былъ въ это время неотлучнымъ моимъ спутникомъ по монастырямъ, церквамъ и окрестностямъ. Этотъ страстный любитель старины имѣлъ даръ рисовкою великолѣпно переводить на бумагу причудливѣйшія затѣи памятниковъ. Что же касается до рисовки монетъ, то, по моему мнѣнію, ему въ то время не было равнаго. Съ нѣкотораго времени Шуховъ сталъ показывать разные мѣдные древніе пулы (отъ слова фульсъ— мѣдная монета) всяческихъ мелкихъ русскихъ княжествъ. Я сначала дивился ихъ рѣдкости и ихъ продажной высокой цѣнѣ; но когда Шуховъ показалъ только что откуда-то полученный пулъ смоленскій, то очарованіе мое исчезло. На монеткѣ, преискусно сдѣланной, увидѣлъ пушку съ лафетомъ! Не говоря о томъ, что никогда и нигдѣ до сего не открывались смоленскія деньги, „пушка съ лафетомъ“ обличала грубую поддѣлку. Извѣстно, что у удѣльныхъ князей гербовъ не бывало. Первая „печать княжества смоленскаго“ является такою: княжій вѣнецъ на креслѣ съ подножіемъ. По взятіи Смоленска Сигизмундомъ III (посредствомъ измѣны обывателя этого города Семена Дедешина), въ въ 1611 году, гербъ Смоленска установленъ такой: Архангелъ Михаилъ съ мечемъ въ рукѣ, попирающій ногами діавола. По отобраніи Смоленска у поляковъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что было въ 1655 г., установлена печатью княжества пушка на лафетѣ; гораздо послѣ прибавлена сидящая на ней

райская птица. Вотъ какое разстояніе пушки съ лафетомъ—изобрѣтенія XVII вѣка—отъ вѣковъ XII и XIII, когда обращались ганзейскія артуги и т. п. Оказалось, что изобрѣтателемъ почти многихъ удѣльныхъ пулъ и отчасти восточныхъ монетъ былъ Егоръ Осиповичъ Шуховъ съ компаніею. Правда, что онъ мнѣ положительно не сознался въ своихъ мистификаціяхъ, но никогда и не оспаривалъ подозрѣній, постоянно ему высказываемыхъ.

Ѳ. Г. Солнцевъ искусствомъ рисовать русскую старину достигъ званія академика,—члена академіи художествъ, почестей и денегъ [1]); но Шуховъ, если бы только не упрямство его отца, закоренѣлаго старообрядца, державшаго сына при себѣ неотлучно, когда бы поступилъ ученикомъ въ академію художествъ, положительно говорю, превзошолъ бы Солнцева. При вѣрности глаза, быстрота Шухова въ работѣ была изумительная.

Пріятны были для меня знакомства съ И. М. Снегиревымъ и Н. А. Полевымъ. Первый мнѣ показался—Демокритомъ, другой—Гераклитомъ. Послѣдній былъ въ правѣ слезно смотрѣть на ученый тогдашній русскій міръ. Бѣдный Полевой и въ нуждѣ, послѣ прекращенія „Московскаго телеграфа“, не отказывался отъ своихъ взглядовъ. Крайность матеріальная, наконецъ, сломила и его: Полевой пустился въ водевили и прочее сему подобное. Иванъ Михайловичъ, отстраненный въ это время отъ профессорской кафедры латинской литературы, до того мило и забавно описывалъ своихъ преслѣдователей, — первымъ изъ нихъ Надеждина, что, дѣйствительно, можно было бы хохотать, если бы, въ то же время, не было грустно. Отъ остраго слова не уходилъ и его добрый сосѣдъ по мѣсту жительства у Троицы на прудахъ, — митрополитъ московскій Филаретъ. Этотъ строгій монахъ не любилъ тучныхъ священниковъ и архимандритовъ, которыми въ то время сильно обиловала Москва; такихъ сухой пастырь удалялъ съ своихъ глазъ. Снегиревъ по этому поводу говорилъ: „Нашъ высокопреосвященный митрополитъ великій постникъ: онъ разъ въ сутки съѣстъ два пискарика, да попикомъ закуситъ“. Погодина не иначе звалъ, какъ Мишка-разбойникъ, послѣдователь варяговъ-ворюговъ! хотя самъ принадлежалъ къ воря(ю)гамъ,

---

[1]) Записки профессора археолог. живописи Ѳедора Григорьевича Солнцева напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1876 г., томы XV и XVI.

задержавъ у себя изъ моего портфеля нѣсколько рисунковъ. Богатое собраніе (сдѣланное Снегиревымъ) Ростопчинскихъ (въ 1812 г.) афишъ и старинныхъ русскихъ лубочныхъ картинъ съ притчами—въ это время въ Россіи было чуть не единственное.

XIV.

А. Ѳ. Панагіодоръ-Никовулосъ и А. Я. Фабръ.—И. П. Бларамбергъ и И. Л. Стемпковскій.

Въ этомъ же году скрѣпилось мое знакомство съ истиннымъ антикваріемъ — Александромъ Ѳедоровичемъ Панагіодоръ-Никовулосомъ и правителемъ канцеляріи графа М. С. Воронцова—А. Я. Фабромъ. Замѣчательна личность перваго.

Никовулъ былъ сыномъ фанаріота, состоявшаго сначала при дворѣ прусскаго короля Фридриха II, въ качествѣ политическаго драгомана при Портѣ, а послѣ перешедшаго на русскую службу, въ штатъ князя Потемкина-Таврическаго. Александръ Ѳедоровичъ, пользуясь „случаемъ“ отца, уважаемаго свѣтлѣйшимъ, съ дѣтства былъ записанъ въ армію офицеромъ и 17 лѣтъ уже числился маіоромъ драгунскаго полка. Со смертію Потемкина кончилась номинальная служба молодаго человѣка, изучавшаго науки. Императоръ Павелъ всѣхъ не явившихся въ срокъ на службу исключалъ. Въ числѣ ихъ былъ и нашъ юный маіоръ, на нѣкоторое время причислившійся къ русскому посольству въ Константинополѣ, при посланникѣ Кочубеѣ. Устройство домашнихъ дѣлъ заставило Никовула, съ двумя сестрами, переселиться въ Россію, гдѣ его отцу было пожаловано 10,000 десятинъ земли на р. Бугѣ, въ Херсонской губерніи. Большую часть своего времени Никовулъ провелъ въ Крыму, въ имѣніи генерала Бороздина, имѣвшаго въ домѣ богатую ученую библіотеку. На досугѣ Никовулъ сталъ изучать греческихъ историковъ, и при знаніи языковъ латинскаго, арабскаго и турецкаго, окруженный классическою мѣстностью, какова вся Таврида, изъ драгунскаго маіора выработался начитанный антикварій. Счастливая память ему служила почти до его смерти.

Переселясь въ Одессу, въ собственный домъ, неподалеку греческой Троицкой церкви, не занятый общественными и даже домашними дѣлами, предоставя это на заботу сестеръ, Никовулъ сдѣлался археологическимъ магазиномъ, ментором новороссійскихъ антикваріевъ И. П. Бларамберга, И. А. Стемпковскаго [1]). Оба сіи трудолюбивые антикваріи не знали ни греческаго, ни латинскаго языка; на французскіе же переводы классиковъ не полагались, и потому всегда за указаніями источниковъ обращались къ Никовулу, который съ безпримѣрными для грека безкорыстіемъ и скромностью охотно сообщалъ просимое; Стемпковскій, впрочемъ, отъ него скоро отсталъ, по случаю горячихъ замѣчаній, сдѣланныхъ на его сочиненіе: „Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго, между Тирасомъ и Борисѳеномъ. Спб. 1826 г.“; но Бларамбергъ до смерти своей остался послушнымъ ему, какъ онъ самъ писалъ въ своихъ запискахъ.

Съ этимъ оригиналомъ по физіономіи и по одеждѣ, несообразжаемой ни съ модою, ни съ временами года, я познакомился у одесскаго жителя Варлама. Знакомство наше съ Никовуломъ скоро обратилось въ пріязнь и дружбу. Нумизматика мало занимала Панагіодора; но за то древняя исторія всего его поглощала. Онъ жилъ въ древнемъ мірѣ и о какомъ-либо Фарнакѣ или Спартакѣ говорилъ съ такими подробностями, какъ будто это были вчерашніе знакомые. Не забуду обѣда у Варлама, когда нѣкто князь Суццо, поверхностно знакомый съ эллинскою литературою, и подъ вліяніемъ новыхъ журнальныхъ мнѣній, позволилъ себѣ доказывать, что Омира въ дѣйствительности не существовало, а что это есть лицо собирательное. Можно себѣ представить огорченіе Панагіодора, почитателя Омира, знавшаго его Иліаду и Одиссею наизусть, и какъ это огорченіе постепенно перешло въ гнѣвъ и ярость. Панагіодоръ настоятельно вызывалъ невоинственнаго Суццо на дуэль. Много потребовалось увѣщаній, чтобы успокоить разогорченнаго старца. При участіи Никовула, я прочелъ Діома Хрисостома и всѣ Эллин-

---

[1]) Иванъ Стемпковскій, служившій адъютантомъ у герцога Ришелье, умеръ въ должности Керчь-Еникольскаго градоначальника.

Кн. В. Д.

скія Ольвійскія надписи, въ это время извѣстныя. Ему я признателенъ за многіе совѣты и указанія. До послѣднихъ минутъ его жизни я былъ его собесѣдникомъ. Біографія этого „невиннаго старца“ помѣщена въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей.

Личность другаго—А. Я. Фабра—примѣчательна въ иномъ отношеніи. Получившій начальное хорошее образованіе, отъ неизвѣстнаго намъ отца, Фаврь, какъ правитель канцеляріи, былъ примѣрнымъ по дѣятельности, молчаливости и исполнительности. Не бывъ лакомымъ на взятки, Фаврь отличался неописанною любостяжательною скупостью. Скупость его сдѣлалась притчею. Въ 1833 г., по случаю отправленія вспомогательныхъ войскъ въ Турцію, имѣлась надобность въ помѣщеніи пороха. Озабоченный графъ Воронцовъ на спросъ у окружающихъ: „гдѣ бы безопаснѣе помѣстить порохъ?“ получилъ отвѣтъ отъ А. А. Нарышкина, любителя острот: „на кухнѣ Фабра“. Въ спискѣ чиновниковъ, нуждающихся въ пособіи, онъ не совѣстился поставлять себя первымъ. Свободные часы, запершись, проводилъ въ процентныхъ разсчетахъ на капиталы, помѣщенные въ кредитныхъ установленіяхъ. Капиталы его по смерти оказались до 250,000 рублей серебр., не считая земель и угодій въ Крыму. Желая заявить предъ графомъ Воронцовымъ нѣкоторое свое образованіе, Фаврь, придя ко мнѣ на квартиру въ лицеѣ, попросилъ принять участіе въ пересмотрѣ давно сдѣланнаго имъ съ французскаго перевода: „Арріанова Перипла Понта Евксинскаго“. Намѣреніе его было напечатать и посвятить книжку графу Воронцову. Разумѣется, переводъ былъ передѣланъ вновь, сообразно съ греческимъ подлинникомъ, снабженъ пояснительными примѣчаніями и географическою картою. Такимъ путемъ началось наше знакомство и продолжалось до смерти оригинала, завѣщавшаго все свое имущество на учрежденіе въ Симферополѣ первоначальной школы для мальчиковъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Фаврь издерживалъ отъ 13 до 14 р. 25 к. въ мѣсяцъ. Какъ начальникъ, онъ былъ не злопамятенъ, щедръ на обѣщанія и скупъ на всякую помощь.

Осень и зиму этого года я провелъ довольно разсѣянно; причиною было увлеченіе прекрасною Г. К. Дм. Д. Благожелательный другъ мой заговаривалъ о женитьбѣ, чего ни служебное, ни

денежное мое положеніе не дозволяли. Быть же управителемъ имѣнія своей жены я не находилъ удобнымъ. „Останешься бобылемъ, Мурза!“ сказалъ Кирьяковъ. „Чему быть—того не миновать“, отвѣчалъ я.

XV.

Ученыя работы Николая Никифоровича, относящіяся къ исторіи Новороссійскаго края (1836 г.).—Поѣздка въ Крымъ.—Встрѣча съ преосвящ. Иннокентіемъ и М. А. Максимовичемъ.—Посѣщеніе гр. М. С. Воронцова.—Характеристика графа.—Его библіотека.—Сдѣланная въ ней Николаемъ Никифоровичемъ находка неизвѣстныхъ дотолѣ „Псковской Судной граматы“ и „подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича“.—Особенная заботливость графа Воронцова о сохраненіи находящихся въ его библіотекѣ историческихъ памятниковъ.

Наступившій 1836 годъ засталъ меня за подготовкою матеріаловъ для исторіи Новороссійскаго края, которую я думалъ изложить въ легонькихъ газетныхъ статейкахъ. Такимъ порядкомъ мною были помѣщены въ Одесскомъ Вѣстникѣ (газетѣ, учрежденной въ 182... г. графомъ Воронцовымъ): 1) О заселеніи Новороссійскаго края, № 1; 2) Краткая исторія древняго города Херсона, № 3—4; 3) Еще о заселеніи Новороссійскаго края, № 15—16; 4) О чеканеніи монеты въ Крыму, № 30; 5) Археологическое извѣстіе о надписи, отысканной вблизи Очакова, № 42; 6) О присоединеніи къ Россіи Очаковской земли, № 43. Въ одно со мною время сталъ исключительно заниматься исторіею Новороссійскаго края А. А. Скальковскій. Кирьяковъ вмѣстѣ со мною рекомендовалъ его вниманію Фабра, а этотъ представилъ составленный имъ планъ ученаго путешествія по архивамъ Новороссійскаго края для собранія историческихъ матеріаловъ графу М. С. Воронцову. Просвѣщеннѣйшій вельможа своего времени не только благосклонно принялъ проектъ Скальковскаго, но и снабдилъ всѣми пособіями: рекомендаціями мѣстнымъ начальствамъ и деньгами. Увидѣвъ, что замышленное нами не говорится на словахъ, но начинаетъ исполняться на дѣлѣ, и передавъ Скальковскому все, что было въ моихъ рукахъ, я направилъ досужее свое время на другой путь. Въ вакаціонное время я вознамѣрился посѣтить Крымъ. Начальный путь мой

на дурномъ пароходѣ „Наслѣдникъ“, сопровождаемый морскою зыбью, ознаменовался сильною морскою болѣзнью до такой степени, что я было далъ себѣ обѣщаніе никогда по морю не плавать; но новость предметовъ, горы, которыхъ я до сего не видѣлъ, и, наконецъ, разнообразіе великолѣпной крымской природы уничтожили сдѣланное обѣщаніе. Начавъ путь свой съ Евпаторіи, я продолжилъ его чрезъ Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Южный берегъ, Ѳеодосію до Керчи. Видѣнное и замѣченное по пути я напечаталъ въ слѣдующемъ (1837 г.), подъ заглавіемъ „Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году“, въ журналѣ нашего министерства, въ книгѣ XIII, стр. 625—691.

Въ Бахчисараѣ я возобновилъ знакомство, начатое въ Кіевѣ, съ ректоромъ кіевской духовной академіи — архимандритомъ Иннокентіемъ, авторомъ „Страстной седмицы“. А въ Ялтѣ снова съѣхался съ М. А. Максимовичемъ, въ это время ректоромъ кіевскаго университета. Въ Ялтѣ же, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, былъ представленъ таврическимъ губернаторомъ А. И. Казначеевымъ только-что пріѣхавшему изъ Одессы графу М. С. Воронцову. Встрѣча татарами графа была радостная и непринужденная; замѣтно, что они чувствовали и понимали ту защиту, которую имъ оказывалъ графъ противъ высасывающаго ихъ плоть и кровь земскаго и уѣзднаго начальства. Осмотрѣвъ внимательно южный берегъ и въ особенности Керчь съ ея безчисленными курганами, разрываемыми въ это время самымъ нелѣпымъ образомъ самозванными археологами Ашикомъ и Карейшею, я возвратился оконечностями берега, начавъ отъ Ѳеодосіи и Судака до самой Алушты. Здѣсь съ Иннокентіемъ [1]) и Максимовичемъ [2]) былъ условленъ нашъ съѣздъ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ обозрѣть собственно, такъ называемый, „Южный берегъ“, начинающійся отъ Алушты и кончающійся Байдарскими Воротами. Но различныя цѣли наши разстроили всѣ предположенія; посему я одинъ направился на Байдары. Въ проѣздъ мимо

---

[1]) Иннокентій (Борисовъ), впослѣдствіи епископъ чигиринскій, а позже архіепископъ херсонскій и таврическій, — извѣстный духовный ораторъ.

[2]) Мих. Александр. Максимовичъ—ректоръ и профессоръ университ. св. Владиміра, ботаникъ, литераторъ и собиратель южно-русскихъ пѣсенъ.
Кн. В. Д.

Алупки, чрезъ посредство сопутствовавшаго мнѣ почтъ-инспектора П. Д. Крупеникова, я получилъ приглашеніе графа Воронцова придти къ нему. Но одежда моя отъ пути и лазанья по руинамъ была въ такомъ состояніи, что я не рѣшился въ ней явиться и потому просилъ извиненія чрезъ посланнаго ко мнѣ чиновника Фацарди. Повторенное приглашеніе я долженъ былъ исполнить. Въ поношенныхъ сапогахъ, въ истертомъ сюртукѣ и проч. я предсталъ въ старомъ алупкинскомъ домѣ въ блистательное общество. Не смотря на это, встрѣча хозяина отличалась такимъ радушіемъ и благосклонностью, что на меня было обращено общее вниманіе. Я былъ представленъ графинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ, Ол. Ст. Нарышкиной и графу Ив. Ос. Витту. Цѣлый часъ графъ Воронцовъ провелъ со мною въ разспросахъ: гдѣ былъ и что видѣлъ? Тутъ я доложилъ графу, что слѣдуетъ не только списать и перевести по русски всѣ находящіяся въ Бахчисараѣ ханскія надгробныя надписи, но и издать ихъ. Графъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ какъ это предложеніе, такъ и другія, касавшіяся мѣръ сохраненія мѣстныхъ памятниковъ. Тогда же было поручено списаніе бахчисарайскихъ надписей состоявшему при графѣ переводчику восточныхъ языковъ А. А. Борзенко. Вечеромъ, еще часа полтора, графъ почтилъ меня своимъ разговоромъ. Здѣсь я узналъ рѣдкое качество графа Воронцова: сколько нибудь полезнымъ людямъ не надлежало искать покровителей для представленія ему; онъ самъ ихъ отыскивалъ, сближался съ ними и затѣмъ неизмѣнно оставался одинаково расположеннымъ къ нимъ. Въ послѣдующей моей жизни обстоятельства сближали меня со многими „сильными міра сего“, у которыхъ я всегда встрѣчалъ вниманіе и почетъ; но я никогда ни въ комъ не находилъ той душевной простоты, соединенной съ теплотою сердца, какою былъ одаренъ графъ Михаилъ Семеновичъ. Такимъ для меня онъ оставался по день его кончины.

Когда зимою графъ возвратился въ Одессу, то на другой же день послалъ за мною. Снова завелъ онъ рѣчь о Крымѣ и его древностяхъ и отъ нихъ перешелъ къ древностямъ кавказскимъ. Смѣшнымъ себя показалъ профессоръ Нордманъ: вмѣшавшись въ разговоръ, расхвастался о поѣздкѣ, сдѣланной имъ въ 1833 году съ ботаническою цѣлію по восточному берегу Чернаго моря, и, войдя въ жаръ отъ опасностей (мнимыхъ), имъ встрѣченныхъ,

разболтался до того, что будто бы онъ въ Илори или Драндахъ видѣлъ церковь, существующую уже „двѣ тысячи лѣтъ“. Графъ, улыбнувшись, замѣтилъ: „значитъ до Р. Х.?“, — прекратилъ съ нимъ разговоръ.

6 декабря (1836 г.), на блистательномъ балѣ, которымъ открывались зимнія увеселенія, графъ почти два часа имѣлъ разговоръ со мною объ архитектурѣ древнихъ церквей. Послѣ этого графъ почти еженедѣльно за чѣмъ либо сталъ приглашать меня къ себѣ по утрамъ въ кабинетъ, независимо отъ обѣдовъ и вечеровъ. Чтобы болѣе не возвращаться къ графу, скажу здѣсь все, что о немъ знаю.

Изъ частыхъ сношеній съ графомъ М. С. Воронцовымъ я примѣтилъ въ характерѣ его врожденную доброту, доходившую иногда до слабости. Ею-то пользовались наглецы и нахалы, какими были: П. Я. Марини (побочный сынъ князя В. П. Кочубея), О. Рено, А. Ашикъ, Э. С. Андреевскій (домашній докторъ съ 183... года) и др. Они выканючивали себѣ деньги, чины и кресты, такъ сказать, за „здорово живешь“. Вотъ образчикъ, какъ это бывало. Однажды г. Марини пожелалось какого-то креста, что графъ старался вѣжливо отклонить. Но неуступчивый Марини, изготовя написанное представленіе, явился съ нимъ въ кабинетъ графа; тотъ, желая избавиться, ушелъ въ садъ, куда и Марини послѣдовалъ, и тамъ снова просилъ подписать; озадаченный графъ, желая затруднить нахала, спросилъ: „какъ же, любезнѣйшій, я подпишу?“ Марини подставилъ спину, и графъ подписалъ. Такъ разсказывали мнѣ въ свое время: se non e vero, e ben trovato! Снисходительность и необычайное терпѣніе при выслушаніи какихъ бы то ни было разговоровъ, просьбъ или жалобъ были примѣрныя. Каждый чиновникъ смѣло могъ придти къ нему и объяснить свое недоразумѣніе или промахъ, и графъ прехладнокровно говорилъ: „въ такомъ случаѣ, любезнѣйшій, это надо уладить такъ!“ Трудолюбіе его было безпримѣрное: работалъ съ 6 часовъ утра и до 5 пополудни. Мнѣнія по важнымъ предметамъ, обширные проекты, какъ-то: о пароходствѣ, о каменноугольныхъ пріискахъ, введеніе въ топливо антрацита, о внутреннемъ каботажѣ, о вольныхъ матросахъ, о трапезундской торговлѣ и т. п., всѣ письма буквально были диктованы самимъ графомъ; секретари его, С. В. Сафоновъ, М. П. Щербининъ (домашній „потѣшный“), баронъ А. П. Николаи, были ничѣмъ болѣе,

какъ скорописцами. Графъ, продиктовавъ проектъ, записку или что иное, сряду часа три, переходилъ для отдыха къ другому занятію: разговору съ пришедшимъ лицомъ, а на другое утро, спросивъ: „на чемъ стали?“, продолжалъ начатое. За то только крайняя нужда могла заставить графа работать послѣ обѣда, который былъ обыкновенно въ 5 или 6 часовъ. Самая прогулка его, пѣшкомъ или верхомъ, по городу служила Одессѣ на пользу. О всякомъ замѣченномъ непорядкѣ тотчасъ сообщалъ онъ кому слѣдуетъ, и городъ видимо во всемъ улучшался. Совѣты и возраженія графъ любилъ выслушивать и по нимъ принималъ рѣшенія, но только тогда, когда они дѣлались наединѣ. Противодѣйствій его планамъ и цѣлямъ не терпѣлъ; противниковъ не щадилъ. Нарушенія общественнаго приличія, жестокаго обращенія съ низшимъ классомъ и отъявленнаго взяточничества не выносилъ, равно и презрѣнія къ установленному порядку. Генералъ-лейтенанта Загряжскаго и маіора Иванова, за нарушеніе карантинныхъ и таможенныхъ правилъ, преслѣдовалъ настойчиво и тогда только успокоился, когда ихъ выключили изъ службы. Въ цѣлые десятки лѣтъ графъ однажды вышелъ изъ себя; поймавъ дежурнаго штабъ-офицера Семякина на неточномъ докладѣ, онъ швырнулъ ножницами и выгналъ его изъ кабинета. Впрочемъ, при увольненіи далъ такую рекомендацію, что Семякинъ вскорѣ получилъ въ командованіе полкъ, а теперь состоитъ на очереди командованія корпусомъ войскъ.

Простота въ обращеніи и одеждѣ (любилъ носить Нарвскаго егерскаго полка сюртукъ), скромность и застѣнчивость составляли черты замѣчательныя. За то скрытность и долгопамятность добра или зла были ему прирожденны и долговременны. Графъ, если составилъ о комъ либо хорошее или дурное мнѣніе, то надо было слишкомъ много времени и настояній, чтобы онъ измѣнилъ прежнее понятіе. Щедрый на добрыя и полезныя дѣла, а также поощренія, графъ въ домашнемъ быту былъ разсчетливъ и хозяинъ добрый. Всему была справедливая мѣра и вѣсъ! Сверхъ еженедѣльныхъ (въ Одессѣ) зимою вечеровъ и нѣсколькихъ великолѣпныхъ баловъ, бывали у него еженедѣльно два обѣда: къ нему приглашался по очереди весь городъ; но когда случались лишніе гости, утромъ приглашенные, то графъ лично озабочивался ихъ приборами и виномъ, по вкусу. Довольство и непринужденность господствовали у графа повсюду. Семейный

его слуга получалъ къ обѣду по бутылкѣ крымскаго вина, холостой полубутылку и приличное помѣщеніе. Въ Алупкѣ, гдѣ графъ большею частью проводилъ лѣто и осень, сиживало за обѣдомъ отъ 70 до 120 особъ; послѣ обѣда гостей накрывался другой столъ—для прислуги. Каждый „приглашенный“ гость въ Алупку имѣлъ двѣ комнаты и третью для слуги; сюда подавали чай или кофе, завтракъ; но къ обѣду и вечернему чаю надлежало приходить въ общую столовую и время проводить вмѣстѣ съ хозяевами. Для прогулокъ „гость“ имѣлъ экипажъ или верховую лошадь.

Графъ велъ ежедневный журналъ, который утромъ писалъ по-англійски. Независимо отъ многихъ библіотекъ, бывшихъ у него въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Мошнахъ (Кіевской губ.) и Алупкѣ, въ Одессѣ была главная: она состояла изъ сочиненій по политической экономіи, географіи, статистикѣ и путешествій, новѣйшихъ, частію на англійскомъ языкѣ, но болѣе на французскомъ. Всѣ хорошія сочиненія русскія доставлялись въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для всѣхъ библіотекъ. Находилась, возлѣ большаго кабинета, гдѣ онъ постоянно работалъ, — комната, наполненная шкафами по всѣмъ стѣнамъ съ хранящимися въ нихъ рукописями. Это были дипломатическія, финансово-экономическія бумаги, проэкты, доклады, письма, сочиненія, собранные канцлеромъ и министрами графами Воронцовыми и княгинею Е. Р. Дашковою, во время ихъ служенія. Имѣлось достаточное число старинныхъ рукописей русскихъ; между ними я открылъ впослѣдствіи: „Псковскую судную грамату“, дотолѣ неизвѣстную, и подлинныя „письма царевича Алексѣя Петровича“. Въ эту комнатку графъ дозволялъ входить только исключительно мнѣ одному и тамъ заниматься. Какъ графъ (съ 1845 года князь) дорожилъ этимъ собраніемъ, вотъ сему доказательство.

Военная гроза съ запада Европы уже стягивалась надъ черноморскими русскими берегами. Въ числѣ многихъ другихъ писемъ, которыми издавна удостоивалъ меня князь Михаилъ Семеновичъ, всегда на нихъ подписывавшійся (пропускъ), такъ писалъ онъ мнѣ изъ Тифлиса, отъ 1-го февраля 1854 года: „Княгини (Елизаветы Ксаверіевны) воображенію представляется, что въ одесскомъ домѣ нашемъ можетъ случиться пожаръ, первою жертвою

котораго будутъ наши фамильныя бумаги и манускрипты, имѣющіе столько историческаго значенія, и поэтому желаетъ, чтобы все это было сложено въ особые ящики и поставлено въ безопасной для этого части дома. Хотя я подшучиваю надъ ея неосновательнымъ страхомъ и не вѣрю, чтобы могъ случиться пожаръ въ домѣ, не имѣющемъ жильцовъ; однако, дѣйствительно, очень жаль было-бы потерять эти бумаги, столь интересныя для насъ и для будущаго; поэтому обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, оказать Шпигановичу (управляющему домомъ) дружеское содѣйствіе къ собранію и укладкѣ всѣхъ моихъ манускриптовъ, въ особые ящики, въ такомъ порядкѣ, какой найдете лучшимъ, и при особыхъ описяхъ, что въ какой ящикъ положено. Затѣмъ мнѣ остается просить васъ, не говорить объ этомъ предметѣ никому, потому что эта самая обыкновенная вещь при нынѣшнемъ тревожномъ состояніи Одессы можетъ дать поводъ къ какимъ-либо толкамъ и заключеніямъ; вы сами видите, что и всѣ наши вещи, не мало стоющія, оставляемъ тамъ, и однѣ лишь бумаги, не имѣющія цѣны для другихъ, но важныя для насъ, желаемъ сохранить въ томъ самомъ домѣ. Прощайте, любезный Николай Никифоровичъ, и вѣрьте моей преданности. М. Воронцовъ".

Укладку манускриптовъ въ ящики я началъ 15-го марта и кончилъ къ 1-му апрѣля. 10-го апрѣля сотни ядеръ пронеслись черезъ домъ князя, господствующій надъ одесскою практическою гаванью, гдѣ была „батарея Щеголева"; нѣсколько конгреговыхъ ракетъ увязло въ стѣнахъ дома, и сѣновалъ уже загорался. Ящики съ манускриптами, числомъ 17, были опущены въ подземную мину. Прочія богатства дома: библіотека, картины, серебро — оставались на своихъ мѣстахъ. Просвѣщенный вельможа не дорожилъ убыткомъ свыше, чѣмъ на милліонъ руб. сер., но спасалъ сокровища исторіи и науки съ свойственнымъ ему великодушіемъ.

Николай Никифор. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XVI [1]).

„Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму“, сочиненіе Никол. Никиф. Мурзакевича (1837).—Оставленіе службы попечителемъ одесскаго округа Н. Ѳ. Покровскимъ.—Пріѣздъ кн. П. А. Дондукова-Корсакова.—Гр. П. А. Разумовскій.—Характеристика Н. Ѳ. Покровскаго.—Новый уставъ Ришельевскаго лицея. — Поѣздка въ Петербургъ.—Министръ народнаго просв. С. С. Уваровъ.—Гр. Н. А. Протасовъ; кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ; М. А. Корнуновъ.—Затрудненія въ Публичной библіотекѣ.—Назначеніе попечителемъ Одесскаго округа Д. М. Княжевича.—Новгородъ и Юрьевъ монастырь.—Поѣздка въ Тр.-Серг. лавру вмѣстѣ съ Шуховымъ и Солнцевымъ.—Путешествіе въ Кіевъ съ О. М. Бодянскимъ.—Кончина митрополита Евгенія; переписка съ нимъ.

Теперь возвращусь къ прерванному разсказу.

Въ декабрѣ князь Воронцовъ передалъ нѣсколько иностранныхъ сочиненій, упоминающихъ о генуэзскихъ колоніяхъ въ XIII и XIV вѣкахъ, процвѣтавшихъ въ Крыму, съ желаніемъ, чтобы я изъ всѣхъ ихъ составилъ статейку для журнала. Вникнувъ въ сочиненія Одерико, Серры, Саули, Форналеона, я увидѣлъ, что съ прибавкою еще нѣсколькихъ подобныхъ авторовъ можно будетъ написать нѣчто пространнѣе и дѣльнѣе. Сообщенная мысль понравилась князю, и онъ, пользуясь пребываніемъ въ Одессѣ его давняго пріятеля сардинскаго посланника,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666, т. LIV, апрѣль, стр. 129—144.

графа Симонетти, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ доставилъ мнѣ еще десятокъ авторовъ. Присоединя къ нимъ и то, что у меня находилось, я засѣлъ прилежно за работу; дѣло мое подвигалось впередъ такъ, что въ апрѣлѣ наступившаго 1837 года, рукопись свою, подъ названіемъ: „Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму“, я представилъ князю, прибывшему въ Одессу на нѣсколько дней изъ Крыма. Въ концѣ этого года кончилъ свою службу Н. Ѳ. Покровскій съ пенсіею и чиномъ тайнаго совѣтника. Выходъ его изъ службы ускорили: невниманіе министерства къ его дѣйствительно мало практическимъ проэктамъ лицея, а также и пріѣздъ с.-петербургскаго попечителя, князя П. А. Дондукова-Корсакова, для осмотра одесскихъ учебныхъ заведеній, хотя настоящая причина посылки Дондукова имѣла другую цѣль.

Въ Одессѣ съ давняго времени жилъ уединенно, на загородномъ хуторѣ предмѣстья Молдаванки, одинъ изъ потомковъ графовъ Разумовскихъ, графъ Петръ Алексѣевичъ. Общество его составляли два или три иностранца, служившіе ему факторами при займѣ денегъ, которыя добрые пріятели, Гульельмуччи и Гогель, давали за страшные проценты. Деньги эти Разумовскій истрачивалъ на безтолковыя и безполезныя постройки, по временамъ, имъ самимъ разрушаемыя. Говорятъ, что издержки такія отшельникъ отъ свѣта дѣлалъ съ намѣреніемъ, чтобы ничего не осталось его родственникамъ, почему-то имъ не любимымъ. Сверхъ богатой библіотеки, Разумовскій владѣлъ картинами, статуями, антиками, богатою мебелью и прочими затѣями старыхъ русскихъ баръ. Въ іюнѣ или іюлѣ Разумовскій умеръ. Явились наслѣдники: князь В. Н. Рѣпнинъ, князь Урусовъ, а со стороны министра просвѣщенія С. С. Уварова (женатаго на сестрѣ покойнаго)—князь П. А. Дондуковъ-Корсаковъ. Въ нѣсколько недѣль все имущество, мебель и книги были съ аукціона распроданы за безцѣнокъ, а еще болѣе растащены нѣкіими изъ охранителей; картины, статуи и дорогія вещи раздѣлены между представителями наслѣдниковъ. Итакъ, вотъ истинная причина пріѣзда Дондукова. Невольно вспомнишь Пушкина стихи: „На выздоровленіе Лукулла“. Справедливъ былъ въ своей холодности Разумовскій къ родственникамъ. Надъ его могилою и теперь еще нѣтъ надгробія, даже какого-нибудь.

А вещи и земли достались наслѣдникамъ богатыя. И съ Потемкинымъ богатые наслѣдники поступили точно также.

Не бойкимъ, въ своемъ дѣлѣ, показалъ себя лицею с.-петербургскій попечитель: онъ въ восторгѣ остался отъ наглой болтовни учителя исторіи, Жукова [1]). Покровскій и всѣ мы сначала приняли было восторгъ Дондукова за мистификацію; но послѣ оказалось, что сіятельный хвалилъ отъ всего прямаго сердца. Еще ему лицей обязанъ вызовомъ въ с.-петербургскій университетъ, на каѳедру ординарнаго профессора, нашего греколатиниста Фрейтага. Когда, въ слѣдующемъ году, привелось мнѣ быть въ С.-Петербургѣ и познакомиться съ профессоромъ А. В. Никитенко, то онъ разсказалъ мнѣ, что въ совѣтѣ университета было положено дать Фрейтагу другаго помощника, чтобы студенты лучше могли понимать его филолого-грамматическія тонкости.

Значеніе Покровскаго въ учебной жизни лицея, впрочемъ, было великое. Не будь Покровскаго и его полезныхъ, практическихъ реформъ въ методѣ обученія и воспитанія, а также въ лицахъ наставниковъ, послѣдующія реформы не легко бы привились и удались. Покровскій, удаливъ неспособныхъ и безполезныхъ преподавателей и учителей, открылъ дорогу молодымъ дарованіямъ. Какова бы ни была ученая дѣятельность, впослѣдствіи, профессоровъ: Зеленецкаго, Петровскаго и учителя Протопопова, но пріобрѣтеніемъ этихъ лицъ лицей былъ обязанъ Покровскому, первому возъимѣвшему мысль — способныхъ людей посылать для усовершенствованія въ университеты. Правильный ходъ ученія, согласный съ точно-опредѣленными программами, общій порядокъ, строгія испытанія и при томъ нелицепріятныя, составляютъ не совсѣмъ обыкновенное явленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я знаю кандидатовъ с.-петербургскаго и кіевскаго университетовъ, которые трехъ строкъ не напишутъ безъ грамматическихъ ошибокъ. Покровскій всюду руководилъ разумно, а главное хладнокровно. Не похвально, впрочемъ, было его слѣпое пристрастіе къ нѣкоторымъ лицамъ,

---

[1]) Этотъ Жуковъ прежде обучалъ танцованію, а въ концѣ 1860-хъ годовъ былъ штатнымъ смотрителемъ Керченскаго уѣзднаго училища.

Кн. В. Д.

и въ особенности къ нѣмцамъ, и привязанность къ латыни, которую самъ сбивчиво зналъ. Что однимъ преподавателямъ не спускалось, то другимъ—благополучно сходило съ рукъ. Такъ, за несообразное съ его планомъ преподаваніе, Покровскій предложилъ Розбергу и очень дѣльному учителю Золотову уволиться изъ лицея, а законоучителя Порфирія (жившаго въ домѣ лицейскомъ), профес. Нордмана, Г. Бруна, весьма часто уклонявшихся отъ лекцій, оставлялъ безъ взысканія; Генрихъ Брунъ, впрочемъ, вслѣдствіе одного рѣзкаго объясненія, удалился изъ лицея. Заграничнымъ титулованнымъ докторамъ Покровскій предоставлялъ безусловно профессорскія мѣста, а отъ русскихъ требовалъ выполненія труднаго экзамена. Всѣмъ извѣстна легкость полученія докторскихъ дипломовъ въ заграничныхъ университетахъ; цѣнность ихъ простирается отъ 50 до 100 талеровъ. Не выѣзжая изъ Одессы, Филиппъ Брунъ (братъ Генриха) получилъ дипломъ доктора наукъ изъ Іенскаго университета. Покровскій также надѣлалъ довольно вреда матеріальнаго лицею: a) уничтожилъ права, дарованныя лицею въ отношеніи чиновъ отъ XIV до IX класса. Если до него права легко раздавались, то ничто не мѣшало ими послѣ дорожить и давать достойнымъ; b) отказался отъ таможеннаго сбора въ пользу лицея, взимаемаго по указамъ 1817—1819 годовъ, съ отвозной пшеницы по $2^1/_2$ коп. съ четверти, впредь до закрытія въ Одессѣ порто-франка, а удовольствовался слишкомъ умѣренною суммою, предложенною министромъ финансовъ; c) за безцѣнокъ распродалъ огромный участокъ земли, гдѣ Ришелье предполагалъ развести обширный ботаническій садъ. Здѣсь теперь дачи: Сафонова, Кошелева, Ралли, Папудова, Радоконаки и друг.; d) изъ личнаго каприза отказался отъ огромнѣйшаго зданія, именуемаго казармами Собаньскаго, гдѣ предполагалось устроить новый лицей, а князь Воронцовъ готовъ былъ дать мѣсто для сада воспитанникамъ до самой крѣпости. Къ казармамъ принадлежалъ еще домъ, который Покровскій намѣревался занять для себя, и др. Но когда графъ Виттъ взялъ этотъ домъ подъ свой штабъ, то Покровскій все дѣло постройки въ зданіи Собаньскаго бросилъ; e) довѣривъ хозяйственную часть ловкому Симоновичу, и особенно внутреннюю отдѣлку лицея, онъ способствовалъ безполезной затратѣ свыше 40,000 рублей.

Чудакъ, въ дряхлыхъ лѣтахъ, женился на бывшей директриссѣ одесскаго института, Суковой, рожденной англичанкѣ, поселился въ Крыму и тамъ въ 1837 г. умеръ.

1837 годъ начался для меня при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ апрѣлѣ кончилъ печатаньемъ „Исторію генуэзскихъ поселеній". Наконецъ, вышелъ давно желанный новый уставъ Ришельевскаго лицея, и сверхъ чаянія совершилась поѣздка въ Петербургъ. Книга моя, напечатанная на собственный счетъ, обошлась въ 700 рублей, доставила же чистой выручки 125 рублей. Часть экземпляровъ роздалъ безденежно, другую отдалъ на продажу, по коммиссіи, въ Москвѣ Ширяеву, а въ С.-Петербургѣ Ильѣ Глазунову. Первый вознаградилъ другими сочиненіями, а Глазуновъ и до сей минуты не выслалъ мнѣ ни копѣйки, хотя продаетъ экземпляры по 2 и 3 р. с. Вотъ доходъ и выгода русскихъ писателей!

На основаніи нововышедшаго устава, лицей былъ рѣзко отдѣленъ отъ сліянія съ гимназіею. На первый разъ составлены были, кромѣ общихъ предметовъ, два отдѣленія: физико-математическое и юридическое съ присовокупленіемъ особаго института восточныхъ языковъ, переформированнаго изъ училища восточныхъ языковъ, учрежденнаго въ 1828 г. княземъ Воронцовымъ. Для желающихъ быть профессорами и адъюнктами уставъ требовалъ магистерской степени. Всѣ нѣмцы, благоразумно запасшіеся легкополучаемыми докторскими дипломами, имѣли законное право тотчасъ на занятіе каѳедръ; мы же, русскіе, Зеленецкій, Левтеропуло, Архангельскій и я (какъ претендентъ), обязаны были держать установленный экзаменъ. По множеству предметовъ, почти не касающихся къ прямому дѣлу, тогдашніе экзамены на доктора и магистра были крайне обременительны, а посему мало было на нихъ желающихъ. Университеты же и лицеи нуждались въ преподавателяхъ. Чтобы помочь нуждамъ университетовъ, министерство впослѣдствіи дозволило: тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли себѣ опытность долговременнымъ преподаваніемъ, не подвергая установленному экзамену, допустить только на этотъ разъ къ защищенію написанной диссертаціи. Волею или неволею надлежало ѣхать въ какой либо университетъ. Скромные денежные мои запасы ушли на печатаніе книги, жалованья далеко недоставало на дорогу и

прожитье, къ займу денегъ никогда не прибѣгалъ, взять у Кирьякова гордость не позволяла. Въ такомъ раздумьѣ я находился нѣсколько дней. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Добрый нашъ директоръ, управлявшій въ это время округомъ, безъ моего вѣдома написалъ письмо къ директору канцеляріи министра, а тотъ доложилъ С. С. Уварову, и вотъ мнѣ, предполагающему занять отдѣльную каѳедру русской исторіи въ лицеѣ, разрѣшено прибыть въ С.-Петербургъ и тамъ заняться дополненіемъ начатаго мною описанія русскихъ памятниковъ. Получивъ прогоны, подорожную и командировку на ..... мѣсяца, я покатилъ въ сѣверную столицу. Въ Москвѣ нѣсколько дней посвятилъ на осмотръ собранія старопечатныхъ и старописанныхъ книгъ и древнихъ иконъ И. Н. Царскаго, и затѣмъ явился въ С.-Петербургъ. На другой день представился С. С. Уварову, который принялъ меня весьма благосклонно, разспросилъ о моихъ трудахъ, и по случаю отъѣзда его въ Варшаву, поручилъ мнѣ во всемъ нужномъ обращаться къ управляющему министерствомъ, графу Н. А. Протасову. Съ своей стороны я, по порученію директора, объяснилъ нужды лицея, заключающіяся въ немедленной поправкѣ зданія, по случаю скораго пріѣзда въ Одессу Государя Императора, на что были тотчасъ сдѣланы нужныя распоряженія. На другой день я испыталъ и перечувствовалъ многое, когда пришелъ въ департаментъ министерства. Начиная отъ служителя, экзекутора, столоначальниковъ, я ни отъ кого не удостоился получить отвѣта на вопросъ: когда могу видѣть директора департамента и управляющаго министерствомъ? Важный чиновникъ (Берте), къ которому я рѣшился обратиться, не сказавъ ни слова, только рукою величественно указалъ мнѣ на залу, куда я пошелъ. Лысый, плотный старикъ, случайно вышедшій изъ двери дальняго кабинета, въ который стоящій служитель никого не пропускалъ, спросилъ что мнѣ угодно? Я отвѣчалъ: такой-то и оттуда-то! „Такъ это о васъ мнѣ вчера приказывалъ Сергій Семеновичъ.“—Затѣмъ пустился въ разспросы разные и кончилъ тѣмъ, чтобы я завтра, въ 11 часовъ, пришелъ представиться графу Протасову. Этотъ благодушный старикъ былъ князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шахматовъ. На завтра та же встрѣча департаментскихъ чиновъ, смягчившихся только, когда меня весьма любезно принялъ управ-

ляющій министерствомъ. Здѣсь подошли ко мнѣ многіе, а затѣмъ прибѣжалъ откуда-то старый, добрый мой, нѣкоторое время сожитель по № 14 въ университетѣ, пріятель Мих. Андр. Коркуновъ. Съ скорбію я разсказалъ ему мой пріемъ, и онъ душевно сѣтовалъ о своихъ сослуживцахъ. Пользуясь неограниченнымъ срокомъ откомандировки, я пустился по библіотекамъ.

Въ публичной библіотекѣ отъ суббиблiотекарей я ничего не могъ добиться. Хаосъ былъ образцовый. Рѣдко являлись на должность библіотекари именитые и не было полныхъ каталоговъ. Мнѣ нужна была: „Martini Broniovii, tartaria;“ ее въ теченіи 3-хъ дней не могъ найти самъ А. Х. Востоковъ. Въ библіотекѣ же генеральнаго штаба эту книгу отыскали въ 5 минутъ. Въ Румянцевскомъ музеѣ, также какъ и въ публичной, отвѣчали, что теперь не время для занятій, теперь вакаціи. Я отвѣчалъ, что для прибывшаго за 2,000 верстъ нѣтъ вакацій, и когда для него сдѣлано министерское особое распоряженіе. На требованіе нѣкоторыхъ рукописей, получилъ отвѣтъ, что онѣ далеко закладены, да въ нихъ нѣтъ ничего. Мой отвѣтъ былъ: видѣніе паче слуха! И этотъ пререкатель былъ добрый чудакъ А. В. Терещенко. На просьбу у директора публичной библіотеки, А. Н. Оленина, дозволить моему рисовщику скопировать нѣсколько рисунковъ изъ извѣстнаго „Ермолаевскаго сборника“, получилъ чистый отказъ, бездоказательный. Вотъ-те и столица просвѣщенія! За то удивили меня сговорчивостью въ библіотекѣ академіи наукъ — Брандтъ, давшій мнѣ на квартиру столько книгъ, сколько мнѣ понадобилось, и въ Артиллерійскомъ арсеналѣ, въ историческомъ отдѣленіи—полковникъ А. А. Эрдманнъ, съ любезностію мнѣ показавшій все до мелочи. И я съ своей стороны сдѣлалъ ему пріятное, списавъ въ его списокъ древнихъ оружій неудобочитаемыя надписи на старинныхъ пушкахъ и знаменахъ. Въ музеѣ академіи наукъ меня удивило то, что въ числѣ восточныхъ сосудовъ съ надписями и безъ оныхъ находился серебряный ковшъ съ русскою надписью (вязью) о принадлежности его удѣльному князю. Въ эрмитажное нумизматическое отдѣленіе не добрался, по случаю болѣзни хранителя — Кёлера. Три мѣсяца по утрамъ я добросовѣстно трудился, а вечера дѣлилъ то съ братьями Ильею и Константиномъ, то съ нашими лицеистами: Костандою, Живковичемъ

Протопоповымъ, то съ Я. А. Познякомъ, Коркуновымъ и изрѣдка Ареольевымъ. Въ это время назначенъ былъ попечителемъ лицея д. с. с. Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, до сего 35 лѣтъ служившій въ департаментѣ государственнаго казначейства. Явясь къ нему на дачу, въ Лѣсномъ Институтѣ, я былъ любезно принятъ, а затѣмъ онъ сдѣлалъ меня неотлучнымъ спутникомъ по всѣмъ с.-петербургскимъ учебнымъ заведеніямъ, имъ для образца осматриваемымъ. Лучшій методъ ученія, въ то время, намъ показался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, руководимымъ по учебной части калѣкою (пропускъ). Княжевичъ получилъ образованіе въ Казанской гимназіи и не далѣе, но обладалъ силою ума и практичности.

Въ первыхъ числахъ сентября я выѣхалъ изъ Петербурга съ полнымъ портфелемъ. Добрый князь Ширинскій-Шахматовъ снабдилъ меня неожиданнымъ пособіемъ въ 300 р. Деньги употребилъ я на обзоръ Новгорода съ его монастырями. Въ Юрьевѣ монастырѣ видѣлъ, нѣкогда игравшаго важную роль, во времена аракчеевскія, архимандрита Фотія, слывшаго смиреннымъ постникомъ, но жившаго въ богатоубранныхъ кельяхъ; видѣлъ смиренную графиню Ан. Ал. Орлову. Съ грустію я обходилъ отдаленныя церкви новгородскія, уже носящія въ себѣ переходъ отъ византійской архитектуры къ западно-католической. Еще жальче мнѣ стало св. Софіи, безобразно застроенной дрянными архіерейскими палатами, въ казарменномъ вкусѣ. При лунномъ освѣщеніи дальнія новгородскія пустынныя церкви являлись какъ-бы привидѣніями, поднявшимися изъ своихъ могилъ. Въ монастырѣ Антонія Римлянина, ни отъ ректора, ни отъ инспектора тамошней семинаріи не добился видѣть библіотеку. На опытѣ узналъ правдивость словъ М. Т. Каченовскаго. Въ Твери, въ Отрочѣ монастырѣ открылъ, случайно, заброшенный портретъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, да въ одной церкви маленькія, такъ называемыя, „царскія двери“, времени Іоанна IV Грознаго.

Изъ Москвы, въ сопутствіи Ѳ. Г. Солнцева и Е. Шухова, отправился въ Троице-Сергіеву лавру. Этотъ разъ осмотръ мой былъ безпрепятственнѣе. Такимъ образомъ открылъ я въ ризницѣ: чашу В. К. Василія Темнаго, кафтанъ татарскій царя Іоанна IV, въ кельяхъ—портретъ знаменитаго защитника лавры отъ поляковъ, архимандрита Діонисія. Надъ лаврскою трапез-

ною палатою есть чердакъ, и въ немъ я нашелъ множество древнеписныхъ церковныхъ книгъ на пергаментѣ. Давъ совѣтъ сопровождавшему меня монаху хорошенько переплести почтенные останки старины, я тѣмъ пріобрѣлъ себѣ услужливѣйшаго пріятеля; онъ съ такимъ добродушіемъ предлагалъ свое гостепріимство и хлѣбъ-соль, что я и Шуховъ при отъѣздѣ подарили ему прекрасно сдѣланный видъ лавры. Солнцевъ здѣсь остался на нѣсколько недѣль, онъ заготовлялъ прекрасные рисунки для вышедшаго въ 18... г. въ свѣтъ роскошнѣйшаго изданія: „Древности государства россійскаго“; мы же вдвоемъ поѣхали мимо Виѳаніи въ знаменитую Александрову слободу. Да, царь Иванъ Васильевичъ Грозный не веселое избралъ себѣ мѣстечко! Александровъ не казистъ и теперь, что же былъ во времена восточно-пьянаго терроризма? Монастырь, въ настоящее время женскій, занялъ меня на цѣлую недѣлю. Не смотря на осенніе заморозки, съ утра и до сумерекъ сидѣлъ я въ холодномъ корридорѣ и списывалъ надписи. Это были мѣдныя позолоченныя двери, которыя въ 1336 г. новгородскій архіепископъ св. Василій сдѣлалъ для Софійскаго собора; но Грозный, въ періодъ погрома, постигшаго новгородцевъ, увезъ оттуда и поставилъ въ любимомъ своемъ монастырѣ. Памятникъ, до меня никѣмъ неописанный. Знали нѣкоторые, и то по слухамъ [1]). Въ кельѣ игумены я нашелъ портретъ царевны-монахини, Маѳы Алексѣевны, насильно постриженной Петромъ I. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ видѣлъ знаменитый древностью Спасскій соборъ. Указалъ на возможность, по снятіи нѣсколькихъ слоевъ побѣлки, открыть древнія фрески, которыя гораздо послѣ меня, дѣйствительно, нашли. Такое-же предположеніе насчетъ открытія фрескъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ сообщилъ и Ѳ. Г. Солнцеву. Хотѣлъ было отправиться во Владиміръ, но легонькая шинель давала мнѣ чувствовать приближеніе морозовъ. Итакъ, побывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ А. Д. Черткова, я собрался въ Одессу. Графъ С. Г. Строгановъ, узнавъ о скоромъ моемъ выѣздѣ, предложилъ мнѣ взять спутникомъ до Кіева,

---

[1]) Описаніе см. въ „Журналѣ Мин. Народн. Просв.“ на 1837 г., т. XVI, № 12, подъ заглавіемъ: „Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ“.

Н. М.

ѣхавшаго за границу для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ, магистра І. М. Бодянскаго. О многомъ съ нимъ было переговорено и воспомянуто. Грустно мнѣ было, когда я, пріѣхавъ въ Кіевъ, не засталъ въ живыхъ моего учителя и благожелателя, незабвеннаго митрополита Евгенія. Многолѣтній старецъ успокоился отъ трудовъ еще въ февралѣ, 23-го числа. По обычаю онъ занимался епархіальными дѣлами цѣлое утро, и отпуская докладчика, сказалъ: „довольно, пора отдохнуть!“ уснулъ сномъ праведника. „Sit tibi terra levis!“—Митрополитъ Евгеній весьма желалъ, чтобы я перешелъ въ новооткрытый университетъ св. Владиміра, для совмѣстныхъ занятій кіевскими древностями; добрымъ вниманіемъ онъ ободрялъ первые мои труды и иногда дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія. Вотъ выписки изъ нѣкоторыхъ его писемъ, которыми меня одолжалъ „старецъ добрый“: a) отъ 6-го апрѣля 183... г. „Наша комиссія объ отысканіи древностей спитъ безпробуднымъ сномъ, да и не умѣетъ приняться, а о заведеніи Историческаго общества и слуху нѣтъ. Ваше одесское предваритъ его“. О мысли моей учредить въ Одессѣ общество исторіи и древностей я предварительно писалъ митрополиту 22 марта; b) отъ 14 сентября. „Мы съ Максимовичемъ [1]) весьма желаемъ перемѣстить васъ въ Кіевъ. Здѣсь вы сдѣлались-бы и редакторомъ журнала и основателемъ русскаго историческаго общества, о чемъ здѣшніе ученые и не думаютъ, да и не умѣютъ приняться. Комитетъ древностей описалъ, что прежде его открыто, а самъ ничего не открылъ“; c) 21 декабря: „Совѣтовалъ-бы я вамъ послать просьбу министру просвѣщенія объ опредѣленіи васъ въ кіевскій университетъ. Труды и способности ваши ему уже извѣстны, а университетъ былъ-бы счастливъ вами“. Въ отвѣтѣ моемъ я сообщилъ митрополиту, что я писалъ, еще 29 мая, попечителю Брадке о желаніи моемъ занять мѣсто преподавателя русской исторіи въ университетѣ. Совѣтъ университета отвѣтилъ, что это мѣсто замѣщено по распоряженію министра студентомъ педагогическаго института; d) Предсмертное, отъ 16 февраля 1837 г.: „При

---

[1]) Мих. Александр. Максимовичъ—проф. русской словесн. и ректоръ кіевскаго университета, авторъ сборн. южнорусск. пѣсенъ, исторіи русской словесн., книги Наума и др. Кн. В. Д.

нашемъ университетѣ думаютъ отдѣлить минцъ-кабинетъ и составить музей кіевскихъ древностей. Надняхъ, видѣвшись съ попечителемъ, я ему совѣтовалъ васъ опредѣлить хранителемъ и надзирателемъ сей части. Конечно, жалованье небольшое, но въ Кіевѣ много пансіоновъ и дорого платятъ учителямъ"; е) отъ 6 апрѣля 1836 г.: „Письмо ваше, съ приложеніемъ краткой исторіи Херсона, я получилъ и прочелъ съ удовольствіемъ. Но вы слишкомъ много приписываете мнѣ чести, назвавъ меня первымъ изслѣдователемъ русскихъ древностей. Я учился онымъ уже у другихъ. Несправедливо также, что будто взятыя Владиміромъ въ Херсонѣ иконы донынѣ сохраняются въ Кіевѣ. Нѣтъ ни одной, даже и Корсунскою именуемой; да и въ другихъ городахъ Корсунскими именуемыя—не Корсунскія, а по Корсунской школѣ въ Россіи писанныя. Въ Софійскомъ соборѣ нѣтъ также никакихъ штучныхъ Корсунскихъ половъ и налѣпковъ, а мозаика греками въ немъ дѣлана на мѣстѣ. Не вѣрю я Михалону Литвину, что будто Болеславъ увезъ изъ Кіева Корсунскія ворота. Поляки выдумали „Щербецъ", коимъ Болеславъ будто ударилъ въ „Золотыя ворота", коихъ при немъ еще и не было. Впрочемъ, вы довольно собрали свѣдѣній о Херсонѣ, а греческая надпись немаловажная къ ней прибавка, но мало намъ оставили древніе свѣдѣній о семъ славномъ городѣ". Для критической исторіи русскихъ древнихъ памятниковъ, надобно желать, чтобы Евгеніева переписка съ П. И. Кеппеномъ, И. М. Снѣгиревымъ и др. была собрана и напечатана.

XVII.

Чума въ Одессѣ (1837 г.).—Градоначальникъ А. И. Левшинъ.—Мѣры противъ заразы, принятыя гр. Воронцовымъ.—Введеніе попечителемъ Княжевичемъ новаго лицейскаго устава; вновь сформированный личный составъ лицея.—Прекращеніе чумы въ Одессѣ (1838 г.).—Новыя ученыя работы Николая Никифоровича.—Пріѣздъ въ Одессу архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Гавріила (Розанова).—Дѣятельность попечителя Княжевича по округу.—Новая поѣздка Никол. Никиф. Мурзакевича въ Петербургъ; знакомство съ Н. И. Надеждинымъ.—Пріѣздъ въ Москву и защищеніе магистерской дисертаціи (1838 г.).

Поспѣшая въ Одессу, на Лысогорской станціи, почтовый смотритель сказалъ мнѣ по секрету, что ночью проѣзжавшая генеральша Захаржевская (Елена Алексѣевна, дочь Потемкинскаго фаворита, графа Самойлова) сообщила, что въ Одессѣ открылась чума. Зная умъ и благоразуміе этой дамы, я не могъ предположить, чтобы она могла разсѣвать такіе нелѣпые слухи. Но приближаясь къ Одессѣ, я постоянно выслушивалъ уклончивые отвѣты станціонныхъ смотрителей, говорившихъ, что въ Одессѣ что-то не хорошо. Подъѣзжая къ сухопутной таможнѣ, я увидѣлъ оцѣпленные солдатами таможенные барьеры и убѣдился въ справедливости слуха, разсѣяннаго по дорогѣ. Ямщикъ со станціи у заставы готовъ былъ передать мои вещи городскому. На заставѣ предупредили меня, что я могу еще вернуться туда, куда мнѣ угодно; но, проѣздивши около пяти тысячъ верстъ въ неприхотливой перекладной, мнѣ хотѣлось отдохнуть. Пересѣвъ въ другую повозку, я двинулся къ лицею. Въ 1830 году въѣхалъ я въ Одессу, только что кончившую карантинную обсерваціо, а въ 1837 г. вступилъ уже въ полную строгость карантинныхъ правилъ. Движенія народнаго по улицамъ было весьма немного, ѣдущихъ почти никого. Пустота всеобщая и какое-то безпокойство, видимое на всѣхъ лицахъ, приводили въ невольное смущеніе, и все отъ того, что свобода произвольныхъ сношеній людскихъ стѣснялась, а можетъ быть и прекращалась на неопредѣленное время... Вотъ какое чувство производитъ чума на крѣпконервныхъ, но крайне дурное на малодушныхъ, трепещущихъ ежеминутно за свою жизнь. Чума

въ Одессу, въ городъ, была пропущена изъ карантина, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, тамъ водворившихся, и контрабанды, оттуда легко пропускаемой чиновниками, а болѣе солдатами карантинной-же стражи. Изъ турецкихъ владѣній была привезена женщина, съ признаками чумы. Нѣкоторые карантинные медики признали было ее чумною; но повелительный голосъ въ это время могущественнаго градоначальника Левшина:—„вы только и думаете какъ-бы стѣснять торговлю“,—побудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отступиться отъ своего мнѣнія. Тѣло умершей, какъ бы отъ горячки, погребено было въ карантинѣ, но вещи, попавшія въ руки „гвардіановъ“ (смотрителей надъ оцѣпленными и чумными), черезъ городъ перешли въ солдатскую карантинную слободку. Внезапная смерть нѣкоторыхъ лицъ заставила градоначальника внимательно взглянуть на дѣло. Совѣтъ медиковъ смертные случаи призналъ несомнѣнною чумою, а Левшинъ такъ растерялся, что 1) прежде, чѣмъ оцѣпить городъ, выслалъ изъ него нѣсколько сотенъ чумацкихъ подводъ, привозившихъ въ Одессу пшеницу изъ разныхъ губерній; 2) послалъ въ Ялту пароходъ, въ практическомъ, а не карантинномъ положеніи, съ извѣстіемъ къ князю Воронцову объ открывшейся чумѣ; 3) всенародно велѣлъ карантиннымъ порядкомъ очищать Покровскую церковь, гдѣ отпѣвалась одна чумная, что раздражило чернь, и 4) безъ карантинной окурки послалъ пакетъ съ донесеніемъ государю о чумной заразѣ. Быстрый пріѣздъ князя въ Одессу, впрочемъ, успокоилъ всѣхъ. Въ прежнюю чуму 1828—29 годовъ, князь Воронцовъ, своими благоразумными и своевременными мѣрами, такъ умѣлъ привлечь къ себѣ всеобщее довѣріе, что, отъ одного его слова, толпы черни, возбуждаемыя невѣрующими въ чуму, немедленно и притомъ мирно расходились. Одного изъ невѣрующихъ въ чуму, недобросовѣстнаго поджигателя черни, князь, для удостовѣренія, приказалъ отправить въ чумный кварталъ, гдѣ показали ему умирающихъ. Разумѣется, невѣрный Ѳома превратился въ вѣрующаго, и уже болѣе не подстрекалъ черни противъ предохранительныхъ карантинныхъ мѣръ.

Войдя въ лицей и на свою казенную квартирку, гдѣ нѣкоторое время я давалъ пристанище проф. Розбергу и Нордману, я услышалъ, что новый попечитель, Княжевичъ, живетъ въ самомъ

лицеѣ. Разумѣется, встрѣча моя была пріятная. Въ числѣ прочаго, я передалъ Дмитрію Максимовичу предложеніе, сдѣланное мнѣ графомъ Строгоновымъ, на что попечитель наговорилъ мнѣ множество комплиментовъ и далъ слово, что мою поѣздку заграницу и онъ можетъ устроить. Такимъ образомъ я написалъ въ Москву, что остаюсь въ Одессѣ. Обѣщанное, однако, никогда не исполнилось. Княжевичъ прибылъ въ Одессу за нѣсколько дней до объявленія чумы. Свободное по городу сообщеніе разрѣшалось жителямъ, съ совѣтомъ избѣгать посѣщенія чужихъ домовъ и по возможности избѣгать соприкосновенія. Мы, живущіе въ зданіи лицея, рѣдко выходили на улицу: это внутренне не долюбливали ни попечитель, ни директоръ, какъ семейные люди. Не смотря, однако-же, на всѣ эти мѣры предосторожности, однажды начальство сильно было перепугано, когда экзекуторъ сказалъ, что у учителя Хрисохооса головокруженіе и тошнота. Все это произошло отъ того, что грекъ объѣлся халвы и угорѣлъ въ своей квартиркѣ.

Внутренняя учебная жизнь текла своимъ порядкомъ; воспитанники лицея, живущіе въ зданіи онаго, ежедневно, по заведенному порядку, занимались уроками. Недостатокъ учителей, жившихъ въ городѣ и посему недопускаемыхъ внутрь зданія, всѣ мы, живущіе въ лицеѣ, согласились восполнить собою. Невольно и нечаянно возникъ въ стѣнахъ лицея тотъ стройный порядокъ, который былъ при его основателѣ, аббатѣ Николѣ. Октября ..... мы испытали паническій страхъ отъ довольно сильно чувствуемаго землетрясенія. Всѣ мѣры, нужныя къ преобразованію лицея, по новому уставу, попечителемъ были приняты и министромъ утверждены. Вотъ тогдашній наличный составъ лицея: преподаватель догматическаго богословія іеромонахъ Порфирій [1]). Объявленныя имъ руководства по сему предмету: Бреннера и Бретшнейдера, а по церковной исторіи—Грейлинга, Гесса и Неандера, надѣлали было хлопотъ и ему, и совѣту лицея; но благодаря сговорчивости мѣстнаго архіепископа Гавріила, дѣло обошлось безъ дурныхъ послѣдствій

---

[1]) Порфирій Успенскій, впослѣдствіи первый ректоръ херсонской духовной семинаріи въ Одессѣ, епископъ Чигиранскій, извѣстный изслѣдователь византійскихъ древностей. Кн. В. Д.

для Порфирія, тогда какъ подобное дѣло въ 1823 году, за богослова Шуберта, въ московскомъ университетѣ кончилось удаленіемъ профессора священника Григ. Левитскаго. Психологію и нравственную философію преподавалъ, по старымъ братнимъ запискамъ, Дудровичъ, въ этотъ годъ кончавшій свой служебный 25-ти лѣтній срокъ. Древнюю исторію преподавалъ профес. Ф. Брунъ, словесность и исторію русской литературы—Зеленецкій, магистръ московскаго университета; зоологію проф. Нордманъ; аналитическую геометрію проф. Григ. Брунъ, вновь поступившій на службу; минералогію — Гассгагенъ, опытный химикъ и отличный препараторъ; физику и метеорологію — Левтеропуло; энциклопедію правъ и законы Россійской имперіи — проф. Архангельскій, подобно Дудровичу, дослуживавшій свой срокъ; римскую словесность адъюнктъ Беккеръ; коммерцію Симоновичъ, сколько дрянной для заведенія инспекторъ и хозяинъ, столько хорошій профессоръ; русскую исторію и статистику—я; итальянскую литературу — проф. Пиллеръ; французскую литературу—лекторъ Фавръ; нѣмецкую литературу—лекторъ Эртель; новогреческій языкъ—учитель Палеологъ; искусства: рисованіе—учитель Рыбниковъ, музыку—директоръ одесскаго оркестра Буфье, танцованье Бушъ. Директоромъ состоялъ прежній—Николай Ивановичъ Синицынъ; объ инспекторѣ шла переписка; приглашался извѣстный литераторъ Михаилъ Даниловичъ Деларю. Бѣдный! онъ потерпѣлъ за переводъ стихотворенія Виктора Гюго, помѣщеннаго въ „Библіотекѣ для чтенія“: по жалобѣ с.-петербургскаго митрополита Серафима, императоръ велѣлъ выключить Деларю изъ канцеляріи военнаго министра, гдѣ поэтъ былъ въ числѣ секретарей.

Открытіе лицея по новому уставу семейнымъ образомъ мы отпраздновали . . . . . 1838 г., когда кончился сорокодневный срокъ карантиннаго оцѣпленія, считая оный отъ послѣдняго чумнаго случая. Надобно было видѣть и чувствовать ту общую радость, которая выражалась на лицахъ богатаго и бѣднаго жителя [1]). Хотя обѣдни, по благоразумному распоряженію архіепископа, не прекращались, однако, изъ опасенія заразиться, входили въ церковь только тѣ, кому это было необходимо, какъ-то:

[1]) Первый звонъ къ обѣднѣ слушали всѣ съ набожною торжественностью. Н. М.

для крещенія, погребенія. Была даже обвѣнчана одна свадьба двухъ влюбленныхъ особъ, князя Алекс. Кантакузена и дѣвицы М. Рено. Медовый мѣсяцъ, однако, не выдержавъ своего срока, обратился въ разъѣздъ, а затѣмъ и въ разводъ: promessi sposi, только въ своемъ родѣ. Во время карантиннаго срока, на досугѣ, отъ уроковъ, изготовилъ я двѣ статейки: 1) „Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у болгаръ“ и 2) „О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи“, помѣщенныя въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“, кн. XIX, стр. 114 и 529.

Болгары съ 1833 года стали обращать на себя мое вниманіе. Имѣя въ 3 классѣ гимназіи трехъ братьевъ Мушевыхъ, я случайно спросилъ, какой они націи?—отвѣчали: болгаре. Привыкнувъ съ университета считать болгаръ потомками болгаръ волжскихъ, слѣд. мусульманами, обратился я къ лучшему изъ нихъ, Дмитрію: „какимъ языкомъ пишутъ у васъ и читаютъ?“—„Почти такимъ, какъ и русскіе!“ На другой урокъ они принесли мнѣ печатанныя, церковно-славянскія, книжечки и тѣмъ разрушили мое понятіе о ихъ татаро-турецкомъ происхожденіи и, напротивъ, убѣдили въ славянскомъ единоплеменствѣ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ которые я иногда обѣдалъ у почтеннаго генерала И. Н. Инзова, я встрѣтился съ прибывшимъ въ прошломъ году изъ Екатеринослава архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, Гавріиломъ Розановымъ. Иванъ Никитичъ насъ познакомилъ, и наше знакомство, постепенно переходя во взаимную пріязнь, обратилось потомъ въ дружбу, по самый конецъ его существенно полезной жизни. Вотъ подробности учрежденія въ Одессѣ архіерейской каѳедры.

Бывшій въ это время оберъ-прокуроромъ синода С. Д. Нечаевъ прибылъ въ Крымъ съ больною женою, урожденной Мальцевой. На поклоненіе страшному оберъ-прокурору со всѣхъ сторонъ стекались духовныя лица, „чающія движенія воды“—архіерейства. Между прочими явился и нашъ законоучитель, іером. Порфирій, ловкій въ обращеніи съ дамами, которыхъ онъ въ Одессѣ сдѣлался единственнымъ духовникомъ. Порфирій умно и дѣльно сталъ доказывать надменному оберъ-прокурору о полезности учрежденія викаріата въ Одессѣ, такъ какъ архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій съ трудомъ могъ слѣдить за улучшеніемъ своей обширнѣйшей епархіи. Понятно,

что умный и честолюбивый докладчикъ мѣтилъ на себя, въ чемъ сочувствовалъ ему и Нечаевъ. Проэктъ викаріата одесскаго пошелъ въ синодъ на разсужденіе, и имѣлъ тотъ результатъ, что рѣшили: въ Одессу послать „опытнаго пастыря", а въ Екатеринославѣ учредить особаго епископа, подчинивъ ему только одну губернію; Херсонскую и Таврическую сосредоточить въ управленіи архіепископа, долженствующаго жить въ Одессѣ. Не очень радушно былъ встрѣченъ въ Одессѣ архіепископъ. Градоначальникъ Левшинъ не сдѣлалъ обыкновенной учтивости— освѣдомиться о первомъ помѣщеніи почетнаго гостя. Полушяненькое же соборное духовенство не нашло лучшаго помѣщенія для своего архіепископа, какъ нанявъ квартиру въ домѣ Каліо, гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась чарочная и ведерная продажа водки. Квартира, кромѣ шума внизу, оказалась холодною и почти безъ мебели. Здѣсь полубольной, озабоченный дѣлами устроенія новой епархіи, бѣдный старикъ Гавріилъ долженъ былъ терпѣть и холодъ, и нужду, во время карантиннаго оцѣпленія. Жить въ монастырѣ (за 12 верстъ отъ города) онъ считалъ для своихъ подчиненныхъ разорительнымъ. Гавріилъ не владѣлъ краснорѣчивымъ даромъ слова, и потому не кидался въ глаза, но имѣлъ основательное образованіе, владѣлъ свободно греческимъ и латинскимъ языками, имѣлъ большую начитанность и обладалъ практическою полезною дѣятельностью.

Княжевичъ, съ жаромъ, ему свойственнымъ, принялся за преобразованіе не только лицея, но и всего учебнаго округа, который, постепенно составляясь, съ 183... года окончательно обозначился тремя новороссійскими губерніями, т. е. Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою, съ присоединеніемъ еще и Бессарабской области. Нѣкоторыя мои мнѣнія, основанныя на семилѣтней учительской опытности, ему понравились, а еще болѣе моя дѣятельность; сойдясь непримѣтно съ его кипучимъ нравомъ и неугомонною дѣятельностью, я сдѣлался при немъ почти необходимымъ, такъ что объѣзды по округу онъ дѣлалъ со мною. Первый пріѣздъ нашъ былъ въ Таврическую губернію. Изъ Крыма Княжевичъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, куда пригласилъ и меня съ собою, но я уже послѣ него туда отправился, для окончанія магистерскаго экзамена. Въ Петербургѣ весьма внимательно и любезно приняли меня министръ Уваровъ

и князь Ширинскій-Шихматовъ, видѣвшіе мои труды. Разумѣется, „Исторія генуэзскихъ поселеній“ мнѣ служила новою рекомендаціею. Министръ указалъ мнѣ на московскій университетъ. До выѣзда своего, около двухъ недѣль я провелъ въ гостепріимномъ семействѣ Д. М. Княжевича. Онъ же познакомилъ меня съ Н. И. Надеждинымъ [1]), только что, по ходатайству Дмитрія Максимовича и генерала Я. И. Ростовцева, выпущеннымъ изъ Усть-Сысольскаго заточенія. Разумѣется, сладкія рѣчи Надеждина, чуть что не политическаго преступника, расчувствовали всѣхъ, въ томъ числѣ и меня. Дѣло было такъ, по словамъ заточенника. Въ издаваемомъ имъ въ свободное время отъ профессорской должности въ московскомъ университетѣ „Телескопѣ“ онъ помѣстилъ, по просьбѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, извѣстную статью отставнаго гвардейскаго ротмистра Чаадаева: „Философическія письма“ (Телескопъ, 1836, № 4).

Бывшія въ тотъ моментъ разныя критическія обстоятельства (о которыхъ онъ не упоминалъ не только своимъ хорошимъ знакомымъ, но и Д. М. Княжевичу, пріютившему его въ Одессѣ, въ своемъ семействѣ) заставили его, безъ внимательнаго просмотра, напечатать статью въ издаваемомъ имъ сказанномъ журналѣ; только по выходѣ книжки въ свѣтъ, Надеждинъ увидѣлъ, что сдѣлалъ большой промахъ, вооружившій противъ него чуть ли не всю Москву. Дѣло пошло по жандармеріи; его императоръ сослалъ въ Усть-Сысольскъ; цензора, ректора университета Болдырева, уволили отъ должности и службы; Чаадаева признали умопомѣшаннымъ. Дѣйствительно было почти такъ, да не все. Не говоря о духѣ статьи Чаадаева, считавшаго себя почему-то обиженнымъ по службѣ, (сказываютъ за то, что не дали флигель-адъютантства, обѣщаннаго Александромъ I, но не даннаго за то, что онъ, бывъ въ 1820 г. въ ноябрѣ посланъ курьеромъ къ императору въ Троппау, съ серьезнымъ донесеніемъ о возмущеніи Семеновскаго полка, опоздалъ съ извѣстіемъ, а его предупредилъ австрійскій курьеръ къ Меттерниху, отъ

---

[1]) Н. И. Надеждинъ, сынъ священника изъ села Бѣлаго-Омута, обучался въ рязанской семинаріи, потомъ въ московской духовной академіи, откуда вышелъ магистромъ, и при посредствѣ М. Т. Каченовскаго былъ принятъ профессоромъ московскаго университета. Н. М.

котораго, будто-бы, и узналъ императоръ), въ ней заключались мысли противныя правительству и господствующей религіи, якобы стѣсняющихъ всякій умственный прогрессъ. Надеждинъ былъ, дѣйствительно, виноватъ тѣмъ: a) что хорошо зналъ и понималъ духъ статьи; b) посылая листки журнала къ цензору, написалъ, чтобы онъ не опасался: что „ихъ поддержутъ", вѣроятно, благопріятели, и c) что не спроста или по невниманію пропустилъ ее, но по разсчету. А именно вотъ какому.

Надеждинъ (не знаю точно—въ это время, или немного раньше) жилъ домашнимъ учителемъ въ домѣ богатаго московскаго помѣщика Сухово-Кобылина и давалъ уроки его несовершеннолѣтней дочери. Съ разсчетомъ или безъ разсчета, страстишки учителя разыгрывались, и кончились было тѣмъ, что дѣвушка, въ одинъ вечеръ, должна была захватить съ собой материнскій ларецъ, тихонько выдти и обвѣнчаться. Все дѣло увоза обѣщалъ устроить Чаадаевъ. Неизвѣстно, почему планъ разстроился и какъ въ семьѣ обнаружился; но Надеждинъ, именно за эту услугу, пропустилъ статью въ печать, и даже присоединилъ свое хвалебное примѣчаніе, что ей будетъ продолженіе, котораго за прекращеніемъ редакціи и журнала, разумѣется, не явилось. Вотъ какъ мнѣ все это дѣло изложилъ Ѳ. Л. Морошкинъ, жившій послѣ Надеждина въ домѣ Сухово-Кобылиныхъ. Это же подтвердилъ и А. Д. Чертковъ.

По пріѣздѣ въ Москву, первымъ дѣломъ моимъ было побывать у Черткова, Каченовскаго и графа Строгонова. Затѣмъ подалъ прошеніе въ совѣтъ университета о допущеніи меня къ диспуту на степень магистра, вслѣдствіе временнаго распоряженія министерства. Совѣтъ разсмотрѣлъ представленную ему „Исторію Генуэзскихъ поселеній въ Крыму", разрѣшилъ допустить меня къ диспуту 1-го сентября. Оппонентами были: ректоръ Каченовскій, деканъ И. И. Давыдовъ, изъ сторонніхъ Г. И. Спасскій (извѣстный авторъ „Азіятскаго Вѣстника"), знатокъ Крыма, въ которомъ онъ служилъ нѣсколько лѣтъ, да еще отставной генералъ-маіоръ Мих. Ѳед. Орловъ, братъ графа Алексѣя Ѳедоровича, авторъ соч. „О государственномъ кредитѣ" и извѣстный по дѣлу 14 декабря 1825 г. Намѣревался придти и Ю. И. Венелинъ, почтенный воскреситель болгарской исторіи, но по болѣзни не явился. Бѣдный труженикъ въ это время

озлобленъ былъ почти на весь ученый московскій міръ, за мнимыя или истинныя преграды, ему, будто-бы, поставляемыя. Диспутъ мой кончился тѣмъ, что меня признали магистромъ; но почему именно „философіи“, какъ о томъ напечаталъ совѣтъ въ дипломѣ, не понимаю. Развѣ историческія свѣдѣнія не та же наука? При прощаніи, между прочимъ, А. Д. Чертковъ передалъ мнѣ порученіе гр. Строгонова: не пожелаю ли я перейти преподавателемъ въ университетъ, съ тѣмъ, чтобы я прежде съѣздилъ для усовершенствованія заграницу, разумѣется, на счетъ московскаго университета. Съ удовольствіемъ я бы принялъ предложеніе, но положительнаго отвѣта не далъ, не переговоря съ Д. М. Княжевичемъ, показавшимъ мнѣ столько ласки и довѣрія. Каченовскому на вопросъ: правда ли, что попечитель Княжевичъ беретъ себѣ помощникомъ въ Одессу Надеждина, отвѣчалъ: не знаю. Тогда Каченовскій пожалѣлъ о столь слѣпо вѣряющемся добромъ человѣкѣ.

„Онъ ко мнѣ подъѣхалъ,—сказалъ Каченовскій — вмѣшался въ редакцію издаваемаго мною „Вѣстника Европы“, и своими грубыми и опрометчивыми статьями ввелъ меня въ ссору почти со всѣми журналистами, такъ что я вынужденъ былъ „Вѣстникъ“, и безъ того уже несоотвѣтствующій духу времени—прекратить. Это boa constrictor!“

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XVIII[1]).

Возвращеніе Никол. Никиф. Мурзакевича въ Одессу.—Новыя лица въ кружкѣ М. М. Кирьякова.—Л. М Магницкій; М. И. Топильскій; А. С. Стурдза; графъ Головкинъ.—Занятія по редакціи „Листка Общества Сельск. Хоз. Южн. Россіи", по изданію Новоросс. календаря и Одесскаго альманаха.—Заботы объ учрежденіи въ Одессѣ „Общества Исторіи и Древностей".—Одесское блестящее общество.—Вознесенскій смотръ.—Интрига гр. Витта противъ гр. Воронцова; участники въ этой интригѣ.

Въ 7 часовъ вечера того же 1 сентября (1838 г.) я былъ на дорогѣ въ Одессу. Радость моя и Кирьякова была неописанная. Добрый другъ мой сочувствовалъ мнѣ вполнѣ. Нѣжность его увеличивалась съ каждымъ днемъ. Я долженъ былъ бывать у него не только ежедневно, по вечерамъ, но и по утрамъ, въ свободное время. Иначе, онъ заходилъ за мною и бралъ въ свой семейный кругъ, который теперь украсился, кромѣ велерѣчиваго Л. М. Магницкаго и А. С. Стурдзы, харьковскимъ попечителемъ, графомъ Юр. Алекс. Головкинымъ, пріѣхавшимъ сюда для переговоровъ съ Княжевичемъ на счетъ обмѣна ихъ округовъ. Съ 7 часовъ и до 11 вечера этотъ гость былъ ежедневнымъ. Семейства Лачиновыхъ, Исленьевыхъ, Девіеръ—умомъ, изяществомъ манеръ

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666; т. LIV, апрѣль, стр. 129—144; іюнь, стр. 643—652.

и разговорами украшали и оживляли непринужденную бесѣду. Скажу нѣсколько словъ о Магницкомъ.

Нѣкогда сотрудникъ Сперанскаго по дѣлу преобразованія Россіи, раздѣлившій съ нимъ и изгнаніе въ дальнія губерніи, потомъ приверженецъ безусловной воли князя А. Н. Голицына, желавшаго водворить въ Россіи іезуитское вліяніе на умы юношества, чему всеусердно онъ содѣйствовалъ въ качествѣ попечителя казанскаго университета. Удаленный въ царствованіе Николая I, за своевольные распорядки, отъ должности попечителя и заточенный въ Ревель, Магницкій тамъ сдѣлался соредакторомъ страннаго журнальца „Радуга", издававшагося въ 1833 нашимъ московскимъ кандидатомъ Ан. Ив. Бюргеромъ. По ходатайству своего сына, адъютанта графа Витта, и по ходатайству князя М. С. Воронцова, Магницкій получилъ разрѣшеніе съ женою поселиться въ Одессѣ. Появленіе его въ одесскихъ кружкахъ было весьма замѣтно. Стройная, величавая фигура, складная и пріятная рѣчь показывали, что Магницкій не даромъ провелъ свою молодость при дворѣ перваго консула Франціи и императора. Набожность его, въ настоящую пору, сблизила его съ А. С. Стурдзою, также нѣкоторое время участникомъ въ государственной дѣятельности.

Стурдза, по отцу молдаванъ, по матери грекъ, соединялъ въ себѣ даръ языкознанія, краснорѣчія, съ значительною примѣсью стремленія управлять умами и волею другихъ. Отличался также греческою тонкою разсчетливостью. Чрезъ посредство старшей его родной сестры, Роксандры, любимой фрейлины императрицы Елизаветы Алексѣевны, Стурдза вступилъ въ трудно доступную фалангу дипломатовъ, въ качествѣ секретаря при статсъ-секретарѣ Іоаннѣ Каподистріи. Быстрое повышеніе въ чинахъ, неограниченная довѣренность Каподистріи сдѣлали 25-лѣтняго юношу вліятельнымъ человѣкомъ и участникомъ въ составленіи извѣстнаго акта „Священнаго тройственнаго союза". Онъ возсѣдалъ членомъ главнаго правленія училищъ, во время министеріи князя Голицына, поддерживая его направленіе, и написалъ статейку: „Вѣра и вѣдѣніе". Съ удаленіемъ съ дипломатическаго поприща Каподистріи, кончилось и поприще Стурдзы. Въ запасѣ у него имѣлась въ виду должность одесскаго попечителя; но вступившій впослѣдствіи въ управленіе министерствомъ просвѣ-

щенія Уваровъ далекъ былъ отъ врученія фанатику учебнаго округа. Въ Одессѣ Стурдза дѣятельность свою направилъ на православіе, и особенно на укрѣпленіе его на Востокѣ, для чего много писалъ и переводилъ по гречески. Заслуги его на семъ поприщѣ, дѣйствительно, важны и полезны.

Семейство Стурдзы (вторая жена его была дочь знаменитаго доктора Гуфеланда), его сестры, въ замужествѣ графини Эдлингъ [1]), составляли другіе два круга, гдѣ слово и мысль господствовали. Въ одинъ изъ вечеровъ Стурдза прочелъ любопытный отрывокъ изъ біографіи Каподистріи, недавно убитаго въ Греціи по происканъ Англіи. Выпуска въ свѣтъ этой біографіи графъ Нессельроде не дозволилъ. Извѣстно, что Каподистрію замѣстилъ этотъ рейнскоподданный французо-нѣмецъ. Въ этомъ кружкѣ и я находилъ себѣ уголокъ.

Помню разсказъ графа Эдлинга, нѣкогда гофмейстера великаго герцога Веймарскаго, какъ Нессельроде и онъ, во время ихъ молодости, кутили, и особенно (впослѣдствіи геній науки) Гёте, который зачастую кончалъ застольную бесѣду, къ утру, подъ столомъ [2]).

Графъ Головкинъ однажды разсказывалъ, какъ онъ, будучи еще камеръ-юнкеромъ, во время загородной прогулки съ императоромъ Павломъ, вынужденъ былъ, по волѣ государя, выйти изъ экипажа и сдѣлать въ кустахъ то, что только природа повелѣваетъ. А все это произошло отъ того, что когда императоръ взглянулъ на него пристально нѣсколько разъ, то онъ поблѣднѣлъ отъ мысли, что и его императоръ подозрѣваетъ въ какомъ либо противу себя заговорѣ. Но императоръ думалъ, что у юноши болитъ животъ и потому, остановя экипажъ, велѣлъ ему выдти за

---

[1]) См. ея интересныя, къ сожалѣнію однако весьма краткія, Записки въ „Русск. Арх.“, апрѣль, 1887 г. М. С.

[2]) Въ апрѣлѣ 1887 года намъ довелось подробно осмотрѣть во Франкфуртѣ на Майнѣ домъ родителей великаго Гете,—домъ, въ которомъ онъ родился, провелъ свое дѣтство и гдѣ до 1824 года жила его мать. Этотъ домъ, купленный цѣлымъ обществомъ, хранящимъ дорогую для всего свѣта намять Гете, соединилъ въ себѣ множество вещей, книгъ, портретовъ, автографовъ, гравюръ, картинъ, утвари, платья—до дѣтскихъ рубашечекъ матери поэта,—словомъ все, что напоминаетъ Гете. Содержится домъ въ замѣчательномъ порядкѣ и посѣщается ежедневно. Когда-то у насъ явится такое почитаніе памяти нашихъ лучшихъ писателей и подвижниковъ науки! М. С.

кусты, а потомъ снова принялъ въ экипажъ. О многомъ современномъ разсказывалъ графъ Головкинъ, но ни слова о неудачномъ посольствѣ въ Китай. Старикъ этотъ, полюбя Кирьякова, неоднократно предлагалъ ему мѣсто помощника при себѣ по харьковскому университету; но семейный Кирьяковъ, привязанный къ обширному помѣстью, поблагодарилъ за почесть, больше же потому, что въ Дероберти и полькѣ Мазоневской не хотѣлъ имѣть ни своихъ покровителей, ни руководителей, подобно сладострастному графу Головкину. Съ немалымъ удивленіемъ узналъ я, что русскій баринъ гр. Головкинъ былъ реформатскаго исповѣданія.

Много было мнѣ занятій въ эту зиму. По лицею приготовленіе лекцій студентамъ; Княжевичу вспомоществованіе: 1) по взятой имъ редакціи „Листка общества сельскаго хозяйства южной Россіи", учрежденнаго въ 1828 г., 2) по издаваемому въ этотъ годъ Одесскому альманаху, 3) по Новороссійскому календарю, который, по предварительно испрошенному мною согласію князя Михаила Семеновича Воронцова, былъ оффиціально переданъ въ вѣдомство лицея, подъ условіемъ, чтобы на выручаемую отъ календаря сумму воспитывалось нѣсколько бѣдныхъ учениковъ въ одесскомъ округѣ. Новороссійскій календарь составлялъ до того принадлежность генералъ-губернаторскую. Мало всего этого, по выѣздѣ изъ Одессы, въ свое помѣстье, секретаря общества сельскаго хозяйства П. Т. Морозова, Стурдза, какъ вицепрезидентъ этого общества, уговорилъ меня, совмѣстно съ Кирьяковымъ, хотя временно принять исправленіе должности секретаря, причемъ я былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ. Здѣсь я позналъ, что при доброй волѣ и расположеніи къ дѣятельности человѣкъ многое можетъ сдѣлать. Не блистательна была моя дѣятельность, но и не безплодна: а) По случаю совершившагося десятилѣтія сего общества, съ Кирьяковымъ, Соколовымъ я участвовалъ въ редакціи отчета и рѣчей, читаемыхъ въ чрезвычайномъ собраніи общества; б) собралъ до .....рублей недоимки, накопившейся на членахъ въ теченіи 10 лѣтъ. Въ зиму этого же года рѣшился: положительно дѣйствовать насчетъ осуществленія составленнаго мною проекта учрежденія въ Одессѣ общества исторіи и древностей. Мысль эта давно была усвоена добрымъ Кирьяковымъ, сообщалась даже

въ 1836 г. пресловутому градоначальнику А. И. Левшину и многоглаголивому Стурдзѣ; но, кромѣ словъ одобренія, дѣла не было сдѣлано. Имѣя нравственную подпору въ одобреніи покойнаго митрополита Евгенія, опираясь на энергію Кирьякова, Княжевича, какъ будущихъ членовъ основателей общества, присоединивъ сговорчиваго Стурдзу и даже (для облегченія бюрократическаго хода) А. Я. Фабра, я, начертивъ программу будущаго общества, пустилъ ее въ ходъ. Сочувственнѣе проэктъ принялъ Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ. Между тѣмъ, буквально день и ночь я трудился надъ составленіемъ Новороссійскаго календаря на 1839 годъ. Мнѣ желалось показать, какою должна быть эта настольная книга, полезная для всякаго человѣка. Кромѣ нѣсколько чужихъ оффиціальныхъ статей и таблицъ, все остальное было собрано мною изъ разныхъ источниковъ и даже переписано. 20 декабря явилось въ свѣтъ мое дѣтище: пріемъ публики былъ самый благосклонный, напечатанные 700 экземпляровъ разошлись въ двѣ недѣли. Успѣхъ для провинціальнаго календаря необычайный.

Конецъ стараго и начало новаго 1839 года встрѣтилъ я на блистательномъ общественномъ балѣ, въ городской биржѣ. Въ это время Одесса находилась въ апоѳеозѣ своего блеска и величія. Общество графа М. С. Воронцова составляли: князь Вас. Серг. Голицынъ, женатый на рожденной Нарышкиной, а по первому мужу Аркадію — Суворовой-Рымникской; семейство бездѣтное, обѣднѣвшее, жившее крохами домовъ Нарышкина и Воронцова. Графъ ..... Апраксинъ съ молоденькою дочерью, промотавшійся баринъ, впрочемъ державшій гаремъ. Графъ Ник. Алекс. Самойловъ, Алкиніадъ нашего времени, и его сестра Ел. Ал., въ замужествѣ Донецъ-Захаржевская, отлично образованная, любезная, умная, но крайне некрасивая дама. Левъ Алекс. Нарышкинъ богатый, тщеславный баринъ, въ началѣ пріятель графа Воронцова, послѣ сильно противъ него интриговавшій; графъ и графиня Эдлинги; скупой А. С. Стурдза. Въ кругъ этотъ ворвался смѣлый, дерзкій, умный нахалъ Ѳед. Мих. Гамалей, въ началѣ управляющій таможнею, а послѣ предсѣдатель коммерческаго суда. Этотъ ловкій человѣкъ такъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность князя и княгини Воронцовыхъ, Нарышкиныхъ, Стурдзы и Эдлингъ, что нѣкоторое

время чуть не считался другомъ каждаго дома. Но утайка денегъ, которыя ему поручили послать за границу роднымъ Нарышкиной, всѣхъ охладила къ нему. За захватъ денегъ коммерческаго суда, онъ попалъ сначала въ тюремное заключеніе, а потомъ въ кіевскую крѣпость. Деньги же похищенныя взыскали съ купцовъ. Нѣсколько позже изъ Петербурга явился Исленьевъ, въ качествѣ одесскаго откупщика. Роскошью и блескомъ Исленьевъ старался затмить Воронцова и Нарышкина, не надолго, однако. Чрезъ десять лѣтъ онъ обанкротился, умеръ и семейство свое оставилъ въ крайней нищетѣ.

Кромѣ еженедѣльныхъ вечеровъ, по понедѣльникамъ у князя Воронцова собирался весь городъ; бывали назначенные вечера у Нарышкина, Эдлингъ, Кирьякова, Захаржевской, графини Мануцци. Какъ бы свиту дома кн. Воронцова составляли: Марини, Зонтагъ (женатый на родной сестрѣ В. А. Жуковскаго), докторъ Проутъ и правитель канцеляріи Мих. Ив. Лексъ, гостепріимный и радушный у себя хозяинъ.

Около 1835 г. поселилась въ Одессѣ извѣстная Марья Антоновна Нарышкина, рожденная княгиня Четвертинская. Почтительный ея племянникъ, Л. А. Нарышкинъ, съ ужасомъ разсказывалъ, что эта заслуженная дама должна умереть съ голоду, поелику императоръ Николай пенсію ея, положенную Александромъ I, съ 500,000 руб. асс. низвелъ до 100,000 руб. При Нарышкиной находился ея фаворитъ, нѣкогда флигель-адъютантъ, а теперь генералъ-маіоръ Брозинъ. Когда отстраивали для Нарышкиной купленный у Шидловскаго домъ на бульварѣ, въ то же время на другой половинѣ бульвара былъ воздвигнутъ огромный домъ для Брозина, что теперь иностранца Порро.

Послѣ 1837 года Нарышкина, Нарышкинъ, Брозинъ, Апраксинъ выѣхали за границу; блескъ городскаго общества мало по малу сталъ потемняться. Пріѣзжіе изъ Москвы Бобринскіе и изъ Петербурга Лачиновы не могли поддержать прежняго величія.

Съ выѣздомъ князя Воронцова на Кавказъ, Одесса окончательно вступила въ колею обыкновеннаго губернскаго города, съ нѣкоторою подмѣсью грековъ, до сего незамѣтныхъ и не очень уважаемыхъ. Богатые евреи въ сказанныхъ выше кругахъ тоже не терпѣлись. Князя Воронцова не было въ Одессѣ; онъ, вскорѣ по открытіи въ городѣ, послѣ чумы, свободнаго сообщенія,

уѣхалъ въ отпускъ въ Англію, для подкрѣпленія силъ, утомленныхъ тревогою по случаю бывшей эпидеміи и Вознесенскимъ смотромъ.

Всѣмъ извѣстно, изъ газетныхъ разсказовъ, о тѣхъ чудесахъ, которыя изобрѣтательный графъ Виттъ творилъ на этомъ историческомъ смотру. Болѣе 150 тысячъ кавалеріи и артиллеріи было собрано въ окрестности военнаго города Вознесенска, на р. Бугѣ. По мановенію чудодѣйственной руки графа Витта (вѣрнѣе—генер. Герштенцвейга) явился новый городъ съ домами, дворцемъ, театромъ, садъ огромный и даже лѣсъ; въ домахъ мебель, сервизы, обѣдъ и пр. Явилось, короче сказать, все то, что въ сказкахъ сказывается о „салфеткѣ невидимкѣ“: приди, ѣшь, ней и веселись! И все это, по словамъ начальника всей резервной поселенной кавалеріи, дѣлалось на счетъ собственныхъ средствъ поселеній, поставленныхъ въ хозяйственной части въ блистательное положеніе! Со всей почти Европы съѣхались герцоги, принцы, князья, со всѣхъ концевъ Россіи—генералы, въ числѣ ихъ и А. П. Ермоловъ. Маневрами, праздниками, фейерверками, гимнами, пѣтыми тысячею кантонистовъ, перегоняемыми съ мѣста овечьими стадами и валовыми парками, императоръ Николай былъ очарованъ. Предъ нимъ въ это время на первомъ планѣ былъ не фельдмаршалъ Паскевичъ или кн. Воронцовъ, но графъ Виттъ,—герой дня, еще до Вознесенскаго смотра устраивавшій подземныя мины, чтобы въ одно пріятное утро взорвать на воздухъ князя Воронцова, и потомъ занять мѣсто Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора. Послѣ побывки графа Витта, весною 1837 года, въ С.-Петербургѣ, на сѣдую голову кн. Воронцова посыпались обличительные военные приказы: a) что всѣми военными въ Одессѣ не соблюдается положенная форма, и князь немедленно, вмѣсто удобной фуражки, надѣлъ неуклюжую треугольную шляпу съ пѣтушьимъ султаномъ; b) что военные избѣгаютъ ношенія шпоръ; князь и его свита надѣли шпоры и носили ихъ даже на танцовальныхъ вечерахъ. Наконецъ, c) особое новелѣніе: такъ какъ съ нѣкотораго времени Одесса и Новороссійскій край сдѣлались притономъ поляковъ, желающихъ изъ Одессы сдѣлать пограничный передаточный пунктъ, то всѣхъ служащихъ поляковъ уволить и впредь такихъ на службу въ Новороссіи не принимать. Эту мѣру

Тогда императоръ, показавъ письмо, сказалъ: „а это что?“

Находчивый Виттъ, узнавъ письмо по почерку, отвѣчалъ:

— В. в., это пишетъ ко мнѣ помѣшанный Чирковичъ, котораго я держу при себѣ по человѣколюбію!

Это слышалъ я отъ самого Чирковича, человѣка дѣльнаго, дѣятельнаго и очень тонкаго. Чирковичъ въ 184... году умеръ бессарабскимъ вице-губернаторомъ; вдова его, поселясь въ Парижѣ, вышла вновь замужъ за извѣстнаго Jacob bibliophile (Paul La-Croix).

Истекающій годъ завершился тѣмъ, что министръ Уваровъ непосредственно отъ себя утвердилъ меня въ степени магистра и адъюнктомъ лицея.

XIX.

Опасная болѣзнь М. М. Кирьякова.—Утвержденіе устава Одесскаго общества Исторіи и Древностей (1839 г.) и первые его члены.—Командировка, по высоч. повелѣнію, въ крѣпость св. Димитрія Ростовскаго, для разбора стариннаго архива.—Возвращеніе въ Одессу и кончина М. М. Кирьякова.—Высоч. указъ о предоставленіи Одесскому обществу Ист. и Древн. права дѣлать археологическія изысканія.—Возрастающее вліяніе Надеждина на одесск. попеч. Княжевича; отъѣздъ послѣдняго заграницу.—Поѣздка Н. Н. Мурзакевича по Бессарабіи.—Еврей-каранмъ А. Фирковичъ.—А. Ѳ. Негри.—В. В. Григорьевъ.—Назначеніе помощникомъ попечителя В. Н. Карлгофа.—Утвержденіе Н. Н. Мурзакевича въ должности профессора лицея по каѳедрѣ россійской исторіи и статистики.—Изданное имъ описаніе одесскаго музея: «Descriptio Musei publici Odessani, pars I, continens numophylacium Odessanum.»

Первые два мѣсяца 1839 года употреблены были на составленіе устава общества древностей; проэктъ, написанный мною, разсмотрѣли и, гдѣ нужно, измѣнили или пополнили Кирьяковъ, Стурдза и Княжевичъ. Фабръ отдѣлался свойственными ему, дешево стоющими, хвалебными фразами. Проэктъ устава общества, чрезъ посредство Княжевича, какъ попечителя здѣшняго учебнаго округа, былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія, 25 марта имъ утвержденъ и возвращенъ. Въ то самое время, когда наше задушевное дѣло осуществлялось и когда предполагалось столько взаимной радости, Провидѣнію угодно было поразить тяжкою печалью всѣхъ знавшихъ и любившихъ Кирьякова,

а ихъ было такъ много! Въ день свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, 26 марта, на заутрени, обнаружились у Михаила Михайловича грозные признаки опасной болѣзни, чахотки, горловое кровотеченіе. Сколько совѣтъ медиковъ ни обнадеживалъ больнаго и меня (я терялъ друга), внѣшнее мое хладнокровіе и указаніе на самого себя, страдающаго иногда кровохарканьемъ, имѣли временное, успокоительное дѣйствіе на больнаго; но часто повторяющіеся кровавые пароксизмы, не замѣчаемые малоопытнымъ молодымъ докторомъ Дитерихсомъ, избраннымъ самимъ больнымъ, все-таки изнуряли натуру слабую съ самаго дня рожденія.

Предварительныя собранія членовъ-основателей общества были произведены безъ Кирьякова, горько о томъ соболѣзновавшаго. Затѣмъ и торжественное открытіе общества, происходившее 23 апрѣля, совершилось безъ Михаила Михайловича. Елей его жизни, исполненной добра, видимо, изсякалъ. Какъ тяжело видѣть потерю намъ любезныхъ! На первую пору и утѣшенія религіи безплодны.

Начало общества было ознаменовано общимъ сочувствіемъ публики. Всякій старался принесть свою лепту въ даръ обществу, не имѣющему капитала. Кирьяковъ первый подписалъ 500 рублей, Княжевичъ, Стурдза, Негри, я, каждый далъ по своимъ средствамъ, одинъ лишь Фабръ старался не понимать общихъ намековъ.

Вотъ имена первоизбранныхъ членовъ общества:

Архіепископъ херсонскій Гавріилъ, бессарабскій губернаторъ П. И. Ѳедоровъ, одесскій губернаторъ графъ А. П. Толстой, ректоръ одесской семинаріи архим. Порфирій, дѣйств. ст. сов. А. Ѳ. Негри, археологъ А. Ѳ. Панагіодоръ-Никовулъ, А. А. Скальковскій, надв. сов. С. В. Сафоновъ, колл. ассес. Д. В. Корейша, директоръ одесскаго городскаго музея А. Ф. Спада, чиновникъ Г. И. Соколовъ, преподаватель восточныхъ языковъ В. В. Григорьевъ, учитель греческой школы М. Г. Палеологъ, голландскій консулъ Э. В. Тетбу-де-Мариньи. Иногородные: князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, А. И. Левшинъ, М. Т. Каченовскій, П. И. Кеппенъ, М. П. Погодинъ, И. М. Снегиревъ, М. А. Максимовичъ, Ѳ. Ѳ. Фрейтагъ, баронъ С. И. Шодуаръ, Н. М. Кумани, Х. Д. Френъ, В. М. Княжевичъ, С. Ю.

Дестунисъ. Членами заграничными—знаменитые П. І. Шафарикъ [1]) въ Чешской Прагѣ и пресвитеръ Константинъ Икономосъ въ Аѳинахъ. Были избраны также почетные члены, корреспонденты. Основатели общества, въ выборѣ сказанныхъ лицъ, надѣялись найти полное содѣйствіе и сочувствіе къ своимъ цѣлямъ и, должно правду сказать, въ ожиданіяхъ наибольшею частью не обманулись. Всякій старался служить обществу словомъ или дѣломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, протекъ первый годъ существованія общества, котораго почетнымъ президентомъ, президентомъ, вице-президентомъ и секретаремъ были единодушно избраны: князь М. С. Воронцовъ, Д. М. Княжевичъ, А. С. Стурдза и я.

По совѣту злосчастнаго доктора, моего дорогаго Михаила Михайловича увезли въ его Ковалевку, а меня, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, командировали въ упраздненную крѣпость св. Дмитрія Ростовскаго, что на Дону, неподалеку отъ уѣзднаго города Ростова (Екатеринославской губерніи), для разбора стариннаго архива. Всю суматоху, не стоющую свѣчъ, заварилъ балагуръ предсѣдатель екатеринославской палаты государственныхъ имуществъ, нѣкто Гладкій, и, кажется, еще екатеринославскій губернаторъ Пеутлингъ, вслѣдствіе убѣжденія чиновника Аѳанасьева, удивлявшагося драгоцѣнности архива, и вслѣдствіе того перепортившаго многія кипы дѣлъ, вырывая изъ нихъ листы, казавшіеся ему важными. Гладкій, въ проѣздъ Княжевича чрезъ этотъ городъ, наговорилъ кучу коробовъ, что въ дмитріевской гауптвахтѣ, заваленной старыми дѣлами, среди ихъ имѣются собственноручныя бумаги Петра І, по случаю азовской осады, множество бумагъ Ласси, Миниха, Суворова и др., могущихъ пролить новый свѣтъ на дѣянія сихъ лицъ. Довѣрчивый Княжевичъ донесъ министру Уварову, а тотъ снесся съ военнымъ министромъ и, такимъ образомъ, изъ С.-Петербурга для розысканій былъ посланъ

---

[1]) Чрезъ посредство М. М. Кирьякова, бывшаго въ другой разъ въ Карлсбадѣ, началось у меня письменное знакомство съ Шафарикомъ. Онъ въ это время трудился надъ „Древностями славянъ“, а я ему постоянно, даромъ, высылалъ необходимыя русскія книги. Переписка обоюдная продолжалась .... лѣтъ. Собраніе его писемъ я храню. Н. М.

генеральнаго штаба капитанъ Л. П. Батюшковъ, а я—со стороны учебнаго вѣдомства.

21 мая я пустился въ путь, среди разлива рѣкъ и рѣчекъ; въ Базавлукѣ едва не утонулъ, и по осмотрѣ екатеринославской и таганрогской гимназій мы оба въ одинъ день съѣхались въ Ростовѣ. На утро пошли смотрѣть чудо. Въ заброшенной кордегардіи, начиная отъ дверей, сверху и до полу лежали туго натыканныя кипы бумагъ, примѣрно до 15 тысячъ. Сначала я, по крайней мѣрѣ, порадовался, что будетъ жатва великая; но взявъ для пробы, на квартиру, нѣсколько десятковъ (называемыхъ бюрократами) „дѣлъ“ и нерелистовавъ цѣлый день, въ этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, ничего не нашелъ достойнаго вниманія. Это были обыкновенныя гарнизонныя и полковыя дѣла: приказы, строевыя вѣдомости, рапорты о продовольствіи и т. п. Тутъ насъ взяло горе: за такою дрянью намъ приходилось жить, почти въ захолустьи, по крайней мѣрѣ, годъ. Время и порядочныя деньги никакъ не могли окупиться находками. Унылые и обезнадеженные, мы дали себѣ слово работать, елико возможно неутомимо, чтобы по пустякамъ не заживаться. Казаки кипами сносили къ намъ дѣла; мы, буквально день и ночь, перелистывали и что-либо достойное вниманія, историческое, вынимали изъ дѣлъ (какъ было разрѣшено) и составляли имъ особые списки. Ни одной бумаги не оказалось руки Петра I, никакого свѣдѣнія объ азовской осадѣ, ни почерка Ласси; только нѣкоторые приказы за подписью Миниха, нѣкоторыя распоряженія по рѣкѣ Кубани графа Суворова. Все остальное касалось гарнизонныхъ баталіоновъ и кантонистовъ. Зерно къ зерну нанизывая, мы едва набрали 700 №№ годныхъ къ отправленію въ генеральный штабъ. Только въ праздничные дни дозволяли себѣ развлеченіе въ Ростовѣ,—городѣ, со дня на день развивающемся торговлею. Городъ этотъ уже имѣлъ свою будущность. Въ такіе дни я съ добрымъ своимъ товарищемъ ѣздили въ Азовъ, гдѣ ничего петровскаго не нашли, тѣмъ болѣе турецкаго или древняго венеціанскаго. Вѣроятно, Веницейская Тана была въ иномъ мѣстѣ.

Когда разборъ приближался къ концу, 7 іюля я получаю горькую вѣсть изъ Одессы отъ Г. И. Соколова, что нашъ другъ Кирьяковъ въ городѣ, безнадеженъ и желаетъ меня видѣть. Разумѣется, окончаніе нѣсколькихъ десятковъ дѣлъ я поручаю

Л. П. Батюшкову, передаю ему свои замѣтки и списки, и 8-го іюля, въ полдень, скачу на перекладной. Лѣто стояло жаркое; зной безводныхъ степей, пыль, толчки перекладной и лишенія всякаго рода охватили меня. Тройка скакала до изнуренія и такимъ путемъ въ трое сутокъ я проскакалъ 742 версты. Больнаго нашелъ я близкимъ къ смерти. Недѣлю прожилъ добрый и благородный человѣкъ, и 23 іюля всѣ друзья и знающіе его искренно оплакивали. Въ Кирьяковѣ наука потеряла усерднаго дѣятеля. При его любви къ знаніямъ и его богатыхъ средствахъ, онъ обѣщалъ принесть много добра просвѣщенію. Городъ лишился въ немъ гражданина, домъ котораго давно былъ центромъ мыслящихъ и образованныхъ людей; пользы и нужды Новороссійскаго края были постояннымъ предметомъ разговоровъ въ его кругу. Я потерялъ вѣрнаго друга и искренняго совѣтника въ моей терномъ усѣянной жизни. Напряженное состояніе во время ростовскихъ работъ, скачка на перекладной, душевныя страданія вліяли на мое здоровье: при общемъ нервномъ раздраженіи, у меня появилось усиленное кровохарканье. Мудрый совѣтъ медиковъ рѣшилъ: немедленно выѣхать изъ знойной и пыльной Одессы за границу. Но никто не подумалъ—съ чѣмъ? Имѣя 600 руб. сер., нельзя было разъѣздиться; итакъ, отдалъ я себя на волю Божію; къ тому же свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Такими, дѣйствительно, явились: семейство Лачиновыхъ, Авд. Дмитріевна (урожденная графиня Толстая) и добрѣйшій мужъ ея и острякъ (очень часто на свою голову), ихъ милыя дочери—всѣ обо мнѣ заботились, какъ о родномъ. Одиночество свое я утѣшалъ воспоминаніями о томъ, кого въ этомъ семействѣ всѣ такъ искренно любили. Но по пословицѣ: бѣдному не до горя! Волею-неволею долженъ я былъ войти въ служебную колею, не признающую ни потерь сердечныхъ, ни моральной неспособности къ дѣлу. Кромѣ статей (числомъ 6), составленныхъ для календаря, да коротенькаго свѣдѣнія, помѣщенныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, книгѣ XXIII (стр. 37—43) „О сербскихъ историческихъ памятникахъ“, особеннаго ничего не сдѣлалъ. Грусть часто переходила въ безсознательность; болѣзнь же сама по себѣ давала себя чувствовать.

Во время бытности князя Воронцова (до выѣзда за границу) въ С.-Петербургѣ и нахожденія Княжевича въ округѣ, я отправилъ

отъ себя князю памятную записку о нуждахъ общества; 1) о дачѣ, если не пяти, то хоть 2½ тысячъ, по примѣру иныхъ обществъ; 2) о назначеніи покровителемъ общества одного изъ великихъ князей, и 3) о предоставленіи правъ обществу на археологическія изысканія во всей южной Россіи. Не получая ни строки отъ князя, я думалъ, что записка моя брошена въ Лету; но какая же потомъ была моя радость, когда въ Одессу пришелъ высочайшій указъ сенату, отъ 14 декабря 1839 г., слѣдующаго содержанія: „Правительствующій сенатъ слушали предложеніе министра юстиціи, что министръ народнаго просвѣщенія, отношеніемъ отъ 22 минувшаго ноября, сообщилъ ему, министру юстиціи, что государь императоръ на положеніе комитета министровъ, объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства въ пособіе одесскому Обществу Исторіи и Древностей съ 1-го января будущаго года по пяти тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ и о дозволеніи оному производить археологическія розысканія во всей южной Россіи на предположенномъ основаніи, то есть на казенныхъ земляхъ, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ съ согласія владѣльцевъ, и на принятіе упомянутаго общества подъ покровительство государя наслѣдника цесаревича,—высочайше соизволилъ. О таковомъ высочайшемъ повелѣніи онъ, министръ юстиціи, предложилъ правительствующему сенату. Приказали: послать куда слѣдуетъ указъ". Теперь я могъ сказать, что упрочено общество, если не навѣчно, то надолго!....

Съ пріѣздомъ, вмѣстѣ съ Княжевичемъ, Надеждина въ Одессу (что было весною прошлаго года) въ недавно учрежденномъ обществѣ нашемъ уже начались проявляться признаки внутренняго раздора. Не знаю положительно для какихъ цѣлей добрый Княжевичъ затѣялъ поѣздку за границу, быть можетъ, и для свиданія съ своею роднею, австрійскими сербами, находящимися тамъ на службѣ. Не владѣющій ногами Надеждинъ тоже пожелалъ съѣздить, можетъ быть, съ медицинскою цѣлію; но не имѣя ни копѣйки собственныхъ денегъ, изобрѣтательный умъ его открылъ источникъ — Общество Исторіи и Древностей, только что надѣленное ежегоднымъ пособіемъ изъ казны по 5,000 асс. Плодовитый авторъ подалъ записку Княжевичу (у котораго уже съ ранняго утра и до ночи сталъ возсиживать и исподволь

вмѣшиваться въ дѣла учебнаго округа) о необходимости и пользѣ, для одесскаго общества древностей, путешествія по южно-славянскимъ землямъ, съ выдачею ему на то 2,000 р. асс. Должно замѣтить при этомъ, что новорожденное общество не имѣло своего угла, ни библіотеки, ни кабинетовъ. Вице-президентъ Стурдза воспротивился; но прочіе члены, явившіеся въ засѣданіе, большею частію члены лицейскаго сословія, предложеніе своего президента-нѣчальника съ выдачею (сверхъ вышеприведенной суммы) еще 350 руб. на покупку книгъ апробовали. Стурдза при семъ поступкѣ лицейскихъ основательно выразился: „страха ради іудейска“. Надеждинъ восторжествовалъ; но доселѣ добрыя взаимныя отношенія Княжевича со Стурдзою замѣтно ослабѣли.

Поѣздка Княжевича за границу сопровождалась вмѣстѣ осмотромъ учебнаго округа: волею-неволею я долженъ былъ съ попечителемъ дѣлать испытанія учениковъ въ кишиневской гимназіи и училищахъ, лежавшихъ по дорогѣ къ Скулянамъ. Спутникомъ моимъ былъ оріенталистъ В. В. Григорьевъ. Свернувъ съ большой дороги въ сторону, мы прогостили довольно шумно въ Гиржевскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ въ это время былъ архимандритъ Спиридоній Филипповичъ, нѣкогда дѣятельный агентъ въ пользу соединенія Сербіи съ Россіею въ 1806—1812 годахъ, за что и преукрашенъ былъ разными крестами, звѣздою Владиміра 2-й степени и пенсіею. Заѣзжали въ Унцештскую долину; тамъ я мысленно поклонился мѣсту, гдѣ 5 октября 1791 года умеръ славный князь Потемкинъ-Таврическій. Богатѣйшіе помѣщики Браницкіе, получившіе послѣ него огромное состояніе, почтили мѣсто кончины государственнаго мужа дешевенькимъ обелискомъ и домишкомъ для сторожа; странствующій же Надеждинъ положилъ неувядаемый вѣнокъ „сыну счастья, славы!“ въ двухъ его прекрасныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Новороссійскомъ Альманахѣ на 1840 годъ: а) Поѣздка по Бессарабіи, и в) Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій.

Скромныя засѣданія общества въ 1840 г. ознаменовались еще продѣлкою одного спекулянта, еврея-караима А. Фирковича, которому, по случаю нечаянныхъ находокъ древне-еврейскихъ рукописныхъ библій, общество дало порученіе, совмѣстно съ таврическимъ губернаторомъ и караимскимъ обществомъ, отыскивать подобныя въ Крыму и на Кавказѣ. Своевольный жидъ

сталъ дѣлать на имя общества долги, противъ чего горячо возсталъ Стурдза и предложилъ его къ увольненію изъ корреспондентовъ; но прочіе члены удержали протежированнаго Княжевичемъ. Гораздо позже, а все-таки Фирковичъ предъ обществомъ оказался полнымъ и дерзкимъ мошенникомъ, о чемъ скажу въ свое время.

На засѣданіяхъ общества удалось мнѣ хорошенько узнать А. Ѳ. Негри. Этотъ человѣкъ, хотя и былъ молдаво-влахъ, или фанаріотъ по рожденію (былъ женатъ на дочери валахскаго господаря Константина Ипсилантія, сестрѣ извѣстнаго этериста Александра), но по душѣ былъ истый русскій, честный, благородный, пріятный и добродушнѣйшій, хорошій оріенталистъ и и страстный волокита около хорошенькихъ женщинъ. Все, что попадалось въ общество оріентальное, передавалось ему и имъ немедленно переводилось. Другой оффиціальный лицейскій нашъ оріенталистъ Григорьевъ, ученикъ остряка Сеньковскаго, не смотря на способности и знанія, по сознаваемой имъ самимъ лѣности, обществу менѣе былъ полезенъ. Въ этомъ году дѣло списанія бахчисарайскихъ надгробныхъ ханскихъ надписей, начатое по моей запискѣ, кончено г. Борзенкомъ и представлено обществу. Григорьевъ находилъ редакцію ихъ негодящеюся, а знаменитый Х. Д. Френъ объявилъ заслуживающею похвалы и изданія въ свѣтъ. Вотъ и выходитъ, что умъ хорошъ, а два — лучше! За отсутствіемъ Княжевича, я издавалъ за него „Листки общества сельскаго хозяйства южной Россіи“; хлопотунъ отвѣтственный редакторъ и за границею суетился объ исправномъ выходѣ нумеровъ. Изъ различныхъ свойствъ Княжевича, страсть къ редакціи чего-либо, а особенно страсть къ держанію корректуры, была безграничная. Когда бы ни явилась корректура: за чаемъ, обѣдомъ, дѣлами, ночью, неугомонный редакторъ не откладывалъ ея ни на часъ. Ничѣмъ особенно нельзя было ему угодить, какъ доставивъ, что попало, прокорректировать; это зналъ онъ самъ и охотно самъ надъ собою подсмѣивался. За то онъ не давалъ покоя и другимъ. Мало того, что я просиживалъ у него по пол-дня, бѣдные служители 6—7 разъ въ день приносили мнѣ корректуру на квартиру. Сначала я тяготился всѣми безотлагательными порученіями Дмитрія Максимовича, но потомъ, мало по малу, привыкъ и втянулся. И мнѣ ни почемъ стало среди сна встать,

прочесть или написать и снова заснуть. Пылкая нетерпѣливость Княжевича во всякомъ дѣлѣ сглаживалась его добротою; немногіе могутъ пожаловаться на его злопамятность, но многіе могутъ разсказать про его, иногда, бѣшенную вспыльчивость, кончавшуюся самымъ добродушныхъ настроеніемъ. Характеръ его всегда веселый, живой, сталъ замѣтно исподволь портиться, сколько отъ разстройства его домашнихъ финансовыхъ дѣлъ, столько и отъ г. Надеждина, день ото дня болѣе и болѣе вмѣшивавшагося въ служебныя дѣла попечительскія. По уставу лицейскому, при попечителѣ округа полагался помощникъ; вотъ цѣль, къ которой дѣлалъ фланговое движеніе бывшій профессоръ. До отъѣзда за границу, въ бытность Княжевича (съ Надеждинымъ) въ Крыму, первый изъ нихъ даже заговорилъ съ княземъ Воронцовымъ о необходимости ему имѣть помощника, и что такимъ былъ бы хорошъ г. Надеждинъ; но для сего нужно было склонить министра Уварова (крайне недовольнаго на Надеждина за чаадаевскую статью). На это князь сухо отвѣчалъ: „я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла!“ — Все это передалъ мнѣ самъ Княжевичъ.

Для поправленія моего здоровья, по выѣздѣ Княжевича за границу, я остался на недѣлю въ Кишиневѣ, гдѣ любезный начальникъ области П. И. Ѳедоровъ сдѣлалъ мнѣ большое удовольствіе, доставивъ случай видѣть лѣсную часть Бессарабіи, уѣзды Кишиневскій и Орхейскій, имѣющіе въ себѣ остатки великолѣпныхъ лѣсовъ, нѣкогда извѣстныхъ подъ именемъ „Кодръ“, въ которыхъ въ древности важивались и зубры, и исполинскія змѣи (древнія Tiphо Nevrorum). Поѣздка была сколько пріятна, столько и полезна для моего здоровья, преимущественно для разстроенной груди.

Наступившее лѣто я проработалъ въ приготовленіи матеріаловъ для календаря на 1840 годъ. Имѣя и еще довольно свободнаго времени, помогалъ А. С. Стурдзѣ въ держаніи корректуры его сочиненія: „Письма о должностяхъ священнаго сана“, и могъ порядочно отъ начала до конца передѣлать: „Статистическое описаніе таганрогскаго градоначальства“, для календаря, а для журнала своего министерства—написать статейку: „Письменные памятники Тохтамыша“ (кн. XXVIII, стр. 143). Ее написалъ

я съ цѣлію ознакомить русскихъ съ татарскими документами, въ изобиліи находящимися въ Крыму, въ тамошнемъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. Отсюда мнѣ было прислано 36 ярлыковъ подлинныхъ, вмѣстѣ съ русскими переводами оріенталиста Ярцева. Независимо отъ полученныхъ, множество находилось въ рукахъ крымскихъ мурзъ. Отъ мурзы Аргинскаго въ то-же время досталъ сокращеніе крымской исторіи на турецкомъ языкѣ. Сдѣлавъ распоряженіе о списаніи копіи для библіотеки общества, передалъ ее сначала В. В. Григорьеву, потомъ А. Ѳ. Негри, и уже этотъ сдѣлалъ изъ нея любопытное извлеченіе, помѣщенное въ I томѣ Записокъ общества. В. В. Григорьевъ располагалъ было издать въ свѣтъ крымскіе ярлыки и даже написать исторію хановъ; но почему-то это полезное дѣло не состоялось.

Но возвращаюсь къ лицею. Это учрежденіе, какъ хорошо заведенная машина, пошло въ ходъ; ученье преподавалось сколько возможно современнѣе, въ уровень съ требованіемъ науки. Профессора добросовѣстно и охотно дѣлали свое дѣло; умножались слушатели и умножалось со дня на день довѣріе и расположеніе публики къ лицею. Честь всего этого принадлежала Дмитрію Максимовичу. Путешествуя за границей, онъ заботливо, глазомъ хозяйскимъ, слѣдилъ за всѣмъ, что̀ дѣлалось въ лицеѣ. При охотѣ его, послѣ корректуры, писать письма, разумѣется, почти всѣ члены лицея получали отъ него письма, письмеца, записки, записочки, замѣтки. Въ это же время онъ выработалъ проэктъ учрежденія при лицеѣ камеральнаго отдѣленія, который въ 1842 г. осуществился. Вѣроятно, слухи, наконецъ, достигли до С. С. Уварова, о сильномъ вмѣшательствѣ въ дѣла лицея и округа, умнаго, ученаго, дѣльнаго, но, къ несчастью, не всегда добросовѣстнаго, Надеждина, и министръ, чтобы отклонить попечителя отъ совѣтовъ человѣка, не нравившагося правительству, безъ всякаго участія Княжевича, перевелъ изъ Кіева тамошняго помощника попечителя, В. И. Карлгофа, въ этомъ же званіи, въ Одессу. Такое назначеніе сильно не понравилось Княжевичу, и онъ писалъ намъ, что къ мѣсту не возвратится. Но судьба распорядилась иначе. Карлгофъ,—нѣмецъ, умный, добрый и въ сердцѣ истинно русскій,—къ прискорбію, прибылъ больнымъ чахоткою въ такой степени, что весною слѣдующаго

года умеръ. Сожалѣніе о благородномъ человѣкѣ было общее. Карлгофъ нѣсколько былъ извѣстенъ въ русской литературѣ своими повѣстями.

По смерти мужа, молодая жена уѣхала въ С.-Петербургъ, а оттуда въ Москву и тамъ вышла замужъ за человѣка, фамилію котораго можно читать и прямо, и наоборотъ (Драшусовъ-Suchard). По желанію попечителя, старавшагося поставить лицей на степень близкую къ университету, я, владѣя богатымъ матеріаломъ, набраннымъ и въ этомъ году въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, читалъ студентамъ, по составленной программѣ, курсъ „русскихъ древностей", вслѣдъ за чтеніемъ русской исторіи, въ первомъ курсѣ; студентамъ третьяго курса читалъ русскую статистику, по матеріаламъ, изданнымъ въ Россіи и за границею. Вѣроятно, мои труды были полезны и успѣшны, потому что въ этомъ году я былъ утвержденъ профессоромъ: „Labor omnia vincit". Пріятно было мое повышеніе, но, къ горю, радость не съ кѣмъ было раздѣлить.

Годъ этотъ заключилъ я изданіемъ въ свѣтъ: Descriptio musei publici Odessani. Pars I, continens numophylacium Odessanum, второе нумизматическое произведеніе. Поводомъ къ изданію этой книжки было слѣдующее обстоятельство.

Бывшій нѣкогда адъютантомъ при дюкѣ Ришелье полковникъ Иванъ Алексѣевичъ Стемиковскій, въ 1823 году, при вступленіи графа Воронцова въ генералъ-губернаторство, представилъ дѣльную записку о пользѣ учрежденія въ Новороссійскомъ краѣ музеевъ для храненія различныхъ древностей, въ немъ часто попадающихся. Полезную мысль князь Воронцовъ въ 1825 г. осуществилъ, испросивъ у императора разрѣшеніе на счетъ казны открыть музеи въ Керчи и Одессѣ. Директоромъ обоихъ музеевъ былъ назначенъ И. П. Бларамбергъ (выходецъ изъ Голландіи), сдѣлавшійся извѣстнымъ по описанію ольвійскихъ монетъ, коллекція котораго (неполная) была куплена у него на счетъ города для одесскаго музея. По смерти его, послѣдовавшей въ 1831 г., музей керчинскій передали въ вѣдѣніе чиновнику Ашику, а одесскій—городскому библіотекарю Спадѣ. Старикъ-волокита, авторъ: Emphemerides Russes. S. Pbg. 18.., кромѣ реляцій газетныхъ о пѣвицахъ, въ монетахъ не только не понималъ

ничего, но еще раздаривалъ ихъ знакомымъ, въ томъ числѣ любителю ихъ, молодому князю В. В. Кочубею. Монеты, разныя древнія вещицы, сосуды, надписи, собранныя по распоряженію графа Михаила Семеновича въ бывшую турецкую войну Тепляковымъ, Должиковымъ и др., хранясь при библіотекѣ, въ отдѣльной комнатѣ, никому не были доступны и не имѣли каталоговъ. Князь Воронцовъ, зная мою охоту къ монетамъ, въ въ одно утро, чрезъ посредство градоначальника А. И. Левшина, предложилъ сдѣлать всему музею классификацію и описаніе. Не безъ сопротивленія со стороны Спады, я приступилъ къ дѣлу. Рисовальщикъ Бассоли дѣлалъ рисунки со всѣхъ предметовъ, я же занимался описью монетъ. Къ удивленію общему, количество монетъ и качество оказалось не великое и не важное. Услужливый Спада, какъ выше сказано, общественнымъ имуществомъ распоряжался, какъ своею личною собственностью. Сдѣланная опись всему положила конецъ безнаказанному своеволію.

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ]

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XX [1]).

Возвращеніе Д. М. Княжевича.—Непріязненныя отношенія Надеждина къ профессорамъ лицея.—Путешествіе Н. Н. Мурзакевича съ проф. Нордманомъ по южной Бессарабіи и на остр. Фидониса.—И. А. Неидовъ.—Опять поѣздка по Бессарабіи (1842 г.).—Размолвка съ Надеждинымъ.—Назначеніе частнаго пристава и питейнаго объѣздчика инспекторами гимназій.—Н. Н. Мурзакевичъ отклоняетъ отъ себя предложеніе гр. С. Г. Строгонова перейти въ московскій университетъ; назначеніе его библіотекаремъ одесской городской библіотеки и директоромъ одесскаго музея.—Надеждинъ оставляетъ Одессу. — Разстройство финансовыхъ дѣлъ Д. М. Княжевича, отъѣздъ изъ Одессы и смерть его (1844 г.). — Первый томъ Записокъ одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1845 г.).—Некрологъ Д. М. Княжевича, написанный Надеждинымъ и Григорьевымъ.—Заключительное слово о Д. М. Княжевичѣ.

Съ возвратомъ Княжевича изъ заграницы въ 1841 году хлопотня стала попрежнему. Частыя засѣданія общества, всегдашняя корректура чего нибудь отнимали у меня немало времени. Новые сотоварищи по лицею: Соловьевъ [2]), Коробкинъ [3]),

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666; т. LIV, апрѣль, стр. 129—144; іюнь, стр. 643—652; т. LV, сентябрь, стр. 477—498.

[2]) Соловьевъ, Мих. Александр. (1838—43); магистръ спб. унив., профессоръ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи права. Напечаталъ: 1) диссертацію на степень магистра—„О значеніи законовъ, Спб. 1841 г.“; 2) Рѣчь на актѣ лицея 1840 г.“, и 3) разборъ книги: „Денница новоболгарскаго образованія, В. Априлова“,—въ „Одесск. Вѣстникѣ“.

[3]) Коробкинъ, Сем. Ѳедор. (1838—40); канд. спб. унив., исправл. должн. адъюнкта россійскаго законовѣдѣнія. Кн. В. Д.

Линовскій [1]), непріятные по характерамъ и по склонности къ сплетнямъ, которыми отъ скуки забавлялся Надеждинъ, на мирный кругъ нашъ, дружный, возъимѣли дурное вліяніе. Вслѣдствіе сплетней благороднѣйшій М. Д. Деларю [2]) вынужденъ былъ оставить лицей и удалиться въ деревню. И безъ того пламенный характеръ попечителя, поддерживаемый тремя вышесказанными лицами, при посредствѣ Надеждина, дѣлался чаще и чаще непріятнѣе. Бѣдный директоръ, небойкій бюрократъ, постоянно находился въ огнѣ. Не имѣя никакихъ особенныхъ причинъ, Княжевичъ, подъ видомъ введенія своихъ правилъ для воспитанниковъ гимназіи (въ это время соединенной, по уставу, съ лицеемъ) —правилъ чисто механическихъ, поселился въ зданіи лицея. Разумѣется, пошли по городу слухи, что-де въ гимназіи что-то не ладно, поелику попечитель перешолъ туда на житье! Я же видѣлъ „ревность не по разуму“, что въ смягченныхъ словахъ передалъ по принадлежности. Но вмѣсто отвѣта Княжевичъ перевелъ разговоръ на свое семейство.

Въ наступившую вакацію бессарабскій губернаторъ П. И. Ѳедоровъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе заняться статистическимъ описаніемъ Бессарабіи. Не суля многаго, я обѣщался сдѣлать возможное по моимъ силамъ. Съ разрѣшенія министра, давшаго мнѣ право отлучаться для сего каждый разъ не болѣе мѣсяца, я пригласилъ въ Бессарабію: профессора естественной исторіи Нордмана [3]) и рисовщика Бассоли. Каждый изъ насъ обязался

---

[1]) Линовскій, Влад. Альберт. (1839—53); маг. унив. св. Влад., проф. по каеедрѣ практич. судопр. Труды его: 1) „Изслѣдованіе началъ уголовн. права по улож. царя Алексѣя Михаиловича. Одесса, 1847 г.“; 2) „Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовн. судопр. въ Россіи“,—сочиненіе, удостоенное почетнаго отзыва императорской академіи наукъ; 3) разныя статьи въ Запискахъ одесск. Общ. Итор. и Древн. и въ Одесскомъ Вѣстникѣ.

[2]) Деларю, Мих. Данил. (1837—41); переложилъ въ гекзаметры и издалъ въ Одессѣ, въ 1839 г., „Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олегова“ и помѣщалъ свои стихотворенія въ Одесскомъ Альманахѣ.

[3]) Нордманъ, Александръ Давид. (1832—49); докторъ мед. берл. унив. и канд. филос. абовск. унив., профессоръ естеств. исторіи. Труды его: 1) Symbola ad monographiam Staphilinorum, Petropoli, 1837; 2) статьи по пхеіологіи въ Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par A. Demidoff. Paris, 1840; 3) статьи въ Мемуарахъ спб. акад. наукъ и разн. статьи въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ. Кн. В. Д.

свѣдѣнія и работы по своей части доставлять лично начальнику области. Совмѣстный поѣздъ нашъ направленъ былъ прежде всего въ Кишиневскій уѣздъ. Около трехъ недѣль проѣздивши, я съ рисовщикомъ, а Нордманъ особо, наконецъ, съѣхались въ Рени, гдѣ услужливымъ и заботливымъ губернаторомъ все было приготовлено къ дальнему поѣзду — на классическій островъ Фидониса, въ древности извѣстный подъ именемъ Левки (бѣлый). Спустясь по Дунаю на большомъ катерѣ въ сопровожденіи губернаторскаго чиновника порученій, капитана В. С. Тихонова, и другихъ лицъ, мы пристали къ среднему Дунайскому устью, именуемому Сулинскимъ. Здѣсь ждала насъ мореходная лодка „Цецилія“, нагруженная въ изобиліи всякаго рода провизіею. Послѣ тихаго, благополучнаго плаванія по морю, 3-го іюня, раннимъ утромъ, вступили мы на необитаемый островъ. Единственные жители его: бѣлыя чайки, черные бакланы, да змѣи, сороканожки и друг. прыгающія и кусающія насѣкомыя. Бѣлокаменная скала саженъ 12 или 15, возвышающаяся надъ уровнемъ моря и представляющая продолговатую площадь, длиною версту и шириною около полуверсты, была покрыта густою травою и самосѣйною пшеницею. Крикомъ и хохотомъ встрѣтили насъ тысячи чаекъ, благоразумныя же змѣи старались убѣгать въ густую траву и ущелья. Остатки Ахиллесова небольшаго храма мы нашли въ разбитыхъ кускахъ, приготовленныхъ подрядчикомъ Бухтѣевымъ для постройки здѣсь морскаго маяка. Все, что имѣло архитектурную форму, я вынулъ и погрузилъ на лодку, а на мѣстѣ восхожденія на островъ велѣлъ рабочимъ копать землю. Во все пребываніе наше на островѣ собрано много различныхъ древнихъ эллинскихъ и римскихъ монетъ, рѣзныхъ камешковъ изъ колецъ, росписныхъ черепковъ отъ вазъ, нѣкогда великолѣпныхъ и другихъ мелкихъ вещей. Камень съ посвятительною надписью (Ευχαριστηριον) прежде былъ свезенъ въ Сулинскій карантинъ и оттоль отправленъ въ музей Общества. Сколько величественъ былъ видъ безпредѣльнаго моря днемъ, столько непріятны были ночлеги. Опасенія отъ укушенія змѣй и сороканожекъ (scolopendra morsitans) прерывали сонъ и безъ того легкій. Одинъ изъ спутниковъ нашихъ (И. А. Нелидовъ) былъ укушенъ сколопендрою, къ счастью безвредно. Поиски наши были-бы продолжительнѣе, но недостатокъ воды на

нашей лодкѣ, и той отъ сильныхъ жаровъ испортившейся, понудилъ насъ ускорить отплытіемъ. Добрые снарядители экспедиціи заботились о провизіи даже прихотливой, но упустили изъ виду, что и на водѣ можно умереть отъ безводья. 5 числа, вечеромъ, перебрались мы на „Цецилію“ и пустились въ обратный путь; но не тутъ-то было. Вѣтеръ, дотолѣ хотя слишкомъ слабый, но благопріятный, измѣнился въ свѣжій ZW. Скоро-ли придемъ въ Сулину? — Богъ знаетъ! — Куда-же плывемъ? — По направленію къ Варнѣ!—Нашъ дилетантъ-путешественникъ Нелидовъ, директоръ бессарабскихъ училищъ, осматривавшій Измаильское и Ренисское училища, не сказавъ никому, куда онъ отправляется, тутъ сильно призадумался. Ночью морскія небольшія волны пріятно покачивали съ боку на бокъ послушные паруса; но къ довершенію бо̀льшей пріятиости утромъ мы узнали, что плохая вода почти на исходѣ и, что важнѣе—„Цецилія“, какъ лодка перегрузная, не имѣетъ балласту: при свѣжемъ вѣтрѣ дѣло очень серьезное. На другой день вѣтеръ сталъ прежній, не дозволявшій судну лавировать. Опять вопросы: Куда идемъ? — Либо въ Варну, либо въ Константинополь!—Да намъ нужно въ Сулину! Шкиперъ съ 4 матросами, пожимая плечами, улыбались. Къ вечеру, однако, вѣтеръ умилостивился, лавировка пошла успѣшнѣе и мы къ ночи добрались до устья Сулина. По быстротѣ Дунайскаго теченія, поднимались „кошкою“, маленькимъ якоремъ, подвозимымъ впередъ и по канату притягивающимъ лодку къ себѣ. Роскошный ужинъ у начальника карантина, В. В. Соловьева, намъ сопутствовавшаго, ожидалъ насъ; пошли разговоры, смѣхъ до глубокой ночи. Мы размѣстились очень удобно; но чрезъ часъ, другой, третій, каждый изъ насъ вскакивалъ съ постели и сквозь зубы начиналъ ворчать. Это поднимали насъ знаменитые Дунайскихъ плавень комары, въ лѣтнее время носящіеся міріадами. Горе тому, кто, живя здѣсь, не имѣетъ „полога“—кисейный или другой какой либо сквозной мѣшокъ, накидываемый на постель, чтобы не пробрался комаръ. Несчастныя лошади, на карантинно-таможенныхъ кордонахъ, всю ночь бьются около курящихся кучекъ сора. Примѣры не рѣдкіе, что отбившаяся отъ кордона лошадь или корова закусывается или задушается комарами. Бывали случаи, что бѣглецы, желающіе переплыть на турецкую сторону Дуная (для

того, чтобы, возвратившись оттуда, объявить себя турецкими выходцами и тѣмъ получить свободу), заѣдались тѣми-же комарами. По невысылкѣ изъ Вилкова обѣщанныхъ лошадей, мы на другой день вынуждены были всѣ идти пѣшкомъ по сыпучему песку и густой травѣ. Переходъ отъ Сулина до Вилкова, на Килійскомъ рукавѣ Дуная, былъ около 30 верстъ. Волею-неволею поплелись. На половинѣ пути на уединенномъ рыбачьемъ хуторѣ нашли пару молодыхъ воловъ, впрягли въ повозочку и, усадя въ нее хромоногаго Нордмана и слабосильнаго итальянца Бассоли, двинулись далѣе. Въ 9 часовъ вечера прибыли на Вилковскій кордонъ. Ночевали между куревомъ, но все-таки жестоко были искусаны комарами. Утромъ двинулись въ Вилково—деревенскую Венецію: всѣ дома на водѣ. Хлѣбомъ-солью и икрою встрѣтили насъ провинившіеся вилковцы; но болѣе ихъ виноватый чиновникъ, завѣдывающій этимъ посадомъ, знавшій, что въ Вилковѣ, какъ и въ Венеціи, не водится лошадей. 11-го іюня, переправясь чрезъ Килійскій рукавъ, мы на борзыхъ коняхъ понеслись чрезъ полупустынный „Буджакъ“—Аккерманскій уѣздъ (древнее solitudines Getarum). Слѣдствіемъ нашего пѣшеходства было то, что я мѣсяцъ пролежалъ въ жестоко-воспалительной бессарабской горячкѣ, исходъ которой бываетъ часто неблагополучный. Эту мѣстность я описалъ выше.

Все, что могъ я написать для редакціи журнала нашего министерства, состояло въ статейкѣ: „О славяно-сербскомъ сборникѣ, напечатанномъ въ Венеціи Божидаромъ въ 1538 году“ (см. кн. XXXIV, стр. 49). Прочее время употреблено было на заготовленіе матеріаловъ для предположеннаго перваго тома Записокъ Общества Древностей. Программа Записокъ, пущенная въ свѣтъ и разосланная всѣмъ членамъ Общества въ половинѣ 1840 года, обѣщала многое. Чтобы ее выдержать, надлежало употребить особенныя усилія, посылать частныя и частыя письма къ членамъ и стороннимъ лицамъ, дѣлать розыски по архивамъ; справки, повѣрки, копировки и проч., дѣйствительно, были усиленныя. Видя, какъ ретиво хлопочетъ президентъ, и секретарь не сидѣлъ, сложа руки. Благодаря общему сочувствію, матеріалы прибывали постоянно. До глубокой ночи мы засиживались надъ пересмотромъ и редакціею доставленнаго. При откровенномъ, благодушномъ размѣнѣ мыслей дѣло хотя и медленно, но все-же

подвигалось, а зима и новый годъ стояли у дверей. Что-то принесетъ мнѣ новый годъ?

Наступившій 1842 годъ для меня лично былъ чуть-ли не такой, какъ и 1839 годъ: душевныя огорченія, болѣзнь усиленная, спѣшные труды и разстроенные планы.

Прежде всего началось тѣмъ, что семейство друга моего Кирьякова, по независящимъ отъ дѣтей и меня обстоятельствамъ, должно было, благодаря вмѣшательству сторонняго лица (Нисона), сперва сократить, а потомъ и разорвать наши сношенія. А я, по обѣщанію, данному покойному Кирьякову не оставлять его дѣтей безъ присмотра, только что прошлымъ лѣтомъ (вызванный въ Москву А. Д. Чертковымъ и М. Т. Качановскимъ) на приглашеніе графа С. Г. Строганова (котораго я нашелъ въ постели со сломанною ногою), перейти въ московскій университетъ, отвѣчалъ отказомъ, имѣвъ въ виду единственно дѣтей моего друга! Злой рокъ устроилъ иначе!... Къ разлитію желчи присоединилось кровохарканіе.... Что мнѣ оставалось дѣлать?... Съ тоски я пустился въ Бессарабію. Полубезпамятнаго меня нашелъ около Сатунова слѣдившій за мной, по приказанію П. И. Ѳедорова, добрый человѣкъ В. С. Тихоновъ; перевезъ онъ меня въ Измаилъ и тамъ заставилъ принять медицинскія пособія. Поправясь нѣсколько, я пустился по лѣсамъ и долинамъ богатой Бессарабіи, искалъ утѣшенія въ работѣ и не находилъ; все шло механически, холодно. Объѣхавъ многочисленные монастыри, не знаю почему пышно наименованные бессарабскою Ѳиваидою, живописные берега Днѣстра, усѣянные веселыми деревнями, и достигши до Хотина, я вернулся другою дорогою, по теченію р. Прута. Въ Одессѣ ждала меня кипа бумагъ, которыя надобно было подготовить къ первому тому, затѣмъ началось дѣло самаго хлопотливаго приготовленія Записокъ. Съ разнородными статьями возились буквально день и ночь. Лѣто Княжевичъ проводилъ на хуторѣ, устроенномъ для помѣщенія лицейскихъ воспитанниковъ,—это было около 5 верстъ за городомъ; сюда я ходилъ или ѣздилъ, на свой счетъ, съ статьями Надеждина; тамъ мы спорили, горячились и сессію кончали веселымъ хлѣбосольствомъ хозяйскимъ. До сего времени сношенія мои съ Надеждинымъ, довольно хорошія, рѣзко измѣнились вслѣдствіе неблагородныхъ дѣйствій гг. Соловьева и Линовскаго, а

еще болѣе по причинѣ затѣяннаго Надеждинымъ проекта о передѣлкѣ устава Общества Древностей, утвержденнаго 25 марта 1839 г. Кажется, задняя мысль прожектера состояла въ томъ, чтобы новою передѣлкою устава по нововводимымъ бюрократическимъ формамъ, сильно не нравящеюся вице-президенту Общества Стурдзѣ, побудить его отказаться отъ этого званія. Разумѣется, избраніе вице-президентомъ Надеждина могло совершиться при участіи лицъ учебнаго вѣдомства, состоящихъ въ качествѣ членовъ общества. На предложеніе Княжевича, сдѣланное въ засѣданіи, отсутствовавшій Стурдза письменно отвѣчалъ, что нѣтъ рѣшительно никакой настоятельной нужды въ передѣлкѣ только что утвержденнаго устава. Пошли писаться проекты, разсылаться по экстренной надобности къ членамъ, съ просьбою немедленно сообщить свои замѣчанія; затѣмъ частыя засѣданія; пренія принимали колкій оборотъ. Такъ, однажды, архіепископъ Гавріилъ рѣзко остановилъ Надеждина, неприлично выразившагося на счетъ Стурдзы: „перестаньте, замолчите! Отъ этого происходятъ всѣ ссоры и кляузы“. И ораторъ замолчалъ. Въ другое засѣданіе, на отвѣтныя замѣчанія Стурдзы на новый проектъ устава, Княжевичъ не только позволилъ себѣ, въ пылу гнѣва, сказать непочтительныя слова о рецензентѣ, но даже, къ обидѣ всѣхъ членовъ, бросилъ засѣданіе недоконченнымъ. Это происходило въ биржевой залѣ. Разумѣется, послѣ всего этого Стурдза письменно отказался отъ вице-президентства. Въ пору бурныхъ засѣданій Общества пріѣхалъ изъ Крыма князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Узнавъ все происходившее, онъ потребовалъ объясненій отъ Общества. А. Ѳ. Негри, Г. И. Соколовъ и я отправились къ князю, изложили дѣло, какъ происходило, и получили оффиціальный, назидательный совѣтъ уладить все миромъ, добавивъ: „что съ выходомъ Стурдзы Общество потеряетъ полезнаго члена“. Княжевичъ вслѣдствіе этого написалъ извинительное письмо къ Стурдзѣ, а Сафоновъ, Соколовъ и я отправились къ нему съ просьбою отъ имени князя остаться вице-президентомъ, въ чемъ Стурдза рѣшительно отказалъ, сказавъ, что не желаетъ нигдѣ встрѣчаться съ Надеждинымъ. И у Общества, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ, dentes sapientiae прорѣзывались съ болью! Вмѣсто извѣстнаго имени, кого же, наконецъ, избрали вице-

президентомъ?—Состоявшаго домашнимъ секретаремъ при князѣ Воронцовѣ, С. В. Сафонова! Сафоновъ удивился, а князь пожалъ плечами при извѣстіи о такомъ удачномъ избраніи, мимо ученаго архіепископа, оріенталиста Негри и даже архимандрита Аѳанасія, ученаго ректора семинаріи (теперешняго астраханскаго архіепископа).

Для бѣднаго директора лицея, Синицына, сверхъ двуличнаго инспектора, да г. Надеждина, прибавилось еще новое, горшее зло—вступленіе Княжевича (попечителя учебнаго округа) въ управленіе новороссійскимъ пошлиннымъ сборомъ съ ввозимой въ Новороссійскій край водки!... Какъ ни было неприлично сочетаніе такихъ двухъ занятій (даже вопреки изреченію Гоголя: „ученый человѣкъ не можетъ быть не пьяница"), но крайняя нужда склонила отца пятерыхъ дѣтей связать двѣ заботы: развитіе просвѣщенія и развитіе ввоза водки, для усиленія пошлиннаго сбора.

Еще служа вице-губернаторомъ или директоромъ канцеляріи министра финансовъ, Княжевичъ ввѣрилъ значительный капиталъ для дальнѣйшихъ оборотовъ казенному подрядчику, еврею Фейгину. Когда дѣла Фейгина пошли хуже и хуже, тогда Княжевичъ, чтобы спасти остатки своего капитала, въ счетъ разсчета, принялъ въ управленіе водочный пошлинный сборъ. Разумѣется, агентами всего этого дѣла были евреи, слѣдовательно пошли плутни, обманъ, покражи. Княжевичъ, видѣвшій все это и терявшій слѣдовавшія ему деньги, сталъ находиться чаще и чаще въ ненормальномъ противу прежняго положеніи: частный приставъ Морозовъ и питейный объѣздчикъ Шмаковъ были сдѣланы инспекторами кишиневской и симферопольской гимназій. Сношенія съ нимъ для всѣхъ стали тягостными. А тутъ г. Надеждинъ, съ своими постоянными дрязгами....

Послѣ многихъ огорченій, которыми судьба меня такъ щедро надѣляла, наступившій 1843 годъ доставилъ мнѣ нѣкоторыя пріятности.

Дамскій, поднятый на меня (за Нисона), походъ, могшій надѣлать множество непріятностей, кончился ничѣмъ. Князь Воронцовъ, близко знавшій меня, устранилъ все то, что могло бы мнѣ быть непріятнымъ. Узнавъ стороною, что я намѣреваюсь переселиться въ Москву, вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ приглашенія

графомъ С. Г. Строгоновымъ, князь Михаилъ Семеновичъ, по пріѣздѣ на короткое время, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Одессу (что онъ почти всякій годъ дѣлалъ, отправляясь на осмотръ ввѣреннаго его управленію края), чрезъ посредство Фабра, сдѣлалъ мнѣ предложеніе — занять мѣсто библіотекаря одесской городской публичной библіотеки, въ 1829 г. имъ основанной. Завѣдывавшій библіотекою нѣкто А. Спада (испанскій жидъ, выкрестъ іезуитскій и нѣкогда лекторъ у князя В. П. Кочубея) умеръ, и потому вакантное мѣсто, приносящее около 1,000 руб. сер. жалованья, совмѣстно съ должностью директора одесскаго городскаго музея, не смотря на множество искателей этого мѣста (въ числѣ ихъ былъ нѣкогда извѣстный издатель „Московскаго Дамскаго Вѣстника“, словоохотливый князь П. И. Шаликовъ, прозванный Воейковымъ въ извѣстномъ „Домѣ сумасшедшихъ“ спичкою Шаликовымъ), князь Воронцовъ предоставилъ мнѣ, какъ приведшему городской музей въ извѣстность, съ весьма лестнымъ при томъ отзывомъ, сдѣланнымъ имъ обо мнѣ за его многолюднымъ, парадномъ обѣдомъ. Разумѣется, на завтра, со всѣхъ сторонъ посыпались мнѣ поздравленія и визиты: даже всегда важночопорный П. Я. Марини въ первый разъ навѣстилъ меня въ бѣдненькой моей квартирѣ.

Въ финансовомъ отношеніи положеніе мое сдѣлалось хорошимъ. При той недороговизнѣ, которая была въ то время въ Одессѣ, окладъ въ 2,000 рублей, для человѣка, живущаго скромно, былъ весьма достаточный. Но чтобы не остаться непризнательнымъ къ графу С. Г. Строгонову, всегда ко мнѣ благорасположенному, при посредствѣ А. Д. Черткова я переслалъ благодарственное мое письмо. Отвѣтомъ на него было, что графъ всегда готовъ будетъ пристроить меня къ университету, какъ только объ этомъ его предварю.

Вотъ въ какомъ видѣ я получилъ публичную библіотеку. Прекрасное помѣщеніе въ домѣ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, указанное княземъ, вмѣщало въ себѣ шкафы, расположенные только по двумъ стѣнамъ одной изъ трехъ комнатъ библіотеки. Въ шкафахъ рѣденько были размѣщены книги, преимущественно французскія и др.; русскихъ почти не было примѣтно. Не было славянской Библіи, ни Новаго Завѣта; зато имѣлся Алкоранъ магометовъ, переводъ Колмакова; не было ни одного русскаго

классика, кромѣ изъѣденной молью Исторіи государства россійскаго Карамзина. Какъ библіотека начально составилась изъ добровольныхъ приношеній, слѣдовательно, большею частію изъ разнотома, то естественно изъ 8,580 томовъ книгъ, принятыхъ мною, полныхъ, дѣльныхъ сочиненій оказалось немного. Многое хорошее выписано было градоначальникомъ Алексѣемъ Ирак. Левшинымъ; но съ выѣздомъ его изъ Одессы, хищническая рука Спады получаемыя на содержаніе библіотеки деньги тратила смѣло на подарки оперным пѣвицамъ и великосвѣтскимъ дамамъ легкаго поведенія. Библіотека почти постоянно была закрыта: старый волокита, съ пріапическою физіономіею, рѣдко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; къ тому же библіотека зимою не отапливалась. Въ правилахъ 1830 года библіотеки, въ § 9, было оговорено, что „всякій можетъ входить въ библіотеку и оставаться въ ней со шляпою на головѣ, а зимою въ шинели или другой теплой одеждѣ; но никто не будетъ впущенъ съ собакою, трубкою или сигарою". Все это, разумѣется, отталкивало любознательныхъ отъ посѣщенія и чтенія. Князь зналъ все это, но жалѣлъ старика, да и не зналъ куда его дѣвать. Старикъ же былъ пренахальный и пренавязчивый, къ тому же дамскій потѣшникъ.

Давая новый порядокъ книгамъ, при распредѣленіи ихъ по предметамъ, невольно знакомишься съ каждою. Увлекаясь занимательностью иной книги, я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на подставленной къ шкафамъ лѣстницѣ. Назначенная для приведенія въ порядокъ коммиссія, изъ двухъ губернаторскихъ чиновниковъ, смотрѣла на это медвѣдемъ и лишь подписала приготовленные каталоги. Первымъ дѣломъ было: наполнить главные отдѣлы основными сочиненіями, что исподоволь систематически я и дѣлалъ. При выпискѣ новыхъ книгъ я отдавалъ предпочтеніе русскимъ (французскихъ романовъ было достаточно), притомъ историко и географическо-статистическаго содержанія, а главное, преимущественнѣе всего—тому, что относилось къ Новороссійскому краю. Затѣмъ, удѣляя изъ скромной суммы частицу, я погашалъ долги Спады, сдѣланные имъ у парижскихъ книгопродавцевъ. Разрозненныя сочиненія я исключилъ изъ каталоговъ. Въ августѣ того же, 1843-го, года библіотека была открыта для публики, по новымъ правиламъ: четыре дня по утрамъ, а два дня въ послѣобѣденное время. Разумѣется,

читатели явились постоянные. Профессора лицея, учителя гимназій и семинарій, студенты, ученики были главными посѣтителями. Что всего замѣчательнѣе: вакаціи лѣтнія и зимнія ученики въ большомъ числѣ посѣщали библіотеку. Къ чести молодаго поколѣнія я долженъ еще сказать, что пропажи книгъ не бывало; если же и случались иногда, то виною ея были ученые и по виду люди благоприличные. По выполненіи предположеннаго, я приступилъ къ ученой роскоши. Съ разрѣшенія князя было куплено, на особый счетъ города, богатое собраніе изданій объ изящныхъ искусствахъ, а также приступлено къ собиранію новороссійскихъ и бессарабскихъ инкунабулъ, хотя не важныхъ, но чрезвычайно рѣдкихъ и для края интересныхъ. Обо всемъ этомъ я въ свое время напечаталъ въ приложеніи къ „Новороссійскому календарю“ на 1848 г. маленькую статейку: „Одесская городская публичная библіотека, ея основаніе и успѣхи“.

Наконецъ, въ августѣ же (1844 г.) приступлено было къ изданію въ свѣтъ перваго тома Записокъ Общества. Въ редакціонномъ комитетѣ приняли участіе: Княжевичъ, какъ президентъ Общества, я, какъ секретарь, затѣмъ Стурдза, Надеждинъ и Григорьевъ [1]). Стурдза, какъ сказалъ я, отказался отъ участія въ Обществѣ; Григорьевъ, оставивъ лицей, уѣхалъ въ С.-Петербургъ—хлопотать въ министерствѣ о перемѣщеніи въ московскій университетъ на каѳедру русской исторіи; а затѣмъ уѣхалъ и Надеждинъ, назначенный редакторомъ Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, обновленнаго новымъ министромъ, графомъ Л. А. Перовскимъ. Выѣздъ Надеждина изъ Одессы совершился непредвидѣнно.

При содѣйствіи Княжевича, изобрѣтательнымъ умомъ Надеждина былъ придуманъ, якобы необходимый для Новороссійскаго края и Бессарабіи, „главный статистическій комитетъ“, разумѣется, съ порядочнымъ чиномъ и окладомъ жалованья для редактора. Проектъ княземъ былъ принятъ благосклонно, деньги нужныя разложились на всѣ четыре губерніи и уставъ посланъ

---

[1]) Григорьевъ, Васил. Васил. (1838—43); магистръ моск. унив., проф. восточныхъ языковъ. Труды его: 1) Описаніе куфическихъ монетъ X в., найденныхъ въ Рязанской губ. Спб., 1841 г.; и 2) О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству. Москва, 1842 г.

Кн. В. Д.

на утвержденіе. Но нетерпѣливый Надеждинъ, съ согласія Княжевича, рѣшился уѣхать въ С.-Петербургъ и тамъ, при пособіи братьевъ и пріятелей Княжевича, пристроился сперва къ редакціи сказаннаго журнала, потомъ образовалъ изъ себя еще одно изъ многихъ новое секретное отдѣленіе по раскольничьимъ дѣламъ при министрѣ Перовскомъ. Прекрасное, дѣльное изслѣдованіе г. Надеждина „о скопческой ереси", напечатанное въ небольшомъ количествѣ секретныхъ экземпляровъ (въ 1845 году), давшее драгоцѣнный матеріалъ для исторіи заблужденій ума человѣческаго, все-таки не оправдываетъ инквизиторской обязанности, добровольно имъ на себя принятой. Правда, что за это и за преслѣдованіе раскольничьихъ архіереевъ, даже заграницею, онъ получалъ почетныя награды, но все-таки архіерея, назначеннаго австрійскими раскольниками для Россіи, не нашелъ, потому что онъ уже жилъ въ Москвѣ; это было его служебное fiasco. Мѣсто редактора главнаго статистическаго комитета, высочайше утвержденнаго въ этомъ году, получилъ Скальковскій. Итакъ, редакція Записокъ осталась на двухъ лицахъ. Снова начались мои походы и поѣзды на приморскій хуторъ, уже съ корректурами. Каждый листъ имѣлъ не менѣе четырехъ корректуръ. Къ концу декабря у насъ готово было первое отдѣленіе тома, а ихъ было впереди еще два.

Съ одинаковою ретивостью, но уже не съ тѣмъ бодрымъ и часто веселымъ духомъ встрѣтилъ бѣдный Княжевичъ наступающій 1844 г. Дѣла его окончательно разстроились; кромѣ потери всего капитала, онъ долженъ былъ платить еще за что-то въ казну. Это и еще слѣдующее маловажное обстоятельство имѣло дурное вліяніе на больнаго человѣка, болѣзнею котораго была сильно возбужденная впечатлительность. Ему захотѣлось имѣть отдѣльные дагерротипные портреты своего семейства и свой собственный. Въ рабочей всѣ портреты вышли, но его въ три присѣста совершенно не выходилъ. Это пустое обстоятельство, происшедшее, конечно, отъ несовершенства химическаго процесса, сильно подѣйствовало на него. Пріѣхавъ домой, Княжевичъ слегъ въ постель, съ которой уже полумертвый, въ сентябрѣ, пустился въ дальній путь, въ С.-Петербургъ, откуда не располагалъ болѣе воротиться въ Одессу. Все ученое сословіе лицея проводило его съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ. Конченную печа-

таніемъ книгу въ .... листовъ (.... страницъ in 4°) Дмитрій Максимовичъ взялъ съ собою въ Петербургъ: еще тамъ дѣлалась большая карта Скиѳіи, по Геродоту, къ статьѣ Надеждина. Но усилившаяся болѣзнь побѣдила мужественный организмъ. 1-го октября 1844 г. Дмитрій Максимовичъ умеръ на пути, въ сел. Буромкѣ (Полтавской губерніи).

Первый томъ Записокъ, оффиціальныя бумаги, представленія (въ томъ числѣ ходатайство объ отправленіи меня за границу) пошли сначала въ С.-Петербургъ къ его родному брату; потомъ, по разборѣ, возвращены въ Одессу.

За первый томъ, по ходатайству министра Уварова, дано семейству Княжевича денежное пособіе въ 8,000 р. и разсрочена недоимка; мнѣ же въ ноябрѣ присланъ орденъ св. Анны 3-й степени. Вотъ что по этому поводу показалось мнѣ страннымъ: въ одномъ и томъ же государствѣ заслуги оцѣниваются неравномѣрно. Мнѣ, профессору, коллежскому совѣтнику, за ученую дѣятельность дали крестъ по порядку служебному, и въ то-же время такой же крестъ, дававшій тогда право на потомственное дворянство, дали аудитору 14 класса Гужвѣ (изъ кантонистовъ), по представленію исправлявшаго должность генералъ-губернатора Ѳедорова!

Вотъ списокъ статей и статеекъ, помѣщенныхъ мною въ Запискахъ: 1) О двухъ эллинскихъ надписяхъ, найденныхъ вблизи села Троицкаго, въ имѣніи помѣщика Кобле. 2) О надгробномъ памятникѣ Потимоновомъ. 3) О латинской надписи съ именемъ Воспорскаго царя Савромата II. 4) Надпись на окладѣ евангелія въ монастырѣ Кипріана 1545 г. 5) О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ монетахъ, имѣющихся въ Одессѣ. 6) Договорная грамота сербскаго краля Стефана Уроша съ Дубровникомъ 1254 г. 7) Грамота Молдо-Влахійскаго воеводы Александра, 1407 г. 8) Указъ Петра Великаго, отъ 27 сентября 1724 г., о пріискахъ каменнаго угля. 9) Донесеніе Россійскаго резидента при Крымскомъ ханѣ, Никифорова, о низложеніи Крымъ-Гирея хана въ 1764 г. 10) Поѣздка на островъ Левки или Фидониса въ 1841 г. 11) Некрологъ М. М. Кирьякова. 12) Некрологъ А. Ф. Спады. 13) Часы Новороссійскаго издѣлія. 14) Древности, открытыя въ Парутинѣ. 15) Нѣкоторыя подробности о церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи. 16) Открытіе древностей близъ селенія

Карталъ. 17) Коллекція древнихъ памятниковъ, присланныхъ изъ Николаева Обществу. 18) Древніе памятники, подаренные С. Ю. Дестунисомъ. 19) Древности, переданныя Обществу изъ одесскаго городскаго музея. 20) Рисунки Василія Барскаго. 21) Пріобрѣтеніе Обществомъ неизданныхъ сочиненій Бларамберга, и 22) Пріобрѣтеніе Обществомъ сочиненія Дюбрюкса. Замѣтки, указанныя подъ №№ 17, 18, 19, 20, 21 и 22, составляютъ мою личную заслугу предъ Обществомъ.

Моему личному ходатайству Общество обязано тѣмъ, что получило въ свое владѣніе предметы вообще полезные, но для мѣстнаго музея—драгоцѣнные.

Итакъ, первый опытъ нашихъ совокупныхъ трудовъ явился въ свѣтъ и былъ благосклонно принятъ государемъ императоромъ, изъявившимъ трудившимся свое благоволеніе; покровитель же Общества, его высочество государь наслѣдникъ дозволилъ посвятить Записки его имени. Публика тоже встрѣтила первенца Общества хорошимъ пріемомъ. Казалось, трудившимся оставалось только почивать на пожатыхъ лаврахъ. Но злая судьба повернула дѣло иначе.

Г. Надеждинъ, которому весьма кстати пришлись слова, сказанныя Агамемнономъ быстроногому Ахиллесу: „тебѣ пріятны всегда споры, раздоры и битвы“ (Иліада, I гл., 177) [1]), и Григорьевъ совмѣстно написали некрологъ Д. М. Княжевича. Пускаясь въ панегирикъ, они умышленно допустили многія неточности и неумѣстныя неосновательныя указанія. И чтобы всему этому придать торжественный видъ, облекли статью свою въ оффиціальную форму, въ видѣ труда отъ издательнаго комитета, собравшагося въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ „титулярнаго“ вицепрезидента Сафонова. Сами собою, безъ разрѣшенія Общества, они напечатали некрологъ, приложили его къ Запискамъ и разослали; Обществу же сообщили о томъ для свѣдѣнія. Разумѣется, Общество, сдѣлавъ свои поправки нѣкоторыхъ мѣстъ, попросило комитетъ, сшедшійся въ С.-Петербургѣ вопреки § 69

---

[1]) Вотъ какъ А. А Бестужевъ, въ VIII письмѣ къ Н. А. Полевому (см. „Рус. Вѣсти “ 1881 г., № III, 308), обрисовалъ характеръ нашего героя: „грязный духъ партій, въ немъ первенствующій, несносенъ Онъ, кажется, хочетъ строиться изъ вашихъ развалинъ Невысоко ему подняться“... Н. М.

устава, исправить указанное. Тогда Надеждинъ съ Григорьевымъ разобидѣлись и отказались отъ званія членовъ Общества. Сафоновъ, прибывшій въ Одессу, весьма неловко оправдывался, а Надеждинъ, сверхъ того, написалъ особое объяснительное письмо къ вице-президенту, который, съ своей стороны, на него далъ категорическій отвѣтъ. Послѣ сего всякія сношенія Общества съ двумя своевольниками навсегда прекратились. Надеждинъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, не счелъ долгомъ ни доставить Обществу книги, на покупку которыхъ онъ въ 1840 году взялъ 350 руб. асс., ни возвратить деньги. По примѣру ихъ отказался отъ участія въ Обществѣ еще г. Линовскій, выкрестъ изъ евреевъ. Отказъ трехъ помянутыхъ членовъ, смерть Княжевича и разнесенные благопріятелями Надеждина слухи, что Общество закрывается, не безъ огорченія были выслушаны остальными членами. Операція эта, впрочемъ, не осталась безъ благотворныхъ послѣдствій. Члены дружнѣе примкнули другъ къ другу, откровеннѣе стали взаимно высказываться и трудиться, не унижая качествъ работавшихъ. Благородный и откровенный характеръ Александра Ѳедоровича Негри и живое участіе благодушнаго архіепископа Гавріила, Тетбу де-Мариньи, Бруна, Соколова, Беккера[1]), Палеолога, сдѣлавшихся ретивыми сотрудниками, потрясенное интригами Общество упрочили и дали ему должное, прямое, мирное направленіе. Утомленный трудами и душевнымъ волненіемъ отъ дрязгъ, въ концѣ этого года я могъ сообщить редакціи Одесскаго Вѣстника только два матеріала для исторіи Одессы: а) „Любопытную исторію славнаго города Одессы", сочиненную въ 17.... году дѣйств. ст. сов. Левашевымъ, брошюру рѣдкую, и б) „О младенчествѣ Одессы", это—письмо А. И. Шостака, писанное въ 1807 г. въ С.-Петербургъ.

Что сказать мнѣ о покойномъ Княжевичѣ, котораго г.

---

[1]) Беккеръ, Павелъ Вас. (1837—62); докторъ іенскаго унив. и магистръ унив. Св. Владиміра, проф. римской словесности, директоръ одесск. второй гимназіи (1843—50) и директоръ Ришельевскаго лицея (1857—62). Труды его: 1) Гимназ. курсъ лат. яз. Одесса, 1844, 45; 2) Гражданскій бытъ Тиритовъ. Одесса, 1848; 3) Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена, въ отношеніи къ древн. его колоніямъ,—сочин., удостоенное почетнаго отзыва акад. наукъ; 4) Die Heracleotische Halbinsel, Leipzig, 1856, и 5) разн. статьи, помѣщ. въ бюллет. ак. наукъ и въ журн. Кн. В. Д.

Надеждинъ воспѣлъ „безпокойную дѣятельность?“ Зная его въ теченіи семи лѣтъ, почти неразлучно съ нимъ проведенныхъ, скажу, что онъ былъ человѣкъ умный, практическій, добродушный и готовый не только на доброе дѣло, но и на всякую пріятную услугу; много начитанный, и при природной остротѣ и живости характера сильно впечатлительный. Вся прежняя его жизнь была ознаменована личною къ нему привязанностію всѣхъ, кто съ нимъ служилъ или имѣлъ дѣло. Но, къ прискорбію, долженъ сказать, что добрѣйшій Княжевичъ, съ пріѣзда въ Одессу Надеждина, видимо измѣнился. Надеждинъ былъ его домашній злой геній, отнявшій у своего кормильца добрую славу на умъ и на сердце. Надеждинъ не скрывалъ отъ всѣхъ, что онъ пишетъ разные проекты, программы, руководства по лицею и округу для Княжевича; не утаивалъ и нерасположенія къ лицамъ, ему неправящимся по чему либо, и потому непріятнымъ и Княжевичу. Деларю оставилъ лицей именно по интригамъ Надеждина, а бѣдный, благородный директоръ лицея Н. И. Синицынъ умеръ отъ аневризма въ сердцѣ, вслѣдствіе грубаго обращенія съ нимъ Княжевича. Что дѣлать у насъ, на Руси, бѣдному служащему чиновнику, когда его преслѣдуетъ начальникъ? Суда и управы на него нѣтъ никакой. Остается терпѣть и страдать молча!

Заслуги Княжевича, въ отношеніи къ лицею и округу, значительныя. Къ прежнимъ хорошимъ основаніямъ, положеннымъ Покровскимъ для лицея и всѣхъ гимназій одесскаго учебнаго округа выборомъ способныхъ наставниковъ, Княжевичъ прибавилъ лицею многое,—третье камеральное отдѣленіе, открытое въ 1842 г., такимъ путемъ приблизилъ лицей къ университету. Увеличивъ дотолѣ сжатыя науки, согласно съ требованіями спеціальныхъ программъ, онъ далъ просторъ знаніямъ: такъ, введены были въ математическомъ отдѣленіи—физическая географія; въ камеральномъ—введеніе въ камеральную науку, государственное хозяйство, торговля, физика и физическая географія, химія, естественная исторія, сельское хозяйство, технологія и обозрѣніе русскихъ законовъ; въ юридическомъ—церковное право, судебная медицина; въ отдѣлѣ общихъ наукъ—сравнительная географія и исторія путешествій и открытій и русскія древности. Къ добросовѣстному преподаванію наукъ сочувственно относились студенты. Они съ своей стороны стали добросовѣстно посѣщать лекціи и начали самостоятельно

трудиться. О лицепріятіи на экзаменахъ не было въ поминѣ, доколѣ нужда не заставила самого Княжевича, противъ воли, сдѣлаться весьма снисходительнымъ къ внуку харьковскаго откупщика Кузина. Юношу, за 2,000 р. с. въ годъ, принялъ къ себѣ въ квартиру профессоръ нравственной философіи, а остальные профессора за большія деньги, стали вливать въ пустую голову знанія.... На выпускномъ экзаменѣ нашъ „молодецъ“ отличился, открывъ, что „Авраамъ распространялъ истинную христіанскую вѣру, а Наполеонъ былъ женатъ на дочери Александра I“.

Одно въ упрекъ можно поставить Княжевичу—отказъ отъ огромнѣйшаго магазина мятежника Собаньскаго (около 7 лѣтъ составлявшаго собственность лицея), гдѣ могъ вмѣститься весь лицей съ гимназіею, когда бы къ нему сдѣлали нѣкоторыя пристройки. Княжевичу хотѣлось имѣть лицей неподалеку отъ дома Кошелева, который (Княжевичъ) имѣлъ въ виду купить для себя, а также для квартиръ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Съ этою цѣлію архитекторъ Шашинъ дѣлалъ проектъ перестроекъ, а услужливый Симоновичъ указалъ на праздное мѣсто г. Комара, которое тогда же было у него куплено и потомъ застроено нынѣшнимъ новымъ зданіемъ лицея. Странная черта замѣчалась въ покойномъ: бывъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ литераторамъ, онъ никакъ не могъ спокойно слышать и говорить о Гоголѣ и его „Мертвыхъ душахъ“.

XXI.

Дружескій кружокъ Н. Н. Мурзакевича.—Некрасивые поступки нѣкоторыхъ лицейскихъ дѣятелей. — Г. И. Соколовъ, инспекторъ лицея. — Назначеніе кн. М. С. Воронцова намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ (1845 г.).—Его проводы.—Н. Н. Мурзакевичъ приглашенъ состоять при Вел. Кн. Константинѣ Николаевичѣ, во время обозрѣнія Его Имп. Высочествомъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, Новороссійскаго края и Земли войска Донскаго.—Путешествіе.

Еще въ 1841 году дружественно расположенное ко мнѣ семейство Лачиновыхъ выѣхало въ Москву, и я остался въ полномъ одиночествѣ. Холостая компанія, состоявшая изъ университетскаго сверстника Ильина [1]), князя Гр. Гр. Голицына, князя Алекс. Ив. Гагарина (убитаго въ 185.... г. вмѣстѣ съ Ильинымъ въ Кутаисѣ бѣшеннымъ сванетомъ) [2]), Магницкаго (сына), Подолинскаго [3]), Полянскаго (внука графини Воронцовой, фаворитки Петра III, вышедшей замужъ за Полянскаго), и др., была хороша и мила, но все таки была холостая, шумная и иногда разгульная. Душа требовала разсѣянія кроткаго, бесѣды тихой, разсудительной. Такимъ былъ домъ Г. И. Соколова, также нашего современника по московскому университету, женатаго на старшей сестрѣ М. М. Кирьякова. Соколовъ прежде постоянно жилъ въ Одессѣ; но, женившись, нѣкоторое время занимался хозяйствомъ въ деревнѣ, а въ наступившемъ 1845 году переѣхалъ снова въ Одессу.

Въ лицеѣ въ это время былъ директоромъ А. Г. Петровъ [4]).

На вакантное мѣсто инспектора г. Линовскій рекомендовалъ удаленнаго изъ морскаго вѣдомства маіора Варунова.

---

[1]) Некрологъ его см. въ „Одесск. Вѣстн." на 185... г. №...

[2]) Владѣтельн. княземъ Дадешкаліани.

[3]) Подолинскій, Андрей Ив.; авторъ поэмъ Дивъ и Пери, Нищій и многихъ мелкихъ стихотвореній. Послѣднее изданіе его сочиненій вышло въ 1860 г., въ 2 т. in 8°; теперь его нѣтъ вовсе въ продажѣ. Подолинскій скончался въ 1886 г.

[4]) Петровъ, Александръ Григ., канд. харьк. унив., перемѣщенъ (1844 г.) изъ директоровъ первой кіевской гимназіи директоромъ лицея и помощн. попечителя, и оставался до 1852 г. Скончался въ сент. 1887 г., въ чинѣ тайн. сов. и въ должн. члена сов. управл. по дѣламъ печати.

Всегда послушный Линовскому, г. Петровъ сдѣлалъ оффиціальное представленіе объ утвержденіи рѣшительно никому неизвѣстнаго лица. Но князь Воронцовъ, имѣвшій свѣдѣнія о томъ, что дѣлается серьезнаго въ его краѣ и зная представляемаго Варунова по неисправной очисткѣ Сулинскаго гирла, въ проѣздъ изъ С.-Петербурга чрезъ Елисаветградъ, встрѣтивъ Соколова, предложилъ ему свое содѣйствіе. По совѣту министра Уварова г. Петрову было предложено принять просьбу Соколова, какъ университетскаго кандидата и человѣка, извѣстнаго литературными трудами въ одесскихъ періодическихъ изданіяхъ. Такимъ случаемъ Соколовъ[1]) сдѣлался моимъ сослуживцемъ. Даръ въ словѣ и письмѣ, основательное знаніе русской литературы, живой, благородный, великодушный характеръ, съ необыкновенною при тучности тѣла подвижностію, вотъ какія качества имѣлъ инспекторъ, руководитель юношества. Жена его наслѣдовала умъ и доброту брата. Здѣсь я нашелъ пріютъ въ моемъ одиночествѣ; здѣсь составилась оппозиція разроставшемуся безнаказанно лихоимству. Утра посвящая на лекціи и на устройство городской библіотеки, которая мнѣ очень полюбилась, я проводилъ вечера въ многочисленномъ кругу родственниковъ и сосѣдей Соколова.

По заведенному обычаю, князь Воронцовъ, послѣ Святой недѣли, выѣзжалъ изъ Одессы въ Алупку, гдѣ (кромѣ выѣзда по губерніямъ) проживалъ до первыхъ чиселъ декабря. Въ этотъ годъ онъ, противу обычая, долго жилъ въ Алупкѣ. Производство въ полковники его адъютанта, князя Алекс. Ив. Гагарина, возбудило говоръ, что князю предоставляется право отдѣльнаго командира войскъ. Засимъ скорый пріѣздъ его въ Одессу разъяснилъ дѣло: князь Михаилъ Семеновичъ собственноручнымъ (никому неизвѣстнымъ) письмомъ императора приглашался намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ. Трудно вообразить какую суматоху произвело это назначеніе въ кругу служащихъ; всѣ захотѣли служить при намѣстникѣ: бѣдному,

---

[1]) Соколовъ, Григ. Ив. (1845—1850); канд. моск. унив., инспекторъ лицея. Труды его: 1) по редакціи Зап. импер. общ. сельск. хоз. южн. Россіи съ 1847 по 57 г.; 2) Курсъ шелководства Деемета, съ франц.; 3) помѣщалъ статьи въ Записк. общ. истор. и древн. и др. періодическихъ изданіяхъ.

Кн. В. Д.

утомленному старику не давали ни отдыха, ни прохода военные и гражданскіе чины. На подобную просьбу П. В. Скаржинскаго [1]), князь отвѣчалъ, что его просьба объ адъютантствѣ есть двухсотая. Со всѣхъ мѣстъ съѣхались губернаторы, градоначальники „въ часніи движенія воды". Съ 6 часовъ утра и до 6 вечера князь былъ заваленъ докладами, просьбами, записками. Чудный характеръ этого боярина! Ни разу не показалъ знака утомленія или неохоты выслушать кого либо. Каждое утро, по его призыву, являлся я въ его кабинетъ, гдѣ былъ невольнымъ зрителемъ и слушателемъ всего тамъ происходившаго. Урывая минуты, князь поручалъ мнѣ, какъ своему приближенному, отборъ нужныхъ ему книгъ и нѣкоторыхъ рукописей. Назначивъ около 368 томовъ книгъ изъ дублетовъ для городской публичной библіотеки, онъ рѣшалъ, пересматривая мои отмѣтки: полезны или не нужны онѣ библіотекѣ. Лесажева Жильблаза, не смотря на мое настояніе, таки не далъ, но отложилъ для себя. Каждый день обѣдая у него, я видѣлъ его величавое внѣшнее и внутреннее спокойствіе.

Въ январѣ 1845 г. князь поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и вскорѣ, затѣмъ, въ Одессѣ услышали о паденіи могучаго фактотума военнаго министра Позена. Чиновный еврей задумалъ урѣзать права намѣстничьи, предварительно принятые и одобренные императоромъ. Въ февралѣ возвратился изъ С.-Петербурга князь утомленный; пріемы, укладка бумагъ, книгъ, картъ, обѣды многолюдные, докучливыя просьбы, какъ говорится, не давали свободно вздохнуть безмолвному труженику. Тѣ же ежедневныя порученія были мнѣ и въ этотъ разъ, по утрамъ, а вечеромъ обѣдъ.

7 марта 1845 г. назначено было для отъѣзда князя на Кавказъ.

Чудесная, весенняя, ясная, тихая погода на морѣ, почти весь городъ, высыпавшій на приморскій бульваръ и на пристань пароходную, представляли картину великолѣпную. Толпы простаго народа, отъ искренняго сердца, провожая князя, высказывали ему пожеланія всякихъ благъ. Мѣховая кавказская шапка, надви-

[1]) Полковникъ лейбъ-гусарскаго полка, сынъ Виктора Петровича Скаржинскаго, богатаго помѣщика Херсонской губерніи, пославшаго въ ополченіе въ 1812 г. экипированный и вооруженный кавалерійскій эскадронъ. Кн. В. Д.

нутая на глаза, отчасти прикрывала слезы добраго болярина, за всѣхъ болѣющаго. Такое всеобщее народное заявленіе начальнику края, удаляющемуся, можетъ быть, навсегда, есть вѣнокъ гражданскій (corona civilis),—въ наше время, награда, выходящая изъ уровня всѣхъ существующихъ знаковъ отличій!

Съ пріѣздомъ князя въ Тифлисъ, его порученія, вопросы, справки не прекращались; самъ или чрезъ Сафонова (директора канцеляріи) онъ удостоивалъ меня письмами. Пользуясь правомъ, даннымъ мнѣ княземъ Воронцовымъ, я исподоволь пересматривалъ его большую библіотеку: все свѣжее о краѣ Новороссійскомъ непремѣнно получалось. Такимъ путемъ запасъ мѣстныхъ свѣдѣній моихъ увеличивался. И къ неожиданной моей радости благопріятный случай доставилъ мнѣ возможность подѣлиться ими съ однимъ высокимъ слушателемъ, удостоившимъ меня своимъ вниманіемъ.... Въ концѣ мая я собрался поѣхать на Кавказъ, куда давно приглашалъ меня мой пріятель А. А. Борзенко (служившій при князѣ въ Тифлисѣ). По обязанности городскаго библіотекаря я сказалъ о томъ одесскому военному губернатору Ахлестышеву. Этотъ передалъ мою просьбу исправляющему должность генералъ-губернатора, который, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ, что не можетъ отпустить, имѣя въ виду скорое посѣщеніе Одессы Его Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Завѣдывая публичною библіотекою и музеемъ древностей, я не имѣлъ права возражать. 2-го іюня 1845 г. великій князь, обозрѣвая городъ, посѣтилъ и музей Общества.

Вниманіе 17-ти-лѣтняго отлично образованнаго юноши было обращено на всѣ предметы. Въ разспросахъ и разговорахъ, длившихся ровно три часа, великій князь выказалъ знанія, далеко превышающія его возрастъ. Вѣроятно и онъ былъ мною доволенъ; вечеромъ я былъ приглашенъ къ нему на чай. Великій князь и его сопровождающіе: воспитатель вице-адмиралъ Ѳ. П. Литке, его помощникъ капитанъ 1-го ранга Ѳ. С. Лутковскій, докторъ И. С. Гауровицъ, прежній учитель А. Ѳ. Гриммъ и сверстники великаго князя, мичмана: Н. А. баронъ Крюднеръ и С. А. баронъ Фридериксъ, всѣ помѣстились въ домѣ князя Воронцова. Послѣ чая Литке, попросивъ меня къ себѣ, пустился въ разспросы: какъ удобнѣе осмотрѣть южный край Россіи, если можно, во

всѣхъ отношеніяхъ? Сообщивъ то, что мнѣ было извѣстно, я готовъ былъ уходить, какъ Литке сказалъ, что его высочеству было бы полезно мое сопутствіе и потому спрашиваетъ: могу ли я на это согласиться? „Послѣ завтра мы плывемъ въ Константинополь, оттоль въ Смирну и обратно оттуда въ Крымъ“. Всеохотно, отвѣчалъ я, готовъ служить его высочеству, но по порядку службы безъ высочайшаго разрѣшенія я не могу отправиться за границу.

Телеграфовъ тогда не было, но существовали курьерскія перекладныя, летавшія иногда на 5-е сутки въ Петербургъ. „Итакъ, до свиданья въ Одессѣ, куда мы еще заѣдемъ“, сказалъ Литке, отпуская меня. 23-го іюня вечеромъ пароходъ явился на одесскій рейдъ, а я, разсчитывая на Крымъ, не изготовилъ себѣ необходимаго для дороги платья. На утро являюсь къ пароходу, находившемуся въ карантинной обсерваціи, вступаю въ переговоры и узнаю, что великій князь нѣсколько дней предполагаетъ заняться морскими эволюціями въ открытомъ морѣ. Нечего дѣлать, съ узелкомъ перебираюсь на пароходъ „Молодецъ“. Странствуемъ по морю туда и сюда, подходимъ къ новороссійской, неумѣстно расхваленной бухтѣ, гдѣ великій князь выходилъ на берегъ и съ отрядомъ войска дошелъ до мѣста, нынѣ именуемаго Константиновскимъ укрѣпленіемъ. Отсюда повернули опять въ море и уже 12 августа подошли къ Ѳеодосіи. Высадили меня для отдыха, а И. К. Айвазовскаго [1]) на мѣсто его жительства. Вечеромъ, при сильномъ волненіи съ моря я снова поплылъ на пароходъ и тутъ уже вступилъ въ менторство. Кромѣ указанія всякихъ достопримѣчательностей въ томъ мѣстѣ, куда мы приставали или выѣзжали, я заблаговременно заготовилъ, еще въ Одессѣ, краткія, но точныя положительныя свѣдѣнія о томъ, что я признавалъ нужнымъ или полезнымъ показать. Право это мнѣ было предоставлено съ перваго вечера, у Ѳеодосіи, и поэтому Лутковскій и вся молодежь прозвали меня оберъ-квартирмейстеромъ. Замѣтки мои я подавалъ великому князю за утреннимъ чаемъ. Вставали въ 6 часовъ, въ 8 пили чай, въ 2 обѣдали, въ 8 вечерній чай, безъ ужина, и въ 11 час. ложились спать.

---

[1]) И. К. Айвазовскій—извѣстный маринистъ и профессоръ живописи. Ки. В. Д.

Приготовленный къ мѣстности, великій князь съ пользою для себя осматривалъ показываемое и удачно вступалъ въ разговоры съ мѣстными жителями. Молодежь, опасавшаяся во мнѣ увидѣть педанта, подобно нелюбимому ею нѣмцу Гримму, разувѣрилась и скоро привязалась ко мнѣ со всею полнотою чистой души. Напряженный умственно, я отдыхалъ въ кружкѣ умныхъ и добросердечныхъ юношей. Опытный морякъ Лутковскій, совершившій двукратное плаваніе вокругъ всего свѣта, полюбилъ меня такъ, что я сдѣлался его постояннымъ спутникомъ и соквартирантомъ. Учености въ Гриммѣ я не нашелъ. Это былъ обыкновенный старшій учитель гимназіи, знавшій въ подробности средневѣковую исторію Германіи, но прекрасный музыкантъ на фортеніано. Вкрадчивый характеръ умѣлъ выгодно его поставить между великимъ княземъ и Литке, суровымъ, сухимъ, положительнымъ морякомъ. Выше всѣхъ по образованію былъ докторъ П. С. Гауровицъ, выдававшій себя за датчанина.

Вотъ мѣста, посѣщенныя его высочествомъ: Ѳеодосія, Керчь, Таганрогъ, Ростовъ, Новочеркаскъ, Грушевскія каменноугольныя копи, опять Таганрогъ, Маріуполь, Бердянскъ, ногайскія, меннонитскія колоніи на р. Молочной, хозяйственный хуторъ Корниса, Перекопскія соляныя озера, Симферополь, Алушта, Чатырь-дагъ, Никитскій садъ, Массандра, Ялта, Алупка, Меласъ, Байдарская долина, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Севастополь, Чоргунскій бассейнъ, Инкерманъ, Херсонесъ, Бахчисарай, Каралезъ, Мангупъ-Кале, Черкесъ-Кермень, опять Севастополь и Николаевъ.

Не обошлось безъ нѣкоторыхъ случаевъ, болѣе или менѣе смѣшныхъ или странныхъ, бывшихъ во время путешествія великаго князя. Въ Керчи, при осмотрѣ грязныхъ сопокъ, когда великій князь очень близко подошелъ къ жерлу, то градоначальникъ князь Херхеулидзевъ, отводя его, сказалъ: „берегитесь, в. в—во, здѣсь часто проваливаются....“ Въ Таганрогѣ полиціймейстеръ отозвался незнаніемъ названныхъ ему мѣстностей города; на вопросъ: давно ли здѣсь? „Только четыре мѣсяца“. Въ Новочеркаскѣ гостепріимные донцы и ихъ почтенный, изрубленный въ бояхъ, атаманъ Власовъ съ его начальникомъ штаба Хомутовымъ такъ угостили мичмановъ, что одинъ изъ нихъ (Крюднеръ) долженъ былъ выдти изъ-за стола. Досталось же бѣдняку отъ

непотачливаго Литке. Въ менонитскихъ колоніяхъ нѣмецкое чувство Литке до того разнѣжилось, что онъ почти воспѣлъ хвалебный гимнъ нѣмцамъ и произнесъ хулу бѣднымъ крестьянамъ русскимъ. Я возразилъ, что неудивительно благосостояніе колонистовъ, которымъ правительство дозволило выбрать лучшую землю, дало денежное пособіе; освободило навсегда отъ постоя, рекрутства, земской полиціи и многихъ другихъ раззорительныхъ мѣръ, которыми завалены, такъ сказать, по уши, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне. За то же нѣмцы, напр., хозяинъ нашъ Корнисъ, вѣроятно, въ благодарность, не хотятъ изучать русскаго языка, почти изгнаннаго изъ школъ, и стараются составить status in statu. Великій князь Константинъ Николаевичъ согласился со мною. На соляномъ „Красномъ озерѣ“ ни управляющій словонаходчивый Озерецковскій, ни его ловкіе чиновники не могли сказать положительное количество соли въ „кабанахъ“. Въ Симферополѣ губернаторъ Пестель не зналъ дороги къ гимназіи и гдѣ живетъ таврическій муфтій. Въ Никитскомъ саду, изобильномъ разными сортами розъ и винограда, пьяный директоръ Гартвигъ выслалъ, вмѣсто себя, садовника, который съ пользою для любопытствующихъ указалъ роскошь мѣстной природы. Въ Алупкѣ вѣчно пьяненькій главноуправляющій полк. Ягницкій въ пространномъ дворцѣ скверно и тѣсно насъ размѣстилъ, за то щедро предлагалъ молодежи „запрещенный имъ напитокъ“. Въ Балаклавѣ на ночлегѣ насъ почти замучили мѣстныя злыя блохи. Въ Чоргунскомъ бассейнѣ подивились всѣ той ничтожной преградѣ (каменной стѣнкѣ), которая, по мнѣнію инженера Уптона, должна была задерживать страшнѣйшую массу воды, дающей питаніе севастопольскимъ докамъ. Кажется, что Уптонъ былъ болѣе способный винодѣлъ, чѣмъ гидро-техникъ. Въ Каралезѣ, знаменитомъ живописностью природы, полупьяный земскій исправникъ, Максимовичъ, сбившись съ дороги, довелъ всѣхъ насъ до изнуренія. Показавъ недостатки лицъ мѣстнаго управленія, я долженъ теперь сказать нѣсколько словъ въ похвалу мѣстной природѣ.

Плодородныя степи, прилегающія къ сѣверо-восточной части черноморскаго бассейна, украшенныя разнаго рода хлѣбами, снабжающими разноплеменные рынки Ростова, Таганрога и Симферополя; унылые аулы ногайскихъ татаръ и, въ противополож-

ность имъ, веселыя менонитскія колоніи, обрамленныя густою растительностью; безплодныя и безводныя Перекопскія степи, а за ними, къ югу, постепенный переходъ холмовъ къ высокому каменистому хребту Яйлы и Чатыръ-дага; сталактитовыя пещеры и цѣлые пещерные города, когда-то первобытныя жилища первобытныхъ жителей Тавриды; живописныя долины и чудесный южный берегъ, яркимъ вѣнкомъ тропической зелени выдѣляющійся изъ морской синевы,—берегъ, не уступающій въ изяществѣ сицилійской и итальянской природѣ; изумрудные виноградники всѣхъ сортовъ лозъ южной Европы; масличныя, кипарисовыя деревья и горныя сосны (pinіae), окружающія древніе храмы, остатки незапамятныхъ временъ; наконецъ, самые жители края: монголы, татары горные и степные, караимы, греки, армяне, малороссіяне, великороссіяне, нѣмцы, цыгане,—все это останавливало вниманіе путешественниковъ!... Все это заставляло пристальнѣе всматриваться въ представляющіяся картины... И благо тому, кому Провидѣніе ввѣритъ этотъ чудный край: имѣя власть, можно много сдѣлать для пользы и славы нашего отечества!....

Долѣе всего было пребываніе наше въ Севастополѣ. Здѣсь тогда былъ собранъ черноморскій флотъ въ полномъ составѣ. Великій князь ежедневно его осматривалъ. Особенно отличился выправкой корабль „12 апостоловъ“, командиръ Корниловъ.

Точность и быстрота въ выполненіи маневровъ, какъ я узналъ, не дешево стоила бѣднымъ матросамъ. Ученики свирѣпой Лазаревской школы: Путятинъ (графъ и бывшій мимолетный министръ просвѣщенія), Нахимовъ, Корниловъ, братья Истомины не щадили ни рукъ, ни ногъ, ни даже головъ несчастныхъ подчиненныхъ и все для того, чтобы „дѣлалось живо“!—Въ Севастополь, въ это время, возвратился изъ-подъ Даргинскаго похода принцъ Александръ Гессенскій, братъ императрицы нашей. Онъ подробно разсказалъ о той бойнѣ, которая была въ окрестностяхъ Дарго. Не легко ему достался георгіевскій крестъ. Въ сопутствіи принца великій князь сдѣлалъ поѣздку въ Бахчисарай, Каралезъ и обратно. На пути принцъ разсказалъ о перемѣнѣ въ обмундировкѣ, дѣлаемой княземъ Воронцовымъ на Кавказѣ, именно, о замѣнѣ мундировъ полукафтанами съ поясами, киверовъ—мѣховыми шапками и ременныхъ перевязей—легкими сумками, а коротенькихъ полусапожковъ—длинными по колѣно сапогами и, наконецъ, полушубками.

29 августа (1845 г.), за большимъ обѣдомъ, къ которому были приглашены морскія власти, было выпито по бокалу за новоутвержденное „Русское Географическое Общество“ въ С.-Петербургѣ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ великій князь. Его высочество, чокаясь со мною бокаломъ, сказалъ: „вы нашъ? надѣюсь, что не откажетесь содѣйствовать намъ“....

Такимъ образомъ неожиданно я былъ первоизбранникомъ новорожденнаго Общества.

Наканунѣ отплытія нашего изъ Севастополя въ Николаевъ, Лутковскій и мичмана уговорили меня сдѣлать имъ легонькій завтракъ. Когда пришло время и пришла „прожорливая младость“, явился адъютантъ принца и, наконецъ, и принцъ, затѣмъ великій князь и, о ужасъ! самъ Литке. Но дѣло обошлось. Порученіе мое кончилось и мнѣ неудобно было дѣлать наставленія. Выпили по бокалу шипучаго крымскаго вина и, при пожеланіи всякихъ успѣховъ Крыму, отправились на пароходъ „Сѣверную звѣзду“. Погода, повидимому, обѣщала быть тихою, хотя въ теченіи трехъ дней сильно бушевала. Эта тишь обманула опытныхъ моряковъ. Въ открытомъ морѣ зыбь насъ охватила гораздо хуже той, которая насъ нещадно качала отъ Ѳеодосіи до Керчи. Кромѣ Литке, принца, Лутковскаго,—всѣхъ укачало, я кое какъ крѣпился. Ночь была еще хуже, а пароходъ былъ старый и не крѣпкій. Къ полудню другаго дня насилу добрались до Днѣпровскаго лимана. У берега Парутинскаго выходили взглянуть на безчисленные Ольвійскіе курганы; я указалъ на мѣсто переправы шведскихъ войскъ Карла XII отъ косы русской и до косы волошской, и часу въ 5-мъ мы прибыли въ Николаевъ, встрѣченные княземъ Меншиковымъ и адмираломъ Лазаревымъ. Въ ожиданіи скораго пріѣзда императора со свитою, насъ размѣстили на „тѣсныхъ квартирахъ“.

Въ ночь на 9 сентября, дня рожденія великаго князя, государь императоръ уже былъ въ Николаевѣ.

Утромъ его высочество удостоилъ меня представленіемъ государю самымъ любезнымъ предвареніемъ,—„Спасибо!“, и приглашеніе къ чаю было отвѣтомъ на мой почтительный поклонъ. Меня смущало не то многочисленное общество, въ которомъ я имѣлъ честь находиться;—тутъ были: государь наслѣдникъ, великій князь, принцъ Гессенскій, графъ Орловъ, графъ Адлербергъ,

князь Меншиковъ и др. сильные сего міра; но меня смущали мои бѣлые панталоны, вымытые къ разсвѣту и просыхавшіе на ногахъ. Послѣ чая я пошелъ откланяться его высочеству предъ отъѣздомъ въ Одессу. Онъ хотѣлъ, чтобы я снова съ нимъ вернулся въ Севастополь. Но мои представленія, что мнѣ пора явиться къ своей должности, поддержанныя Ѳ. П. Литке, были уважены. Меня отпустили и предложили отправиться на нарочномъ пароходѣ въ Одессу, но я отклонилъ это тѣмъ, что пароходъ нужнѣе для другихъ. Послѣ дружескаго взаимнаго объятія, великій князь, отпуская, сказалъ, чтобы я не забывалъ своего стараго знакомаго, и на память о себѣ вручилъ перстень съ своимъ вензелемъ. На вопросъ Литке: не имѣю ли чего желать? я отвѣчалъ: „прошу удержать меня въ вашей благосклонной памяти“. Такая дешевая просьба хоть кому понравится.

Что сказать о личности Его Императорскаго Высочества великаго князя? Онъ умственно развитъ выше своихъ лѣтъ, строго логиченъ, въ занятіяхъ усидчивъ, пылокъ, нетерпѣливъ, сухъ въ обращеніи, но добръ и не злопамятенъ. Такъ я сужу по тѣмъ частымъ спорамъ, которые съ нимъ имѣлъ горячій Крюднеръ. Замѣчаемая въ немъ нѣкоторая угрюмость можетъ быть объяснена характеромъ воспитателя, человѣка сухого, упустившаго изъ виду наставленіе мудраго Соломона: „сыне, дай мнѣ сердце твое!“—Его сверстники, не исключая и Ѳ. С. Лутковскаго, были слабо и вообще односторонне подготовлены [1]).

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

---

[1]) Въ томъ же, 1845 году, 23 іюля, знаменитый поэтъ германскій Фридрихъ Боденштедтъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ великому князю генералъ-адмиралу въ Константинополѣ и провести въ его обществѣ цѣлый вечеръ. Напомнимъ отзывъ этого профессора и славнаго литератора: „Я былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ обширное и отличное образованіе, много веселости и добродушнаго юмора. Великій князь, между прочимъ, превосходно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками“. („Русская Старина“ изд. 1887 г., томъ LIV, май, стр. 440).

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XXII [1]).

Возвращеніе въ Одессу.—Статья Н. Н. Мурзакевича.—„Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи за истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 г. по 1846 гг.“—Керченскія раскопки.—Остатки древностей въ г. Ѳеодосіи и въ Херсонисѣ и уничтоженіе ихъ.—Дегуровъ и его библіотека.—Изданіе „Псковской судной грамоты“ (1847 г.). — Размолвка съ профес. Зеленецкимъ.

Радостно было мое возвращеніе къ своимъ ларамъ и пенатамъ. Зайдя къ Г. И. Соколову и попрося дать чаю, я прилегъ на кушеткѣ и когда проснулся и вспомнилъ о чаѣ, то рано вставшій хозяинъ сказалъ, что самоваръ сейчасъ поставятъ. „Да я-же давно просилъ!“—Такъ, но это было вчера, а теперь другое утро. Во все мое странствованіе я не могъ спать болѣе 4 или 5 часовъ. Надо было обдумывать о чемъ и какъ вести разговоръ, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ дней Литке поручилъ мнѣ сопутствовать великому князю въ прогулкахъ, чего онъ не довѣрялъ даже своему помощнику Лутковскому. Зиму я провелъ, по обычаю, въ занятіяхъ по музею общества и разсмотрѣніи поступающихъ монетъ. Готовилъ было записки о путешествіи великаго князя; но не понимаю, какимъ образомъ у меня, на

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666; т. LIV, апрѣль, стр. 129—144; іюнь, стр. 643—652; т. LV, сентябрь, стр. 477—498; т. LVI, декабрь, стр. 649—675.

квартирѣ, исчезла карманная записная книжка. Это была первая и единственная у меня пропажа. „Жалѣю я о ворѣ". Разумѣется, и записки остановились на.. листѣ. Для Календаря Новороссійскаго я написалъ статейку: „Одесскій Архангело-Михайловскій дѣвичій училищный монастырь". Это учрежденіе—незабвенный памятникъ пастырской заботливости о сиротахъ духовнаго званія, обыкновенно погрязающихъ въ невѣжествѣ и грубости. Доброе сердце архіепископа Гавріила обезпечило участь несчастныхъ сиротъ; при бывшей Михайловской церкви, построенной на пожертвованія жителей, въ томъ числѣ князя Воронцова, „пастырь добрый" устроилъ прекрасное помѣщеніе съ обширнымъ садомъ и завелъ для питомицъ порядокъ, существующій въ гражданскихъ благоустроенныхъ пансіонахъ. Дѣтей обучаютъ здѣсь: закону Божію, Св. Исторіи, чтенію книгъ славянскихъ, церковному пѣнію, грамматикѣ русской, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, рукодѣліямъ и хозяйству. Теперь семинаристы уже не обязаны жениться на дурахъ безграмотныхъ, какъ бывало. Кажется, за это дѣло, дѣйствительно, доброе, надо было бы сказать Гавріилу спасибо. Нѣтъ! Стурдза описалъ его нелестными словами своимъ знакомымъ, и все это за то, что Стурдза, съ сестрою своею, граф. Эдлингъ, принимавшій участіе въ сборѣ денегъ на монастырь, пожелалъ назначить игуменьею какую-то вдовую генеральшу, а „опытный пастырь" разсудилъ приставить къ сиротамъ не барыню, брезгающую ухаживать за полудикарками, какими обыкновенно бываютъ деревенскія, всѣми покинутыя и всѣми загнанныя, сироты. Гавріилъ приставилъ простую игуменью, которая материнскими попеченіями довела сиротъ до того представительнаго вида, который заслужилъ общее одобреніе.

Отложенное по вышесказаннымъ обстоятельствамъ путешествіе на Кавказъ стало у меня на первомъ планѣ. Окруживъ себя книгами и мѣстными картами, я подготовлялся къ разумному обзору края, диковиннаго во многихъ отношеніяхъ. Но и на этотъ годъ, т. е. 1846, предположеніе мое не состоялось. Нѣкоторые ученые профессора лицея, какъ то Байковъ, Левтеропуло, Цинъ, ежегодно уклонялись отъ установленной очередь писать къ годовому акту по преподаваемому предмету разсужденія и изслѣдованія. Симоновичъ, въ жизни разъ выступившій на

легонькую политико-экономическую полемику, сдѣлавъ полное fiasco, что говорится, руками и ногами отбивался отъ этой почетной обязанности, не смотря на то, что еще ни разу во все свое 23-хълѣтнее служеніе ея не выполнилъ. По предложенію совѣта, не имѣя права отказаться, я обязался доставить требуемое уставомъ разсужденіе. Вспомнивъ прошлогоднее путешествіе съ великимъ княземъ и затѣмъ разговоры и вопросы Ѳ. П. Литке, въ присутствіи его высочества дѣланные мнѣ, во время двухъсуточнаго плаванія по Азовскому морю, и, наконецъ, сужденія вице-адмирала о томъ, что Новороссійскій край слишкомъ туго подвигается въ развитіи, что степь остается степью [1]) и что нѣкоторыя учрежденія князя Воронцова не достигаютъ своей цѣли,—я, сколько зналъ и умѣлъ, многое защищалъ, а великій князь внимательно слушалъ. Чтобы письменно доказать, что въ краѣ все движется, по возможности, впередъ, я избралъ для чтенія на лицейскомъ актѣ тему: „Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края и Бессарабіи за истекшее двадцатипятилѣтіе, т. е. съ 1820 по 1846 годъ". „Очеркъ" былъ напечатанъ на счетъ лицея и нѣсколько экземпляровъ этого очерка я послалъ къ Ѳ. П. Литке, съ просьбою одинъ изъ нихъ представить его высочеству, какъ подтвержденіе моихъ защитительныхъ объясненій, высказанныхъ въ прошлое лѣто на пароходѣ, въ Азовскомъ морѣ. Вотъ что отвѣтилъ мнѣ Ѳедоръ Петровичъ, въ письмѣ отъ 25-го іюля 1846 г.:

„Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго края я получилъ и одинъ изъ нихъ, согласно желанію вашему, имѣлъ честь представить великому князю Константину Николаевичу. Его высочество поручилъ мнѣ благодарить васъ за память, что исполняю я съ особеннымъ удовольствіемъ. Прошу принять и мою искреннюю благодарность за сообщеніе новаго труда вашего. Кого не интересуютъ судьбы Новороссійскаго края?—въ немъ будущность Россіи. Не даромъ названъ онъ Новою Россіею. Въ этомъ имени заключается пророчество. Прошлогодняя прогулка наша по этому

[1]) Такъ судилъ Литке по статьѣ Надеждина „Новороссійскія степи", помѣщенной въ издаваемомъ имъ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Это—отмѣстка за отказъ князя хлопотать о немъ у С. С. Уварова.
Н. М.

прекрасному краю, подъ поучительнымъ руководствомъ вашимъ, останется для всѣхъ насъ незабвенною. Въ бесѣдахъ нашихъ мы очень часто вспоминаемъ объ этомъ интересномъ эпизодѣ нашего путешествія и вспоминаемъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ".

Прошлогоднее мое сопутствіе великому князю, конечно, было не въ ущербъ чести лицея, когда одинъ изъ его сочленовъ былъ почтенъ избраніемъ хотя въ кратковременные руководители великаго князя и къ тому же русскаго генералъ-адмирала! Порученіе шло оффиціальнымъ путемъ, но управлявшій лицеемъ въ качествѣ попечителя и директора лицея, г. N. N., не разсудилъ даже въ оффиціальномъ годичномъ отчетѣ лицея за 1845 годъ включить мое порученіе, исполненное мною, какъ явствуетъ изъ приложеннаго письма, по возможности, удовлетворительно. Вотъ что значитъ принадлежать къ другому приходу!

Въ наступившую вакацію я снова посѣтилъ южный берегъ Крыма, гдѣ керченскія курганныя раскопки, въ особенности, обратили мое вниманіе. Занимающіеся оффиціально этимъ серьезнымъ дѣломъ чиновники Ашикъ и Корейша, не имѣя никакого понятія о систематическихъ ученыхъ раскопкахъ древнихъ гробницъ и не получивъ необходимыхъ для нихъ инструкцій отъ эрмитажнаго начальства, куда всѣ керчинскія находки представлялись, дѣло это исполняли отвратительнѣйшимъ способомъ. Желая получить подарокъ или крестъ за находку, оба ретивые соперника наперерывъ старались раскопать побольше кургановъ или, по крайней мѣрѣ, начать раскопку и ею закрѣпить за собою права продолженія работъ на мѣстѣ. Лично они не присутствовали почти никогда, развѣ только въ случаѣ находки гробницъ съ вещами. Описанія и рисунковъ на мѣстѣ не дѣлали, хотя при керчинскомъ музеѣ имѣлся штатный рисовщикъ. Вещи двойныя, тройныя, четверныя, по произволу помянутыхъ господъ, раздавались кому имъ нравилось, или сбывались за границу. Такъ, у Фабра собралась большая коллекція вазъ и разныхъ керчинскихъ древностей и монетъ, разновременно поднесенныхъ ему Ашикомъ. А Фабръ не устыдился даренное продать за 1,200 рублей музею общества, нуждавшемуся всегда въ деньгахъ. Множество монетъ и золотыхъ вещей Ашикомъ передавалось за границу, а частью мастерами золотыхъ дѣлъ растоплялись въ

плавильномъ мѣшкѣ. Множество глиняныхъ предметовъ разбивалось на мѣстѣ находокъ, когда оныя не соотвѣтствовали видамъ кладоискателей. Руководителемъ всѣхъ курганныхъ работъ былъ отставной матросъ Дмитрій и нѣсколько другихъ землекоповъ, усвоившихъ практическій взглядъ на нетронутые курганы. Курганныя гробницы, образцы древняго архитектурнаго искусства, не только не сохранялись и не поддерживались, но, вслѣдствіе неизъяснимаго равнодушія оффиціальныхъ кладоискателей, разбирались на городскія постройки. Много мнѣ труда стоило уговорить Ашика дѣлать, по крайней мѣрѣ, рисунки гробницъ. Корейша не внималъ ни чему. У него и у Ашика я замѣтилъ большіе запасы вазъ, сосудовъ, вещей, монетъ, которые, лежа всѣ въ кучѣ, служили магазиномъ, изъ котораго ежегодно отправляли въ эрмитажъ вещи, сказывая въ рапортѣ, что такія и такія-то вещи были въ семъ году отысканы тамъ и тамъ. Вазы, видѣнныя мною въ 1836 г., Ашикомъ предъявлялись въ 1838 г. и т. д. Общество одесское попробовало было попросить Ашика и Корейшу подумать о правильномъ способѣ вскрытія кургановъ; но они словесно, какъ истые чиновники, отвѣчали: „они не подчинены обществу (хотя и втерлись въ число дѣйствительныхъ членовъ) и потому не дадутъ никакого отвѣта“. Только въ этотъ разъ керченскіе Эѳеоклъ и Полиникъ и были единодушны въ отвѣтѣ. Князь Воронцовъ былъ заваленъ военными дѣлами на Кавказѣ, да и жалобы къ нему могъ парализировать гарпагонъ Фабръ; керченскій же градоначальникъ князь Херхеулидзевъ былъ въ это время въ рукахъ сестры Ашика, какъ адоратеръ. Въ Ѳеодосіи, по неимѣнію ни людей, ни денегъ, никакихъ археологическихъ поисковъ не производилось, хотя и тамъ почва классической земли была бы благодарная. Музей, вмѣщавшійся въ небольшой турецкой мечети, заключалъ въ себѣ нѣсколько эллинскихъ надписей, генуэзскихъ и турецкихъ, нѣсколько сотенъ монетъ, неважныхъ, и все это было свалено на полу и въ шкафикахъ, какъ попало. Блюстителемъ музея былъ карантинный докторъ, Граперонъ, почтенный эмигрантъ французскій. Многочисленныя генуэзскія церкви, съ давнихъ лѣтъ оставленныя, разрушались, и городская дума своевольно продавала ихъ на сломку; камень годился на постройку дворовъ. Стѣны, по милости генерала Фенша,

давно не существовали и только нѣкоторыя башни, да сухіе рвы указывали бывшую величину Кафы генуэзской. Армянскія и генуэзскія церкви, что внутри карантина, всѣ были обращены въ чумныя помѣщенія или складъ негодныхъ вещей. Въ нихъ прежде я видѣлъ остатки живописи; но къ пріѣзду великаго князя заботливый инспекторъ Пекарскій все начисто забѣлилъ известью. Чудная судьба Ѳеодосіи! Ее всегда и всѣ разрушали: воспорцы, татары, турки, русскія войска, коменданты и градоначальники!... Послѣдній изъ нихъ, Казначеевъ, во время голода, бывшаго въ Крыму въ 1833—1834 гг., какъ таврическій губернаторъ, представилъ князю Воронцову, чтобы сломать стоявшую на площади старинную, великолѣпную турецкую баню (чудесная мечеть уже давно исчезла), съ цѣлію дать неимущимъ заработокъ, а изъ камня мечети и бани построить городской соборъ. Разумѣется, представленіе мѣстнаго ближайшаго начальника было разрѣшено и зданіе разрушено. Но ни собора не явилось, ни камня не оказалось. На вопросъ Ѳ. П. Литке: по какой причинѣ Одесское общество избрало Казначеева дѣйствительнымъ членомъ?—я отвѣчалъ: „по той, что онъ доставляетъ обществу развалины, предметъ статей и описаній“. Казначеева въ члены предложили оба Княжевичи.

Не лучшую судьбу имѣли херсонскія развалины. Обширное пространство нѣкогда, по обычаю древнихъ городовъ, обнесенное каменною стѣною съ высокими четыреугольными по срединѣ, а по угламъ круглыми башнями, теперь представлялось жалкими массами камня, слабо обозначавшими очертаніе прежнихъ стѣнъ. Внутреннія городскія каменныя постройки, церкви и одна пространная базилика, все это представляло груду камней. Изъ нея выстроились Севастополь, да здѣсь расположенный карантинъ. Сюда моряки посылали команду отыскивать мраморныя колонны, барельефы и статуи, которыя тутъ же разбивались въ куски и пережигались на известь, хорошую въ постройкахъ. Къ большему вандализму предполагалось построить новый, обширный карантинъ на самомъ Херсонесѣ; но мои возраженія противу севастопольскаго военнаго губернатора, слабенькаго старика Авинова, поддержалъ въ прошломъ году великій князь. И проектъ пересыпанья денегъ изъ казеннаго сундука въ карманъ подрядчика и К° остановился. Балаклавская крѣпостца, какъ позднѣйшая,—въ срав-

неніи съ Херсонисомъ,—генуэзская Чембало, сохранилась лучше. И это потому, что она, по крутости горы, трудно доступна.

Не знаю, какимъ путемъ имя мое стало замѣтно въ Италіи, развѣ по исторіи генуэзскихъ поселеній, о которой нидерландскій консулъ Тетбу де Мариньи сообщилъ когда-то свѣдѣнія въ „Journal des Débats"; только въ началѣ этого года я получилъ изъ Генуи приглашеніе на присутствованіе при „8 съѣздѣ италіанскихъ ученыхъ", предполагавшемся въ сентябрѣ этого же года въ Генуѣ. По какому-то темному чувству, я отклонилъ отъ себя такое лестное приглашеніе пріѣхать въ Геную, гдѣ непримѣтнымъ образомъ для дипломатовъ надвигались грозныя тучи, разразившіяся, въ 1848 г., надъ многими монархическими учрежденіями. При расположеніи князя Воронцова и министра Уварова, легко было бы уладить это путешествіе.

Осень и зиму этого года я занимался разсмотрѣніемъ библіотеки извѣстнаго въ свое время Дегурова, которую онъ предлагалъ продать сначала одесской публичной библіотекѣ, а потомъ учреждаемой въ Тифлисѣ публичной библіотекѣ. Для обсужденія надобности и цѣнности книгъ князь Воронцовъ, какъ намѣстникъ кавказскій, назначилъ особую коммиссію, въ которую меня назначили старшимъ. Книги были составлены „благопріобрѣтеннымъ способомъ" изъ библіотекъ петербургскаго и харьковскаго университетовъ и частныхъ боярскихъ библіотекъ, какъ это значилось на этикеткахъ. Собиратель ихъ, Дюгуръ, былъ во время французской революціи, нѣкоторое время, секретаремъ Робеспьера; но, сберегая свою голову, бѣжалъ изъ Парижа и явился въ Россію благонамѣреннымъ эмигрантомъ. Въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ гувернера дѣтскаго онъ попалъ въ дома вельможъ, пробрался оттоль профессоромъ въ харьковскій университетъ и, въ знакъ отвращенія къ французамъ, назвался Дегуровымъ; былъ доносчикомъ на сослуживцевъ и потомъ попалъ въ ректоры с.-петербургскаго университета, откуда попечителемъ Уваровымъ, однако, выкуренъ. Поселясь въ Одессѣ и выстроивъ домъ, онъ въ одно пріятное утро вздумалъ подать князю Воронцову записку о продажѣ своихъ книгъ для одесской библіотеки,—книгъ, дѣйствительно прекрасныхъ по содержанію и по переплету, съ уступкою съ рубля 40%. Провѣривъ книги съ стоявшими продажными цѣнами, я доложилъ князю, что продажа выгодна для

продавца, но не для города, поелику цѣны выставлены втрое и вчетверо; къ тому же много подобныхъ книгъ уже имѣется въ одесской библіотекѣ; тогда князь поручилъ разсмотрѣть ея годность въ отношеніи учреждаемой имъ тифлисской библіотеки. Разумѣется, книги вполнѣ туда подходили; но высокія цѣны я все-таки понизилъ. Вмѣсто запрошенныхъ 10,000 руб. г. Дегуровъ получилъ 6,451 р. 80 к. за 3,026 сочиненій, состоящихъ въ 6,846 томахъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю о томъ, что мнѣ удалось устроить двѣ публичныхъ библіотеки — одесскую и тифлисскую. Декабрь мѣсяцъ заключился наградою меня орденомъ Анны 2-й степени.

Конецъ зимы и начало весны были посвящены на изданіе Псковской судной грамоты, составленной на вѣчѣ въ 1467 г. Разсматривая сборникъ лѣтописный, почерка XVI вѣка, между переводами учительныхъ словъ Максима Грека, къ удивленію своему я открылъ полную псковскую судную грамоту, которой только конецъ былъ извѣстенъ Карамзину (И. Г. Р. V прим. 404). Радость моя о находкѣ такъ сказать другой „праводатной доски“ (первая—Русская Правда) была продолжительная. Хотѣлъ я было сдѣлать ей переводъ и примѣчанія; но бѣдность лицейской библіотеки и собственной помѣшали мнѣ. Не увлекаясь глубокою древностію, судную грамоту, получившую начало еще въ XIV вѣкѣ (въ 1397 г.), я отнесъ къ 1467 году, по поводу ея послѣдней редакціи. Напечатанные экземпляры были разосланы ученымъ; но академія наукъ, университеты и прочіе русскіе юристы прошли псковскую грамоту глубокимъ молчаніемъ. Занялись ею только г. Калачевъ, профессоръ Неволинъ, да археографическая коммиссія, состоящая при министерствѣ просвѣщенія, отозвалась о ней такъ: „Напечатанная г. Мурзакевичемъ въ Одессѣ псковская судная грамота, по историческому достоинству, равняется Русской Правдѣ, Новгородской Судной грамотѣ, Судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV“.—Сослуживецъ лицейскій, профессоръ русской словесности Зеленецкій, не знаю по чьимъ побужденіямъ, помѣстилъ на мою находку плохенькую рецензію въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“. Но возбужденное противъ него общее негодованіе понудило рецензента обратиться ко мнѣ съ слѣдующимъ страннымъ письмецомъ: „Вчера въ обществѣ я замѣтилъ, что вы рѣшительно на меня сердиты. И имѣете полное

право; но я каюсь, винюсь въ своей рецензіи и прошу у васъ великодушнаго прощенія: я поступилъ не по товарищески и не могу оправдать себя ни тѣмъ, ни другимъ; хотите ли принять руку примиренія?—при первомъ, однако-жъ, случаѣ, я поправлю то, что сдѣлано было хотя безъ всякаго худаго умысла, но, повторяю, не по товарищески. Искренно преданный вамъ К. Зеленецкій. 10-го апрѣля 1847 г.". Странная литературная совѣсть! — Въ засѣданіи общества древности мнѣ, какъ секретарю, было не до литературныхъ объясненій и сердиться казалось неумѣстнымъ.

XXIII.

Поѣздка на Кавказъ (1847 г.).—Новороссійскій портъ.—Прибрежныя укрѣпленія. — Пицунда. — Кн. Михаилъ Шервашидзе. — Редутъ-Кале. — Н. А. Райко.—Зугдиди, резиденція кн. Дадіана Мингрельскаго.—Горная природа. — Кутаисъ, Квирила, Гори, Мцхетъ, Тифлисъ. — Армяно-грегоріанскій патріархъ Нерсесъ.—Горные хребты и ущелья.—Озеро Гочка.—Эчміадзинскій монастырь.—Александрополь.—Кахетія.—Телавъ.—Алавердскій храмъ.—Прощаніе съ патріархомъ. — Казбекъ и Терекъ; Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. — Генералъ Никол. Степ. Завадовскій. — Епископъ Іеремія. — Ставрополь и Екатеринодаръ.

Покончивъ дѣло съ лицейскими экзаменами, я отправился въ Тифлисъ, вслѣдъ за купленными для его библіотеки книгами. Съ собой также я везъ бумагу для „Кавказскаго Календаря", по моему предложенію начавшагося издаваться въ Тифлисѣ. Князь, чрезъ посредство директора своей канцеляріи С. В. Сафонова, о предметахъ, касающихся ученой части, постоянно требовалъ моихъ мнѣній. Такимъ путемъ, кромѣ основанія для Кавказа собственнаго календаря-газеты, я предложилъ учрежденіе: агрономическаго общества, нумизматической и минералогической мѣстныхъ коллекцій и установленія частныхъ экспедицій съ учеными цѣлями. Вотъ чѣмъ объясняется та частая корреспонденція между княземъ, его директоромъ и мною, которая постоянно приводила въ недоумѣніе Фабра съ его канцеляріею. Въ Ѳеодосіи я не засталъ А. А. Уманца, который переѣхалъ на службу въ Керчь. Здѣсь съ нимъ я провелъ три дня въ

разспросѣ о подробностяхъ его недавняго путешествія, сдѣланнаго имъ въ Египетъ и на Синайскую гору. Онъ былъ княземъ посланъ въ числѣ членовъ экспедиціи, наряженной для изслѣдованія чумы на востокѣ. Чумы не отыскали, а всѣ пріятно проѣздились и получили хорошія награды. По крайней мѣрѣ, Уманецъ, старый мой университетскій сверстникъ, не полѣнился сообщить свои впечатлѣнія читающей публики: книга его вышла въ свѣтъ въ 1850 году. Послѣ непріятныхъ объясненій съ Ашикомъ и Корейшею, на счетъ неизмѣняемой ими дурной методы раскрытія кургановъ (имъ я откровенно сказалъ, что „роются, какъ свиньи"), я 27-го мая, на военномъ пароходѣ „Боецъ", поплылъ въ Анапу.

Городокъ этотъ не что иное, какъ большая малороссійская деревня, окруженный валомъ и защищаемый храбростію казаковъ, но не отличающійся многолюдствомъ. Портъ дрянной, открытый, каменистый. Новороссійскій портъ, изъ котораго адмиралъ Лазаревъ намѣревался сдѣлать второй Севастополь, живописенъ по мѣстоположенію, довольно здоровъ и даже имѣетъ постоянныя торговыя сношенія съ горцами, съ которыми ловко обращался умный армянинъ, вице-адмиралъ Серебряковъ, но никакъ негоденъ для корабельной стоянки. По временамъ дующій страшный вѣтеръ, именуемый „борою", или выбрасываетъ на берегъ суда, хотя бы были на 4-хъ якоряхъ, или ихъ затопляетъ. Такъ, напр., погибъ тендеръ „Струя" со всѣмъ экипажемъ. Волны и брызги, замерзши, погрузили на дно залива тендеръ, крѣпко стоявшій на якорѣ. Геленджикское укрѣпленіе состояло изъ деревушки, окруженной валомъ и частоколомъ, покрытымъ такимъ колючимъ, крѣпкимъ терновникомъ, что ни звѣрь, ни человѣкъ не могутъ чрезъ него пробраться. Не понимаю, какъ горцы не прибѣгали къ поджогу. На углахъ валовъ стоятъ блокгаузы съ пушками, всегда готовыми къ выстрѣлу картечью. Кромѣ бдительныхъ часовыхъ, ночью, собаки лучше хранятъ безопасность своихъ кормильцевъ. Такія же точно укрѣпленія: Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, Навагинское и Св. Духа. Тѣ же избушки, валы съ терновникомъ, одутловатые отъ лихорадокъ солдаты, съ радостію встрѣчающіе пріѣзжихъ. До учрежденій княземъ Воронцовымъ постоянныхъ правильныхъ сообщеній посредствомъ пароходовъ, на которыхъ долгое

время пассажиры перевозились даромъ, снабженіе гарнизоновъ производилось посредствомъ военныхъ транспортовъ. Плохія суда, плохіе командиры, жестокіе вѣтры и морскія зыби были причиною, что транспорты по цѣлымъ мѣсяцамъ болтаются туда и сюда по морю, а къ укрѣпленію боятся подходить; между тѣмъ гарнизонъ оставался безъ хлѣба; объ удобствахъ и рѣчи не могло быть. Съ появленіемъ же пароходовъ, все ожило и облегчилось. Чтобы пароходы иногда не могли уклоняться отъ указанныхъ пунктовъ, поручено было имъ развозить почту. Пушки охраняютъ крѣпостную селитьбу, они же сопровождаютъ людей, посылаемыхъ на покосъ травы и рубку дровъ. Смерть во всякое время—дѣло обычное и привычное. Молодыхъ рекрутовъ, сюда посылаемыхъ, убивала сколько лихорадка, столько же, если не болѣе, тоска по родинѣ и отрѣшеніе отъ прочихъ людей. Горцевъ гарнизоны не иначе звали, какъ звѣрями. Медицинскія пособія, по словамъ лекарей, были самыя дурныя. Гагра, классическая Пагра, есть не что иное, какъ каменная круглая крѣпостца, внутри которой живетъ гарнизонъ. Здѣшнее ущелье служитъ входомъ во внутренность кавказскихъ горъ. Высоты здѣшнія такъ значительны, что горцы, въ досужее время, забавляются подстрѣливаніемъ на выборъ людей. Гагрою кончается совершенно неприступный берегъ для русскихъ. Но иностранцы, въ легкихъ маленькихъ судахъ, именуемыхъ „чектырма“, передѣланныхъ нами въ „кочермы“, съ товарами и военною контрабандою, удобно могутъ приставать, гдѣ угодно. Сильные морскіе прибои не опасны для кочермъ, а неповоротливость нашихъ крейсеровъ, справедливо опасающихся близко подходить къ берегу, позволяютъ имъ безопасно приставать, вытаскивать лодки съ грузомъ на берегъ и въ густыхъ деревьяхъ укрываться.

Пицунда, древній Питіусъ, поразителенъ величіемъ тысячелѣтнихъ сосенъ, а за ними величаваго византійскаго храма, построеннаго чуть ли не во время Юстиніана, т. е. въ VI вѣкѣ; впослѣдствіи здѣсь было мѣстопребываніе патріарха. Было намѣреніе реставрировать храмъ, были отпущены и деньги; но академія художествъ прислала юношу-архитектора Норева, который ни болѣе, ни менѣе, какъ задумалъ чудесный храмъ въ нѣкоторыхъ частяхъ передѣлать. Затѣмъ придумалъ: чтобы достойно

его возстановить, прежде объѣхать всю Италію, западную и южную Европу, и уже по видѣннымъ образцамъ перестроить пицундскій храмъ, ровно ничего не имѣвшій общаго съ католическимъ западомъ. Разумѣется, вслѣдствіе такихъ химеръ, возстановленіе храма оставлено. Недобросовѣстны были и смѣты инженерныя, насчетъ строительныхъ матеріаловъ, которые предполагалось возить изъ Керчи, а такіе были тутъ цѣлыя зданія, не показанныя на планѣ. Обо всемъ этомъ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ, согласно желанію князя, я въ свое время написалъ съ полною откровенностью.

У Пицунды, начиная съ Анапы, кончается область горскихъ народовъ, которые у древнихъ эллиновъ именовались: синдами, ахеями, зихами и иніохами, въ наше время—нитхойцами, шапсухами, убыхами, джихетами.

Укрѣпленіе Бомборы находилось въ полумирномъ положеніи; неподалеку находится селеніе Суукъ-су, резиденція владѣтельнаго князя абхазскаго, Михаила Ширвашидзе. Имѣя отъ князя Михаила Семеновича рекомендательное письмо, я былъ у его свѣтлости весьма добродушно принятъ и услышалъ отъ него разсказъ, какъ въ 1833 г. онъ непочетно выпроводилъ отъ себя нашего профессора Нордмана. Собиратель насѣкомыхъ, опираясь на данное ему порученіе с.-петербургскою академіею наукъ, не спросясь поселился въ княжескомъ павильонѣ, гдѣ сталъ развѣшивать снятыя кожи съ животныхъ и змѣй. Разумѣется, хозяину это не понравилось и хотя профессоръ опирался на академію наукъ, но не удержалъ за собою занятаго павильона.

Отъ этой мѣстности, громадныя горы кавказскія, тянущіяся вблизи берега, начинаютъ углубляться внутрь Кавказскаго края. Замѣчательная высота, именуемая Сеферъ-беева шапка, служитъ морякамъ замѣтнымъ признакомъ.

Сухумъ-кале имѣетъ обширную и довольно спокойную бухту, но, по причинѣ окружающихъ его болотъ, изобилуетъ лихорадками. Говорятъ, что даже куры страдаютъ этою болѣзнію.

Верстахъ въ 10, берегомъ, находится мѣстечко Келасуръ, водвореніе англійской контрабанды. Его-то мнѣ захотѣлось увидѣть. Отправясь съ парохода на лодкѣ, мы благополучно доплыли до него; но возвращеніе было бѣдственное. Поднявшаяся

морская зыбь насъ, пересѣвшихъ на 12 весельный катеръ, едва не залила грозными волнами; мы, въ числѣ 16 душъ, были выброшены на каменистый берегъ. Берегомъ мы достигли Сухума, опасаясь каждую минуту, чтобы насъ не задержали дикіе абхазы, съ требованіемъ выкупа.

Редутъ-Кале, скверное пристанище для судовъ, которыя обязаны останавливаться вдали отъ опасныхъ буруновъ и притока горной рѣчки Хопи. Горе тѣмъ, которые не попадутъ въ русло рѣчки, часто измѣняемое своевольною Хопью,—гибель неизбѣжная! Мѣстность Редутъ-Кале низменна, болотиста, возвышающаяся только на 5 футъ надъ уровнемъ моря. Дома и духаны (харчевни и винопродажни) сколочены изъ досокъ и для зимы невыносимо холодные. Изъ редута я пустился въ путь, во внутренность нѣкогда классической древней Колхиды, прославленной сколько красотою Медеи, столько и ея свирѣпостью. Переправясь черезъ рѣку Ингулъ на дубѣ выше Анакліи, опустѣлаго укрѣпленія, я въѣхалъ въ лѣса Мингреліи. Дремучіе, величественные, роскошные лѣса, гдѣ яркозеленый плющъ обхватываетъ цѣлыя громадныя деревья и ихъ собою покрываетъ, поглотили все мое вниманіе. Въ нѣмомъ удивленіи и восторгѣ отъ красотъ причудливой природы, молчаливо ѣхалъ я съ спутникомъ, не менѣе меня пораженнымъ. Спутникъ мой былъ Николай Александровичъ Райко. Умный и энергическій, Райко въ молодости служилъ въ войскѣ, но въ греческую этерію, не спросясь, оставилъ службу, уѣхалъ въ Грецію, и тамъ, совмѣстно съ другими филэллинами, храбро сражался съ турками, былъ раненъ и нѣкоторое время былъ начальникомъ крѣпости, въ чинѣ полковника. По возвращеніи въ Россію, онъ долженъ былъ прослужить солдатомъ на Кавказѣ, но вскорѣ съ прежнимъ чиномъ выпущенъ въ отставку. Теперь онъ ѣхалъ въ Грузію, въ качествѣ шелковода и собирателя коконовъ шелковичныхъ червей, которые придумалъ, для легкости разсылки, прессировать. Съ нимъ я доѣхалъ до Зугдиди (или Григоріополъ), резиденціи владѣтельнаго князя Мингреліи, Дадіана. Мы не застали владѣтеля, переселившагося на лѣто въ ущелья Горди. Здѣсь Райко остался, а я, проведя полдня въ Зугдидахъ, на данномъ изъ княжей конюшни бойкомъ рысакѣ (бача) пустился

съ проводникомъ по трущобамъ Мингреліи. Письмо рекомендательное намѣстника кавказскаго къ Дадіану, по сказанной причинѣ, не отдавалъ. Путь мой лежалъ небольшою дорогою, правильнѣе же тропинкою, протоптанною вьючными лошадьми и глубоко прорѣзанною мѣстными арбами (двухколесными повозками, у которыхъ колеса не со спицами, а прямо деревянные круги, во всю толщу дерева, скрѣпленные брусьями), везомыми могучими буйволами. Чтобы пробраться къ деревнямъ, надлежало имѣть опытнаго проводника; всѣ селенія скрывались въ густѣйшей чащѣ деревъ и кустарниковъ, сквозь которые надлежало пробираться съ ущербомъ для верхняго платья отъ острыхъ колючекъ. Деревни мингреловъ состоятъ изъ деревянныхъ досчатыхъ хижинъ, крытыхъ соломою и жердями, точно какъ въ Бѣлоруссіи. Среди хижины на треножникѣ виситъ котелокъ, подъ которымъ постоянно курится огонь, коего дымъ выходитъ въ проведенную трубу. Вотъ откуда произошла „подымная подать“. Кругомъ стѣнъ широкія лавки. Это все убранство. Въ котелкѣ грѣютъ воду, молоко, или варятъ „гомъ“, туземное мелкое просо (единственная пища бѣдныхъ), иногда приправляемое саломъ. Скота держатъ достаточно, но онъ мелокъ и почти исключительно чернаго цвѣта; водятся у нихъ также и стада полудикихъ свиней. Лошади малорослыя, но сильныя и выносчивыя. Если я когда либо видѣлъ въ натурѣ ту чудную, стройную красоту, идеализованную въ изваяніяхъ медицейской и милосской Венеръ и въ античныхъ статуяхъ и барельефахъ, то я видѣлъ ее живую въ Мингреліи. Дѣвочки 12 лѣтъ ходятъ легко прикрытыя, а мальчики до такихъ же лѣтъ бѣгаютъ нагіе. Нищета царитъ повсюду. Климатъ сырой, лихорадочный, пища малопитательная; ночью холодъ почти всегдашній. Одежда мингрела: рубашка по колѣно, холщевые порты, армякъ, башлыкъ (прототипъ монашескихъ „кукулей“, по нынѣшнему клобуковъ), сверху черная овечья бурка по колѣно и, наконецъ, широкій неизбѣжный кинжалъ. Бурка защищаетъ отъ холода, дождя, палящаго солнца, служитъ еще постелью и изголовьемъ. Красивые дѣвушки и мальчики—вотъ то „золотое руно“, за которымъ такъ отважно пускались къ здѣшнимъ „негостепріимнымъ берегамъ“ древніе эллины, послѣ же ихъ турки. Зугдиди имѣетъ просторную каменную церковь, въ старомъ византійско-русскомъ вкусѣ, большія

мѣстныя (по московскому обычаю) иконы, недостроенный каменный двухъэтажный домъ владѣтельнаго князя, рядъ деревянныхъ домиковъ подъ сѣнію роскошныхъ деревъ, такова резиденція князя. Такіе нѣкогда были и русскіе княжескіе „стольные грады". Зугдиди стоитъ надъ уровнемъ моря на 275 футъ. Помѣстьями Дадіана управлялъ французскій выходецъ Льетаръ, принимавшій меня гостепріимно. Отъ него я узналъ, что владѣтель желалъ бы придерживаться въ домашнемъ быту французскихъ обычаевъ, но князья и дворянство на нововведенія смотрятъ неблагосклонно. Еще владѣтель старается удержать за собою право рубленія ушей и рукъ и смертной казни, чему состоящій при немъ русскій приставъ постоянно противодѣйствуетъ. Исполинскіе буки и дубы, ясени, переплетенные между собою прядями роскошнаго плюща и дикаго винограда, составляютъ сплошную массу дивной растительности, чрезъ которую я пролагалъ себѣ дорогу. Никогда въ жизни я не слышалъ такого страшнаго треску, раската и ударовъ грома, какіе привелось слышать въ здѣшнихъ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ. Тысячелѣтнія деревья, побитыя громомъ или вывернутыя съ корней бурею, постоянно преграждали мнѣ путь. На каждомъ шагу попадались отростки новыхъ деревъ, вышедшихъ отпрысками отъ старыхъ, уже гніющихъ; ихъ сплетенныя вѣтви, злачная высокая трава, одуряющіе запахи цвѣтовъ представляли также немалое препятствіе любопытному путнику. Необходимо было, сколь возможно тише, пробираться сквозь чащу, чтобы сохранить одежду, которую со всѣхъ сторонъ хлестали и рвали нависшіе кусты. Здѣсь возобновилась въ моемъ воображеніи древняя „Русь", которая свои древніе грады скрывала въ трущобѣ лѣсной. Извѣстна же древняя пословица: „Буй да Кадуй (города Костромской губ.) чертъ три года искалъ, а онъ подъ носомъ сидѣлъ". На третій день странствія, среди котораго встрѣчалъ всюду радушное гостепріимство добрыхъ мингреловъ, страшно утомленный, я прибылъ въ Мерань, торговое мѣстечко на рѣкѣ Ріонѣ (классическомъ Фазисѣ), возвышающееся на 67 футовъ. Въ селеніи Хони, подивившись огромнѣйшимъ буковымъ деревьямъ, я пустился къ равнинѣ, постепенно переходящей въ холмы; затѣмъ черезъ горы, густо поросшія дубомъ, букомъ, елью и березою, я достигъ до новоучрежденнаго губернскаго города. Кутаисъ расположенъ по

крутому косогору р. Ріона (473 фута); надъ нимъ господствуютъ высокія стѣны великолѣпнаго нѣкогда собора, взорваннаго турками. Остатки стѣнъ изящной архитектуры поросли плющемъ. Домики разбросаны среди густолистыхъ деревъ. Взойдя, надъ древнимъ Генатскимъ или Гелатскимъ (отъ Кутаиса верстахъ въ пяти) соборомъ, на живописную скалу (1143 фута), я увидѣлъ слѣды древняго морскаго дна, поросшаго непрерывнымъ густымъ лѣсомъ. Сюда свои виды простиралъ „гостепріимный Понтъ“ (Черное море). Здѣсь было торговое мѣсто эллиновъ, падкихъ на „Золотое Руно“. Кутаисъ созвучитъ съ именемъ одного изъ воспорскихъ царей Котиса. Не отсюда ли династія Котисовъ вышла на Воспоръ Киммерійскій? Монастырь Гелатскій, кромѣ замѣчательныхъ церквей армяно-грузинской архитектуры, славится своею древнею иконою Богоматери (Хахульской), сходственною съ московскою Владимірскою, что въ Успенскомъ соборѣ, а также прекрасною византійскою мозаикою, кажется, X вѣка. Показывали мнѣ митрополичью богатую древнюю ризницу, архіерейскую митру съ короною, точно такую, какую себѣ затѣялъ властолюбивый Никонъ, русскій неудавшійся папа Григорій VII. Вотъ здѣсь должно учиться нашимъ церковностроителямъ, а не выдумывать свои нелѣпые планы византійской архитектуры, никогда ими не виданной, какъ это сдѣлалъ наглый полуневѣжа (въ сказанномъ отношеніи) академикъ Тонъ. По дорогѣ отъ Квирила, миновавъ Сарапань, гдѣ въ отдаленной древности производился мѣновой торгъ съ инородцами и для того здѣсь, по сказанію Страбона, имѣлось нѣсколько переводчиковъ, я чрезъ лѣсныя и гористыя станціи Бѣлогорскую (825 ф.), Мелитскую (1500 ф.), мимо Сурама (2,289 ф.), мѣста, нездороваго по причинѣ разводимаго здѣсь „чалтыка“ — риса, любящаго на сильномъ жару стоячую воду, чрезъ Гаргарепскій перевалъ спустился въ Гори; а чтобы добраться до него, надобно было переправиться чрезъ горный, сильный потокъ, не на лодкѣ или паромѣ, но на телѣгѣ, запряженной буйволами. Да и эти сильные пловцы должны были бороться съ водою. Высокая гора, съ остатками стѣнъ и башенъ, постройки VIII вѣка, господствуетъ надъ землянками и домиками этого уѣзднаго городка. Въ сел. Самтависи изящные арабески на тамошней церкви меня сильно заняли: впослѣдствіи я встрѣчалъ такія зачастую,

особенно приближаясь къ Эривани. Отсюда по широкой, почти безплодной равнинѣ, мимо Мцхета, замѣчательной церкви, какъ мѣста погребенія грузинскихъ царей и ихъ семействъ, чрезъ Гаргарепскую, прескверпѣйшую, каменистую станцію и чрезъ смѣло построенный мостъ на р. Арагвѣ, я достигъ Тифлиса, нѣкогда столицы грузинскихъ царей, теперь же резиденцію намѣстника кавказскаго.

Тифлисъ—городъ будущихъ надеждъ: развитія цивилизаціи края и торговли. Городъ лежитъ среди господствующихъ высотъ по обѣ стороны быстрой Куры, великъ, но не благообразенъ. Все, что показалось лучшимъ, то построено недавно. Кромѣ С.-Петербурга, нигдѣ не встрѣчалъ я такого количества образованныхъ людей, какъ здѣсь въ это время. Имя Воронцова привлекало къ себѣ лучшую молодежь, гражданскую и военную. Домъ намѣстника, построенный, кажется, Ермоловымъ, очень похожъ на гауптвахту; предъ нимъ широкій четыреугольникъ для военныхъ разводовъ. Отовсюду городъ открытъ амфитеатромъ. Дома, караванъ-сераи, въ узкихъ улицахъ стѣсненные, и затѣмъ предмѣстья, окруженныя роскошною зеленью деревъ и винограда, частыя церкви, съ остроконечными куполами, необыкновенно живописны. Князя Михаила Семеновича въ городѣ не было; онъ уѣхалъ къ отряду подъ Салты. Уладивъ дѣло книгъ, прибывшихъ для здѣшней библіотеки, и познакомясь съ временнымъ директоромъ канцеляріи Щастливцевымъ (издателемъ „Екатеринославскаго календаря“ въ 1811 году), я нашелъ радушный пріемъ у А. А. Борзенко. Къ несчастью, я попалъ въ Тифлисъ въ дурное время: здѣсь распространилась сильная холера и жители разбѣгались по горамъ и деревнямъ. Мнѣ вручили бумагу отъ князя (№ 3715) о томъ, чтобы я осмотрѣлъ весь край, если можно, въ антикварномъ отношеніи и сообщилъ бы свои замѣчанія. Въ это время я возобновилъ давнее знакомство съ армяно-грегоріанскимъ патріархомъ Нерсесомъ. Экзархъ-же сидѣлъ въ крѣпкой заперти, ради страха холернаго. Пастырь этотъ почти не зналъ своей епархіи. Уже князь непримѣтно знакомилъ его съ достопримѣчательными мѣстными монастырями, приглашая съ собою для ихъ обозрѣнія.

Духовенство грузинское довольно образованно; здѣшняя семинарія порядочная, гимназія же посредственная, но помѣщеніе

ея одно изъ лучшихъ въ городѣ. Во всѣхъ строеніяхъ Тифлиса типъ азіатскій; видъ ихъ неряшливый и полуобрушенный. Мѣтко опредѣленіе нашихъ солдатъ: „сказано, что Азія, такъ и есть Азія". Отдохнувъ нѣсколько дней, я пустился по направленію къ Эривани. Въ первый разъ на р. Курѣ пришлось увидѣть стада горныхъ, хищныхъ и безобразныхъ орловъ-ягнятниковъ. Затѣмъ открывавшаяся гористая мѣстность, напр., мѣстность Коды (1,978 ф.), Истибулатъ (2,312 ф.), Чурусанъ (2,816 ф.) и Далижанъ (4,200 ф.), покрытая по вершинамъ кустарниками и лѣсами, поглощали все мое вниманіе, особенно неподалеку отъ..... отдѣльно стоящая каменная скала. Пространство это, около 150 верстъ, представляетъ чудеснѣйшее сочетаніе разнообразнѣйшихъ красотъ, во всѣхъ родахъ, преимущественнѣе у Дилижанскаго ущелья. Неизгладимо изъ памяти зеркальное озеро Гокча съ уединеннымъ островкомъ Севанга, исправительнымъ мѣстомъ армянскихъ монаховъ. Здѣшняя станція Чубухеве имѣетъ высоту, полагаемую геодезистами 6,245 футъ, Еленовская же 6.270 ф. Здѣсь я нашелъ заселяющихся духоборцевъ. Мало удобна эта мѣстность, но другія, отведенныя для этихъ сектаторовъ нашимъ университантомъ Ю. А. Гагемейстеромъ, оказались несравненно хуже. Ужъ не пожелалъ ли быть г. Гагемейстеръ подражателемъ Моисею, который, заведя евреевъ въ каменистую пустыню, почти всѣхъ переморилъ.

Тамъ, гдѣ изъ озера Гокча беретъ свое начало рѣчка Занга, я изъ любопытства перешагнулъ черезъ нее, не омочивъ ноги. Спускаясь отъ сего мѣста все ниже и ниже, къ котловинѣ р. Аракса, у Ахтынской станціи (5,687 ф.), я увидѣлъ библейскій Большой Араратъ (16,960 ф.) и Малый (12,835 ф.), оба въ видѣ сахарныхъ головъ.

Цѣлый день былъ употребленъ на обозрѣніе Эривани, при чемъ припомнилась пословица: „славны бубны за горами!", когда я увидѣлъ крѣпость, построенную изъ землебитнаго кирпича. Замѣчательны: мечеть съ величественными возлѣ нея чинарами, базаръ и серай (дворецъ) съ парадною ханскою комнатою, украшенною мелкими зеркальными стеклышками и персидскою живописью, кажется, единственною у послѣдователей Аліева ученія. Эривань наполнена поливными садами; персики ея славятся нѣжностью и величиною; за то лѣтомъ жить тамъ наказанье.

Спертый высокими садовыми стѣнами воздухъ, водная прѣль отъ грязной пропускной воды, міріады москитовъ и комаровъ, лихорадки гастрическія, вотъ что достается бѣдняку, не имѣющему средствъ уйти изъ города и поселиться въ горахъ. Бѣдные солдаты и полиція остаются на жертву. Нѣкоторымъ спасеніемъ жителямъ служатъ деревянныя „вышки“, на которыхъ проводятъ ночь; туда, по крайней мѣрѣ, не досягаютъ міазмы. Но какой чудный, величественный видъ изъ города и изъ крѣпости на Араратъ въ снѣжной шапкѣ! 20-го іюля въ Эривани я испыталъ 40° на солнцѣ; впрочемъ, особаго изнуренія я не чувствовалъ, а напротивъ избавился отъ зубной боли и ревматизма, бывшаго у меня со времени студенчества.

Пользуясь вечернею прохладою, я пустился къ Эчміадзину.

Возница мой былъ армянинъ и ему за всякимъ кустомъ мерещились „нехорошіе люди“. Въ 9 часовъ вечера я вступилъ въ стѣны Эчміадзинскаго монастыря. Вся братія ужинала на чистомъ воздухѣ предъ главною церковью. Слабый свѣтъ тусклыхъ фонарей, падавшій на смуглыя монашескія лица въ ихъ остроконечныхъ клобукахъ, дѣлалъ эффектною картину, подъ темносинимъ звѣзднымъ небомъ. Я былъ принятъ Лукою, намѣстникомъ патріаршимъ, почетно, вслѣдствіе письма Нерсеса, предлагавшаго принять „его друга внимательно“. Помѣстили меня въ патріаршемъ кабинетѣ и спальнѣ; на утро показали все достойное вниманія. Изъ членовъ синода образованностью своею рѣзко отдѣлялся не старый еще епископъ Іоаннесъ Шахатуновъ, а изъ кишиневскихъ знакомыхъ я нашелъ архимандрита Ѳаддея, отправленнаго потомъ епископомъ въ Испагань. Эчміадзинскій соборъ не древенъ; онъ красиво расписанъ, хотя и пестро, въ персидскомъ вкусѣ. Библіотека богата армянскими рукописями. На другой день, въ 50° жара, я обошелъ устраиваемые Нерсесомъ помѣщеніе для семинаріи, прудъ и садовыя плантаціи, но чуть не поплатился солнечнымъ ударомъ. Замѣчательно сочетаніе случаевъ жизни этого умнаго и полезнаго для Россіи человѣка съ нѣкоторыми случаями жизни князя Воронцова. Когда князь Воронцовъ начиналъ военное поприще на Кавказѣ въ 1803 году, то Нерсесъ въ званіи епископа въ 1808 г. произнесъ „Слово въ армянскомъ монастырѣ, въ Эчміадзинѣ, въ присутствіи предводителя россійско-императорскихъ

войскъ, его сіятельства генералъ-фельдмаршала графа И. К. Гудовича, объ успѣхахъ христолюбиваго россійскаго воинства, при случаѣ вступленія онаго въ предѣлы Араратскіе". Эту библіографическую рѣдкость я пріобрѣлъ для одесской публичной библіотеки. Въ 1843 г. изъ долговременнаго кишиневскаго заточенія (съ 1829 г.), вслѣдствіе жалобъ фельдмаршала Паскевича, Нерсесъ вызывается въ С.-Петербургъ, тамъ заболѣваетъ отчаянно, но, посредствомъ магнетизма г. Пашкова, выздоравливаетъ и въ санѣ патріарха-католикоса всѣхъ армяно-грегоріанъ въ 1844 г. пріѣзжаетъ въ Тифлисъ. Въ томъ же году и князь Михаилъ Семеновичъ назначается кавказскимъ намѣстникомъ. Князь умираетъ въ 1856 г., а Нерсесъ въ 1857 году. Внезапная пріязнь и уваженіе соединяли двухъ полезныхъ дѣятелей. Изъ Эчміадзина я пустился къ Алагезу (13,450 ф.), на который, изъ празднаго любопытства, я добрался до снѣжной линіи (9,000—10,000 ф.). Тутъ я вкусилъ и позналъ прелесть горнаго воздуха, успокаивающаго умъ и тѣло. Вотъ почему всѣ законодатели человѣчества, предъ подвигомъ, уединялись въ горныя высоты и тамъ умственно и тѣлесно созрѣвали. По спускѣ съ высотъ, я имѣлъ ночлегъ у кочующаго курдинскаго шейха, старшины, перекочевавшаго на лѣто, съ стадами, изъ-за Аракса. Отсюда по горамъ я добрался до Кипчака, гдѣ армяне поклоняются иконѣ Богоматери, писанной евангелистомъ Лукою, по моему же предурнымъ недавнимъ маляромъ.

Отсюда направился къ Александрополю (4,818 ф.), предѣлу русскихъ владѣній съ Турціею. Здѣсь съ епископомъ Шахатуновымъ, перебредя черезъ ручеекъ Арпачай (границу), мы достигли прекрасныхъ руинъ Ани (4,668 ф.), древнѣйшей армянской столицы. Смотря на многія еще уцѣлѣвшія церкви съ изящными пропорціями и узорами, я убѣдился, что здѣсь получила бытіе та архитектура, которую архитекторы не знали какъ назвать—это архитектура армяно-грузинская. По ея причудливымъ образцамъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный построилъ въ Москвѣ извѣстный всякому соборъ Василія Блаженнаго. Не хотѣлось намъ скоро оторваться отъ почтенныхъ руинъ, восходящихъ почти до VII вѣка. Благородный патріотъ Шахатуновъ сѣтовалъ тутъ о прошломъ величіи своего племени, какъ нѣкогда на развалинахъ Іерусалима рыдалъ пророкъ Іеремія. Церкви подобныя

анійскимъ видѣлъ я въ Дара-чачакѣ и его окрестныхъ селеніяхъ. О возстановленіи ихъ я говорилъ патріарху; но онъ отозвался о бѣдности церковной кассы, вслѣдствіе дурнаго хозяйничанья тифлисскаго архіепископа Карабета. Этотъ толстякъ отдалъ въ наемъ подъ танцевальное собраніе домъ, построенный для семинаріи, а учениковъ размѣстилъ гдѣ-то въ захолустьи. Богатый Карабетъ имѣлъ поддержку въ министерствѣ противъ взыскательнаго патріарха; но патріархъ таки его устранилъ отъ должности. Снова изъ Эчміадзина, переправясь въ бродъ черезъ Араксъ, я пустился къ подошвѣ Арарата. Во имя уважаемаго всѣми „Сардаря“ (намѣстника), разбойные курды принимали меня гостепріимно. Горсть серебряныхъ пятачковъ, данная красивымъ дѣтямъ курдовъ, пріобрѣтала бо́льшую благосклонность, чѣмъ горсть „манэтъ“ (рублей). Пятачки шли на косы, пояса дѣвушекъ. Отъ одного кочевья до другаго старшины, или ихъ дѣти съ санджакомъ (копьемъ съ большою круглою кистью) провожали меня, развлекая дорогою джигитовкою. И тутъ пятачки играли роль. Жары, особенно лишенія всякаго рода (невесело было видѣть, а тѣмъ болѣе ѣсть шашлыкъ, приготовленный неумытыми руками, и на огнѣ, поддуваемомъ полою, съ которой сыпалось съ трескомъ въ пламя что-то сомнительное), комары, москиты, все ползающее и прыгающее, скорпіоны, сороконожки, изнурительныя деревянныя сѣдла, паденье съ конемъ на высотѣ Алагеза, побудили меня направить путь въ Тифлисъ. Отдохнувъ дней 6 и давъ въ порученіяхъ отчетъ Нерсесу, 2-го іюля я пустился въ Кахетію. Послѣ довольно скучнаго и утомительнаго переѣзда на Гамборы, по гористымъ мѣстамъ, у станціи Нукріаны (2,844 ф.) я спустился къ Алазаньской долинѣ, вблизи городка Сигнаха, незначительнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Я посѣтилъ неподалеку находящееся сел. Караагачъ, гдѣ покоится просвѣтительница христіанствомъ всей Грузіи св. Нина, жившая въ IV вѣкѣ. Ничего древняго здѣсь не нашелъ. Отъ Сигнаха до городка Телава мѣстность живописнѣйшая. Вся Кахетія здѣсь представляетъ непрерывную ленту садовъ, виноградниковъ, а въ гущѣ ихъ разбросанныя частыя селенія.

Великолѣпенъ южный берегъ Крыма, но Кахетія громаднѣе и изящнѣе, а видъ на Алазаньскую долину и на противоположный горный хребетъ не поддается описанію. Телавъ по причинѣ

своей возвышенности (2,232 ф.) здоровъ и имѣетъ превосходную воду. Вода на Кавказѣ составляетъ важное жизненное условіе: есть много рѣчекъ и ручьевъ, а также колодцевъ; но они большею частію содержатъ различные ингредіенты, которые не всегда благопріятны желудку человѣка. Въ городкѣ уцѣлѣла небольшая каменная крѣпость съ небольшимъ дворцомъ послѣдняго грузинскаго царя Ираклія XIII. Спустясь въ Алазаньскую долину, я посѣтилъ Алавердскій храмъ, отличающійся, кажется, предъ всѣми грузинскими церквами, огромностью. Форма и расположеніе, какъ у всѣхъ, одинаковыя. Сюда ежегодно 13 сентября стекаются съ горъ, наканунѣ праздника Воздвиженія Креста, разныя горскія племена и между ними свирѣпые дидойцы и лезгины, для совмѣстнаго празднованія съ кахетинцами. Главный праздникъ заключается въ общей вечерѣ (древней агапи), гдѣ ѣда и питье на переднемъ планѣ. Ужинъ послѣ всенощной; по обѣднѣ и послѣ обѣда все разъѣзжается. Тутъ же имѣетъ мѣсто сельская размѣнная ярмарка. Объѣхалъ также другіе сосѣдніе монастыри: Икальтъ и проч. Посѣтилъ, за рѣкою Алазанью, Кварель и Марань, владѣніе кн. Чавчавадзе, примѣчательныя по производству славящагося по Кавказу кахетинскаго вина. Способъ сохраненія вина замѣчателенъ. Вино сливается въ круглые кувшины, вмѣщающіе до 100 ведеръ и болѣе; покрывъ ихъ плотно крышею, зарываютъ въ землю на много лѣтъ. Въ семейныя празднества марань вскрываютъ и долгомъ поставляютъ выпить до дна. Нигдѣ я не видѣлъ, чтобы пили такъ много, какъ на Кавказѣ; армяне и грузины борются за пальму первенства. Я не радъ былъ, что пустился по подошвѣ горъ Алазаньской долины: скверньйшія дороги, усѣянныя каменьями, ручьями быстрыми, носящими въ окончаніи названія непремѣнно „чай“ (вода), опасеніе отъ набѣговъ лезгинскихъ, лишенія всякаго рода, отняли цѣну прелести видовъ. Мимо Лагодехъ, Закаталъ, добрался я до Нухи, живописной по виду, но дрянньйшей во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Ко всему этому прибавивъ возможность легко получить злую лихорадку, я прихожу къ убѣжденію, что пребываніе здѣсь было для меня самое скучное. Холера къ тому же по дорогѣ дѣлала опустошенія. Народъ умиралъ скорѣе отъ страха.

Своротивъ на Ахкобурскую станцію, я выѣхалъ на почтовый трактъ и имъ съ трудомъ пополамъ, все-таки вслѣдствіе всюду

распространившейся холеры, прибылъ въ Тифлисъ. Недѣля отдыха возстановила мои силы и возбудила рвеніе все видѣть. Я началъ уже собираться далѣе, проникнуть до береговъ Каспійскаго моря, видѣть „вѣчные огни“ въ Баку, стѣну Дербентскую и мѣсто перехожденія древнихъ народовъ изъ глубины древней Азіи въ Европу; но хладнокровно-благоразумные совѣты Ю. А. Гагемейстера охладили пламень туриста. Князь Воронцовъ въ это время осаждалъ Салты и, слыша о томъ, что я былъ въ Нухѣ, поджидалъ, что я къ нему явлюсь въ лагерь; я же, сообразивъ всѣ неудобства и опасности (отъ холеры и горскихъ набѣговъ), благоразумно рѣшилъ, что доброхотному страннику пора и домой. Оставивъ въ канцеляріи намѣстника большую тетрадь моихъ замѣчаній, для передачи „въ собственныя руки“ намѣстника, проведя свободное время подъ гостепріимнымъ кровомъ А. А. Борзенко и простившись съ прекраснымъ старцемъ Нерсесомъ, я сталъ укладываться. Посланный отъ патріарха синодальный прокуроръ, сверстникъ университетскій, Мирзаянъ, сообщилъ мнѣ непремѣнное желаніе патріарха раздѣлить съ нимъ прощальную трапезу. И до сего я очень часто обѣдалъ (въ 12 часовъ дня), но въ этотъ разъ скромному обѣду былъ приданъ торжественный характеръ. Постоянные сотрапезники: два архіепископа, одинъ епископъ, три архимандрита и прокуроръ ждали моего прихода. Обѣдъ простой кончился блюдомъ пилава. Нерсесъ и всѣ въ молчаніи скушали пилавъ; значеніе этого прекраснаго блюда было изъяснено патріархомъ такъ: „все было (т. е. разныя кушанья), а пилава не было — ничего не было; ничего не было (изъ кушаній), а пилавъ былъ—все было!“ т. е. все, что могло выказать усердіе хозяина къ любимому гостю... Послѣ поданнаго кофе и рукоумыванья, когда всѣ прочіе разошлись по кельямъ, Нерсесъ разсказалъ свое представленіе и разговоръ въ С.-Петербургѣ въ 1843 г. съ императоромъ Николаемъ: когда Нерсесъ сталъ высказывать скорбь свою о невинномъ оклеветаніи его генераломъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, то государь отвѣчалъ: „жаль, что въ этомъ недоразумѣніи прошло такъ много времени. Я виноватъ!“ Добрый старецъ проводилъ меня до воротъ своего монастыря (Ванкъ) и тутъ снова простился, навсегда. Въ августѣ я пустился въ путь къ Одессѣ чрезъ военно-грузинскую дорогу. Значительная часть пути заклю-

чалась, съ самаго Тифлиса, въ подъемѣ все на гору. Такъ, отъ Гартискарской станціи (1,612 ф.) у ничтожнаго городка Душета, высота была уже въ 3,140 футъ, у Пасанаура 3,445 ф., а у Кайшаура, совершенно глухаго мѣста, 5,888 ф. Здѣсь почти на половинѣ станціи перевалъ съ одной стороны горъ на другую. Узенькая дорога поднимается до поставленнаго генераломъ Ермоловымъ каменнаго креста (отчего и зовется „Крестовою горою"); перевалъ имѣетъ 7,957 ф., а господствующая надъ нимъ Гудъгора 8,030 ф. Съ нея-то падаютъ, періодически, страшные и губительные снѣжные завалы, засыпающіе дорогу и проѣзжихъ. Тяжкая здѣсь жизнь бѣдныхъ осетинцевъ, обитающихъ въ горныхъ ущельяхъ и склонахъ; они буквально въ библейскомъ смыслѣ: „въ потѣ лица снѣдаютъ хлѣбъ свой". Осетины, по моему мнѣнію, тождественны оссамъ или (по Карамзину) аланамъ. Меня поразила бѣлая валеная войлочная шляпа осетиновъ: ее видалъ я на старыхъ нашихъ лѣтописныхъ спискахъ и хронографахъ. Въ урочищѣ Байдары, по недавнему снѣжному обвалу, какъ по мосту, я сталъ спускаться ниже и ниже. Однако, у селенія Коби высота все-таки обозначалась 6,455 ф., но у Казбека уменьшилась до 6,362 ф. Селеніе Казбекъ ничтожно, но замѣчательна особенно здѣшняя маленькая изящной формы церковь, поражающая глаза причудливо изящною архитектурою. Никогда не изгладится изъ памяти ночь, проведенная мною въ Казбекѣ: полная луна ярко освѣщала гордый Казбекъ (16,553 ф.), отражавшійся отчетливо и рѣзко на голубомъ небосклонѣ. Глубокая ночная тишь нарушалась ревомъ неудержимаго и необузданнаго Терека, да рѣдкими окликами часоваго, стоящаго у пушки, принадлежащей здѣшнему дорожному отряду. Хорошъ Алагезъ, величавъ Араратъ, но величественнѣе ихъ Казбекъ. Дарьяльское ущелье (3,700 ф.), послѣ Ларскаго и особенно Дилижанскаго, меня не поразило: оно болѣе голо, высоко, недосягаемо и потому скучно, уныло. Здѣшній мостъ на Терекѣ задача инженерамъ: все строятъ и все обваливается или уносится рѣкою, ничего не терпящею надъ собою. Дорога къ Ларсу (3,300 ф.) непрочна, хотя смѣло проложена по каменистой окраинѣ Терека. Много усилій и трудовъ поглотила военно-грузинская дорога, но еще болѣе денегъ. Говорятъ, что если устлать всю эту дорогу серебряными рублями, то и тогда еще не составится той суммы,

которая убита или, лучше сказать, показана на ея проложеніе. Въ Ларсѣ съ грустью я простился съ кавказскими горами. Долго, долго я не могъ оторвать своихъ глазъ отъ чарующей синевы горъ. Тутъ я понялъ тоску горцевъ, которою они страдаютъ по своей неприхотливой, но чудесной родинѣ. Въ Владикавказѣ, а по мѣстному—Капкаѣ, видна лучше панорама Кавказскаго хребта. Въ бытность мою въ городѣ всѣ пріуныли, по случаю всегубительной холеры. Самые закаленные въ бояхъ солдаты холеры боялись сильно. Въ прошломъ году пространство по обѣ стороны Терека до Екатеринодара было полемъ нашествія Шамиля, прорвавшагося въ Кабарду по недальновидности и безпечности начальника Нальчикскаго отряда князя В. С. Голицына, игрока, обжоры и пустѣйшаго человѣка. И въ этотъ годъ проѣздъ отъ Владикавказа до Екатериограда считался не безопаснымъ. Отряды въ нѣсколько ротъ, съ пушками, были разбросаны по станицамъ. Впрочемъ, я проѣхалъ покойно, основывая свою увѣренность на томъ, что горцы холеры боятся больше, чѣмъ русскихъ, поелину они совершенно безпомощны въ медицинскомъ отношеніи.

На минаретскомъ кордонѣ, такъ названномъ по уцѣлѣвшему минарету отъ прежней мусульманской селитьбы, я взошелъ на галлерею минарета и съ вершины его обозрѣлъ прелестную терекскую долину. Екатериноградъ, кромѣ громкаго имени Екатерины II и такъ называемыхъ дрянныхъ „тріумфальныхъ воротъ“, сооруженныхъ племянникомъ свѣтлѣйшаго Потемкина, тоже Потемкинымъ, въ свое время мотомъ и острякомъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Въ Георгіевскѣ—кромѣ указаннаго кладбища „коллежскихъ ассесоровъ“, тоже ничего особаго не примѣтилъ, кромѣ его лихорадочной мѣстности по р. Кумѣ. Отсюда быстрые кони въ нѣсколько часовъ домчали меня до Пятигорска. Это хорошо застроенный городъ, имѣетъ всѣ удобства: большую гостинницу съ хорошимъ столомъ, бульваръ и опрятныя минеральныя бани. Въ это время, по распоряженію намѣстника, на всѣхъ минеральныхъ водахъ; Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ, дѣлались значительныя улучшенія во всѣхъ отношеніяхъ. Видя все это и радуясь, я тѣмъ не менѣе невольно спрашивалъ себя: все это удобно, хорошо, недорого; но чтобы этимъ воспользоваться, необходимо пролетѣть простран-

ство въ сотни верстъ, изобилующее однѣми сквернѣйшими станціями въ одну, много въ двѣ комнатки; какъ пріютиться въ нихъ больнымъ, гдѣ взять съѣстное и гдѣ найти лечебную помощь, въ случаѣ усилившейся болѣзни? Не лучше ли было бы прежде заселить дорогу, водворить на мѣстѣ промыслы и тогда кавказскія цѣлебныя воды могли бы легко состязаться съ европейскими? Изъ Пятигорска я проѣхалъ къ Бештау (4,585 ф.), а оттуда свернулъ на дорогу къ Кисловодску, мимо Ессентуковъ. Воздухъ въ Кисловодскѣ необыкновенно легокъ и здоровъ. Нарзановскую воду отвѣдалъ изъ любопытства: она пріятна своимъ букетомъ, газомъ, но безъ надобности и неумѣренно употреблять ее опасно и даже смертоносно, особенно полнокровнымъ. Три дня прошли въ осмотрѣ новыхъ построекъ и улучшеній для больныхъ. Въ горныхъ скалахъ меня подивили замѣчательные оттиски папоротника и разныхъ другихъ растеній. Желѣзноводскъ расположенъ среди густой лѣсной чащи мелкорослаго лѣса, глухъ и мраченъ. Отсюда отважно я пустился прямо на Александровскую станцію, чрезъ поля и степи кабардинцевъ. Удалой ямщикъ увѣрилъ меня, что проѣдетъ благополучно, и, дѣйствительно, проѣхалъ: только около двухъ ауловъ онъ снялъ колокольчикъ и взялъ въ сторону, въ ожиданіи сумерекъ. Конвоя, по открытымъ мѣстамъ, я не бралъ нигдѣ, да онъ и безполезенъ: какъ бы онъ ни былъ многолюденъ, все же непріятелей нашлось бы больше. Вотъ почему я постоянно бралъ туземныхъ проводниковъ отъ мѣста до мѣста. Горсть блестящихъ пятачковъ, всыпанная въ руку отца семейства или ребенка, умягчали сердце сребролюбиваго дикаря и дѣлали его, сверхъ обычнаго гостепріимства, во всемъ предупредительнымъ. Въ Ставрополѣ я познакомился съ командиромъ войскъ Кавказской линіи и Черноморья, Николаемъ Степановичемъ Завадовскимъ. Запорожскій казакъ, дослужившійся до чина генералъ-лейтенанта и этого мѣста, былъ хитеръ и любостяжателенъ, какъ истый запорожецъ. Онъ такъ мнѣ обрисовалъ распорядительность налчикскаго военачальника, князя В. С. Голицына, въ набѣгъ Шамиля въ прошломъ апрѣлѣ: „Летучки (казачьи кордоны) то и дило везуть цидулы, що Шамиль съ сылою ломитьця въ Кабарду; а князь (Голицынъ) у сё шлеть моей жинки польки, та мазурки. Такій винъ добрій!“

Здѣсь я познакомился съ епископомъ Іереміею, умнымъ и строгимъ монахомъ, но недальновиднымъ администраторомъ. Онъ, въ порывѣ православнаго усердія, началъ снимать съ старообрядческихъ казачьихъ часовенъ колокола, а они объявили, что если такъ, то готовы оставить селитьбу. Намѣстникъ, однако, велѣлъ колокола повѣсить не на колокольняхъ, а на подставкахъ. Тѣмъ смятеніе кончилось.

За Ставрополемъ открылись злачныя степи, а отъ Ново-Александровской станціи потянулись кубанскія укрѣпленныя станицы. Начало имъ положилъ еще Суворовъ. Въ Усть-Лабѣ пробылъ сутки для развѣдки о попадающихся здѣсь древнихъ монетахъ: успѣлъ пріобрѣсть только одну электровую Савромата IV. Неподалеку отсюда, гдѣ-то, есауломъ Пуленцовымъ, искателемъ клада, было отыскано болѣе 70 штукъ золотыхъ монетъ пантикапейскихъ и кизикскихъ статеровъ. Бо̀льшая часть раскрадена рабочими, а часть разошлась по рукамъ: двѣ монеты пантикапейскія (чрезвычайно рѣдкія) и два статира успѣлъ выхлопотать у князя для музея общества. Въ Екатеринодарѣ, грязномъ по уши городѣ, примѣчателенъ деревянный соборъ, построенный запорожцами весьма причудливо; въ немъ хранятся: образъ св. Николая, принадлежавшій „Черноморской флотиліи“, и нѣсколько запорожскихъ войсковыхъ знаменъ. У наказнаго атамана, Рашпиля, я нашелъ портреты Скальковскаго, наводнившаго ими Черноморье. „Новороссійскій Геродотъ“, такъ прозвалъ его Надеждинъ, изобразивъ свою персону, окружилъ ее надписью: „А. А. Скальковскій славнаго войска Запорож. Низов. лѣтописецъ“, съ facsimile подписи „рукою властною“. Портреты авторъ самъ прислалъ г. Рашпилю: странный способъ упрочивать свое имя.

Желая видѣть станцію Копыльскую, гдѣ предполагалъ найти слѣды генуэзской факторіи „Chora — Копы“, я не послушалъ благоразумнаго совѣта каракубанскаго станціоннаго смотрителя не ѣхать въ сумерки и за то въ потемкахъ едва не погибъ въ мутной Кубани, подмывающей свои крутые берега. Въ Копылѣ, однако, ничего не отыскалъ. Можетъ быть, отъ того, что вся мѣстность густо поросла непроницаемымъ камышемъ. Казачій пріютъ этотъ служитъ и исправительнымъ мѣстомъ для гулякъ казаковъ. Болота непроходимыя, опасеніе нечаянныхъ нападеній

отъ за-кубанцевъ, неотвратимыя мученья отъ блохъ и комаровъ—хоть кого приведутъ въ чувство. Съ Андреевскою станціею кончается опасный путь отъ нападенія за-кубанцевъ. Совершивъ такую путину, среди зноя, губительной холеры, мученія отъ разнообразныхъ насѣкомыхъ, испытавъ изнурительныя переѣзды верхомъ, сопровождавшіеся паденьемъ съ конемъ въ горахъ, я, не смотря на все это, прибылъ къ своимъ ларамъ и пенатамъ совершенно свѣжимъ, бодрымъ и здоровымъ.

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XXIV[1]).

Н. Н. Мурзакевичъ снова въ Петербургѣ.—Строгость цензуры.—Воспрещеніе русскимъ ученымъ имѣть сношеніе съ славянами (1848 г.).—Осмотры ученыхъ хранилищъ. — Знакомства. — Венгерская кампанія. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ.—Возвращеніе въ Одессу.—Выходъ I отдѣла втораго тома „Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей“ (1848 г.) и непохвальная продѣлка Надеждина.—Кончина херсонскаго архіепископа Гавріила.—Сближеніе съ епископомъ херсонскимъ Иннокентіемъ (Борисовымъ) и его характеристика.—II и III отдѣлы „Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей“ (1849 г.).

Испытавъ въ Эриванѣ, 21 іюня (1847 г.) зной въ 50° (по Реомюру), я испыталъ въ С.-Петербургѣ въ послѣднихъ дняхъ декабря и морозъ въ 30°. Новый 1848-й годъ я встрѣтилъ здѣсь. Рѣзкій переходъ отъ 41° сѣверный широты подъ 60° на здоровье не имѣлъ дурныхъ послѣдствій: сильный жаръ, испарина и постоянное движеніе непримѣтно укрѣпили мое здоровье. Въ Петербургъ двинулся я по случаю открытыхъ мною въ библіотекѣ князя Михаила Семеновича: a) подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича; b) писемъ царицъ и царевенъ къ архимандриту Варлааму, и c) разрядной книги 1476 года. Письма царевича обличаютъ злонамѣренныхъ клеветниковъ, представившихъ его неспособнымъ ни къ какому дѣлу. Это была бѣдная жертва

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII—LVI; изд. 1888 г., т. LIX, сентябрь, стр. 583—610.

разсчета Петра и Екатерины, съ ихъ креатурою Меншиковымъ. Зная оффиціальный взглядъ, пущенный самимъ Петромъ на своего несчастнаго сына, болѣе грамотнаго, чѣмъ самъ отецъ, и дѣятельностью своею приносившаго нѣкоторое время относительную пользу, я считалъ необходимымъ узнать мнѣніе высшей цензуры о моихъ находкахъ. Эту мѣру посовѣтовалъ мнѣ самъ князь Михаилъ Семеновичъ. Въ это трудное для писателей время, кромѣ строгости обыкновенной цензуры, придиравшейся ко всему, дѣйствовала еще цензура, состоявшая при III отдѣл. собств. е. и. в. канцелеріи, но сверхъ сего была еще особая, секретная цензура. Ее составляли баронъ М. А. Корфъ, Бутурлинъ и еще кто-то. Эти члены «чернаго совѣта» еще просматривали выпущенное цензурою въ свѣтъ, и вслѣдствіе ихъ особаго взгляда книгу останавливали, извлекали изъ обращенія и истребляли, угрожая въ то-же время авторамъ или издателямъ. Такъ, за книгу: «Продѣлки на Кавказѣ», соч. помѣщицы Лачиновой, московскому профессору и цензору Крылову пришлось было прокатиться въ дальній городъ, если бы не отстоялъ его попечитель, графъ С. Г. Строгановъ. Романы „Черная рада“, соч. Кулиша и его же: „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ“ (Кіевъ, 1846 г. 8°), были жестоко преслѣдуемы, равномѣрно, какъ и ихъ авторъ. Тогда же былъ учрежденъ особый комитетъ для изданія учебныхъ книгъ, по новосочиненной программѣ. Въ такомъ же духѣ были даны „секретныя инструкціи ректорамъ и деканамъ университетовъ и директорамъ и инспекторамъ лицеевъ“. В. В. Григорьевъ съ жандармами осматривалъ въ Ригѣ книжные магазины. Предсѣдателемъ комитета состоялъ бывшій московскій профессоръ И. И. Давыдовъ, поддѣлывавшійся къ Уварову. Повсюду слѣдили за такъ называемыми „славянофилами“. Графъ Строгановъ, не приведшій въ исполненіе бумагу министра народнаго просвѣщенія Уварова, о запретѣ сношеній русскихъ ученыхъ съ славянскими учеными за границею, неожиданно былъ „уволенъ вовсе отъ службы по министерству народнаго просвѣщенія“. Когда я проѣзжалъ въ этотъ разъ чрезъ Москву, то обязательство не имѣть сношеній съ заграничными славянофилами и мнѣ было предложено къ подписи, въ засѣданіи московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ вице-президентомъ Чертковымъ.

Посѣтивъ гр. С. Г. Строганова, я нашелъ его видимо бодрымъ, но въ лицѣ сильно измѣнившимся.

Что касается до моихъ сношеній съ западными славянофилами, то я ихъ имѣлъ только съ знаменитыми: П. І. Шафарикомъ и В. В. Ганкою. Письменное мое знакомство съ ними началось съ 1838 года, когда покойный мой другъ М. М. Кириаковъ познакомился съ ними лично, во время леченія въ Карлсбадѣ. Они, зная меня по статьямъ, помѣщавшимся въ „Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія“, и по книжкамъ моимъ, пересылавшимся Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, вошли со мною: Шафарикъ въ переписку, а Ганка—въ передачу книгъ и словесныхъ порученій, чрезъ различныхъ проѣзжихъ. Шафарику я постоянно высылалъ необходимыя русскія книги, а потомъ и матеріалы для „Славянскаго народоописанія“. Вслѣдствіе запрета и многихъ непріятностей, испытанныхъ другими, поневолѣ прекратилъ и я письменныя сношенія съ ними.

Появленіе мое въ С.-Петербургѣ было встрѣчено многими благопріятно. Министръ Уваровъ привѣтливѣе прежняго обращался со мною; познакомилъ съ своимъ сыномъ, Алексѣемъ, уже занимавшимся археологіею, и представилъ, въ качествѣ опытнаго антикварія, предсѣдателю С.-Петербургскаго новоучрежденнаго археологическаго общества,—герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому. Въ одно изъ засѣданій общества, собиравшагося въ его дворцѣ, герцогъ прелюбезно меня встрѣтилъ. Послѣ засѣданія, оставя на чай, онъ о многомъ подробно разспрашивалъ: ему были памятны Вознесенскіе смотры, когда онъ былъ еще женихомъ теперешней своей жены. Появленіе мое у е. и. в. великаго князя Константина Николаевича, казалось, доставило удовольствіе какъ ему самому, такъ и всѣмъ прежнимъ нашимъ сопутникамъ. Всѣ подробности путешествія къ Бѣлому морю, со времени нашей разлуки, были мнѣ пересказаны великимъ княземъ. Его высочество показалъ даже портретъ нареченной своей невѣсты, которая, дѣйствительно, была прекрасна. Предупредивъ государя наслѣдника Александра Николаевича, его высочество послалъ меня къ нему въ сопровожденіи Ѳ. С. Лутковскаго, на половину его высочества. Государь наслѣдникъ, встрѣтивъ фразою: «очень радъ съ вами познакомиться», разспрашивалъ о Новороссійскомъ краѣ и, отпуская,

сказалъ, что «надѣется въ этотъ годъ посѣтить край». При чемъ предложилъ осмотрѣть Эрмитажъ и арсеналы его собственный и въ Царскомъ селѣ. Всѣ дни моего въ этотъ разъ веселаго пребыванія я проводилъ такъ: утра—въ осмотрѣ эрмитажныхъ коллекцій, частныхъ — графа А. С. Уварова, князя А. А. Сибирскаго, И. А. Бартоломея, лейбъ-егерскаго капитана Я. Я. Рейхеля, французскаго аферіста Я. Я. Сабатье, старопечатныя русскія книги Н. В. Сахарова, но не могъ добиться до рукописей Публичной библіотеки, почивавшихъ въ первобытномъ своемъ хаосѣ [1]). Вечера—на гастрономическихъ обѣдахъ гр. Уварова, графа І. К. Ламберта, князя Василія Андреевича Долгорукова, Геннади, и за бѣдными трапезами—у старыхъ своихъ пріятелей: чиновника коммиссаріата В. И. Петровскаго, сверстника моего дѣтства, М. А. Коркунова, А. А. Васильева-земляка, а въ это время частнаго полицейскаго штабъ-лекаря. День заканчивалъ оперою или въ маскарадныхъ балахъ.

Наканунѣ моего выѣзда изъ С.-Петербурга, 28 генваря 1843 г., нашелъ главныя улицы запруженными войсками, шедшими къ смотру императорскому, на Дворцовой площади. На другой день П. П. Костанда (старый нашъ лицеистъ, а теперь въ 1843 г. капитанъ гвардейской конной артиллеріи) сказалъ, что смотръ былъ по случаю предстоявшаго похода въ Австрію, гдѣ возставшіе венгерцы уже крѣпко одолѣвали Габсбурга. Поднялись и славяне, узнавшіе изъ книги Шафарика свою силу, по крайней мѣрѣ, если не моральную, то числительную. Нѣсколько лѣтъ позже я узналъ, что славянское стремленіе къ самостоятельности значительнѣе проявилось въ Прагѣ, гдѣ будильниками были Ганка и Шафарикъ. Въ апрѣлѣ 1848 года въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ, составленный изъ хорватовъ, сербовъ, словаковъ, далматинцевъ, поляковъ, руссиновъ, моравовъ, вначалѣ подъ видомъ „Литературнаго сейма“, на которомъ присутствовали Шафарикъ и Ян. Дворачекъ съ представителями національностей—Фр. Палацкимъ, Ст. Вразомъ, Павломъ Стаматовичемъ, „парохомъ“ (священникомъ) Сегединскимъ, чле-

[1]) Впослѣдствіи собраніе рукописей императорской публичной библіотеки приведено въ образцовый порядокъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

номъ нашего одесскаго общества (онъ, на удивленіе всѣхъ славянъ-католиковъ, въ это время первый рѣшился показать чехамъ прежнюю ихъ литургію, отслуживъ всенародно, на площади, православную обѣдню), Фр. Цахомъ, Карл. Либельтомъ, Гр. Гинелевичемъ. Сеймъ этотъ, замышлявшій самостоятельное (федеративное) устройство славянъ, вычеканившій въ память этого событія медаль, гдѣ четыре націи подавали другъ другу руки единенія (къ несчастью, посреди стоящему поляку), былъ разогнанъ австрійскими пушками. Бѣдный Шафарикъ, почетнымъ образомъ былъ, яко профессоръ университета, помѣщенъ въ іезуитскую клаузуру (за рѣшетчатую дверь, куда посторонняго не впускаютъ).

Воротясь домой, я устремилъ мою дѣятельность на изданіе втораго тома Записокъ одесскаго общества. Не скрою, что кромѣ долга, какъ редактора и секретаря общества, меня побуждала къ усиленной работѣ мысль—не подать повода къ злорадству Надеждина, повсюду разглашавшаго, что послѣ смерти Княжевича, выхода его, Надеждина, и Григорьева, общество наше должно умереть морально. И, дѣйствительно, оно могло разрушиться отъ подкоповъ, дѣлаемыхъ умными, но неблагородными недоброжелателями. Освѣдомясь однажды изъ статьи казанскаго профессора В. И. Григоровича, что въ императорской вѣнской публичной библіотекѣ хранится въ двухъ томахъ переписка константинопольскихъ патріарховъ съ подчиненными имъ епархіальными начальниками, въ томъ числѣ бывшими въ Крыму и въ Россіи, мы, чрезъ посредство князя М. С. Воронцова, почетнаго президента общества, и чрезъ гр. Нессельроде, успѣли склонить князя Меттерниха дать позволеніе списать для одесскаго общества копіи съ патріаршихъ актовъ. Дѣло было оффиціальнымъ путемъ возложено на тамошняго библіотекаря Миклошича, корый исподволь сталъ списывать порученное. Что же дѣлаетъ г. Надеждинъ, посѣщавшій Австрію для узнанія: дѣйствительно ли тамъ намѣреваются создать для русскихъ раскольниковъ архіереевъ, которые бы служили для нихъ по книгамъ, печатаннымъ до патріаршества Никонова? Нашъ оффиціальный сыщикъ о намѣреніяхъ бѣловриницкихъ (сборное мѣсто австрійскихъ и русскихъ бѣглецовъ-раскольниковъ) не узналъ, но копіи съ константинопольскихъ грамотъ забралъ именемъ „члена

одесскаго общества", тогда какъ отъ онаго отказался четыре года тому назадъ, и забраннаго по принадлежности не возвратилъ, но причелъ въ свою собственность! Матеріалъ этотъ предполагался къ помѣщенію во второмъ томѣ, который, по случаю такого страннаго поступка г. Надеждина, долженъ былъ явиться въ свѣтъ бѣднѣе однимъ важнымъ матеріаломъ и при томъ въ одномъ первомъ отдѣленіи. Первое отдѣленіе этого тома вышло въ декабрѣ мѣсяцѣ; въ немъ помѣстились мои статьи: 1) Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ. 2) Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ монастыряхъ епархій: херсонской и кишиневской. Для новороссійскаго календаря, издаваемаго Михневичемъ, я написалъ: «Обзоръ православной іерархіи тѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ нынѣ Новороссійскій край и Бессарабію».

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года я потерялъ еще одного изъ моихъ лучшихъ знакомыхъ, могу сказать, друзей, здѣшняго архіепископа Гавріила. Одиннадцатилѣтняя пріязнь наша заключилась прочною дружбою. Насъ сблизило единство цѣлей, это историческія изслѣдованія о новороссійскомъ краѣ, которымъ Гавріилъ, среди множества хлопотливыхъ дѣлъ по обширной и неустроенной епархіи, состоящей въ двухъ губерніяхъ, всѣмъ сердцемъ предался. Рядъ его статей украшаетъ страницы Записокъ общества. Когда этотъ почтенный старецъ помышлялъ объ успокоеніи своего утомленнаго тѣла и духа на югѣ Россіи, надежды его были неожиданно разрушены искательствомъ младшаго собрата по сану. Извѣстному проповѣднику Иннокентію (Борисову), въ короткое время изъ ректоровъ кіевской академіи достигшему титула архіепископскаго, но сидѣвшему на епархіи епископской въ Харьковѣ, крайне захотѣлось въ Одессу. Отличавшійся особенною ловкостью (напримѣръ, въ Почаевскомъ монастырѣ при изгнаніи уніатовъ), директоръ канцеляріи оберъ-прокурора синода Алексѣй Ив. Войцеховичъ умѣлъ уладить дѣло такъ, что старика подъ предлогомъ повышенія перевели въ Тверь. Эта епархія считается одною степенью выше херсонской. Общее всенародное сожалѣніе, даже иновѣрцевъ, сопровождало отъѣздъ всѣми любимаго и уважаемаго, не ханжу, архіерея. Да и онъ смѣло и благородно высказалъ свою грусть въ замѣчательной прощальной рѣчи къ народу. Такъ исповѣдываться, всенародно, едва ли многіе архіереи рѣшатся. Гавріилу епархія обязана многими образованными

священниками, открытіемъ семинаріи, сиротскаго дѣвичьяго пріюта при Михайловскомъ монастырѣ и построеніемъ многихъ хорошихъ церквей. Домостроительство, при бѣдныхъ средствахъ, составляло его отличительную черту; примѣрные порядокъ, чистота и забота о семинаристахъ будутъ ему незабвеннымъ памятникомъ. За излишнюю довѣрчивость къ своимъ приближеннымъ, особенно къ негодяю Д—ву, его келейнику-взяточнику, Гавріилъ поплатился переводомъ на суровый сѣверъ, гдѣ онъ постоянно болѣлъ, гдѣ не переставалъ горевать и гдѣ скончался отъ жестокаго ревматизма, оставя и тамъ добрую память по себѣ. Прерванныя наши личныя сношенія поддерживались постоянно частою перепискою, продолжавшеюся до самой его мирной, христіанской кончины. Прибывшій въ Одессу его преемникъ въ началѣ имѣлъ неблагоразуміе опорочивать нѣкоторыя будто бы опущенія своего предмѣстника; но общая любовь и уваженіе къ Гавріилу скоро заставили перемѣнить тонъ. Встрѣча моя съ Иннокентіемъ была довольно холодная; но день за днемъ, увидѣвъ въ немъ не совсѣмъ злаго человѣка, а честолюбца (какъ обыкновенно бываютъ многіе наши архіереи), я понемногу сблизился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ неоднократно показывалъ мнѣ свое благорасположеніе. Девять лѣтъ не прерывалась наша пріязнь, сопровождавшаяся довѣріемъ ко мнѣ по многимъ дѣламъ.

О характерѣ преосвященнаго Иннокентія скажу, что кромѣ честолюбія, онъ имѣлъ еще страсть къ деньгамъ [1]), которыхъ по смерти оказалось свыше 200,000 р., не считая раскраденныхъ его прислугою. Вотъ другія его черты: все, что бралъ, то или терялъ, или присваивалъ; по прихоти часто перемѣщалъ бѣдныхъ священниковъ; любилъ связи со знатью и не заботился о расположеніи къ себѣ простонародья. Въ Одессѣ, по крайней мѣрѣ, брался за многія предпріятія ученыя, но не довершалъ ихъ. Даже даръ систематической проповѣди онъ обращалъ въ легкую импровизацію. Семинарію совершенно забылъ, на экзаменахъ едва-ли

---

[1]) Какъ ни суровъ этотъ отзывъ о знаменитомъ проповѣдникѣ, но онъ высказывается не въ первый разъ. Онъ также согласенъ и съ мнѣніемъ одного севастоп. благочиннаго, который говорилъ, что преосвящ. „жалъ и тамъ, идѣже не расточалъ“ (Херс. Вѣд. 1862 г. № 1). Къ этому не лишнимъ прибавить, что рука арх. Иннокентія всегда была щедрою и не замыкалась, когда приходилось дѣлать добро. Кн. В. Дабижа.

былъ два раза. Смерть его покровителя графа Протасова и послѣдовавшая за тѣмъ холодность членовъ синода произвели на него сильное впечатлѣніе и ускорили самую его смерть: Иннокентій, сверхъ чаянія медиковъ, умеръ внезапно.

Продолженіе Записокъ, заключавшееся во 2 и 3 отдѣленіяхъ, кончено печатаньемъ въ 1849 году. Здѣсь были мои статьи: 1) Эллинскіе памятники, найденные въ новороссійскомъ краѣ. 2) Аккерманскія греческія надписи. 3) Килійская церковь св. Николая и ея достопримѣчательности. 4) Эски-Крымская арабская надпись, показывающая эпоху водворенія Узбекъ-ханомъ мусульманства въ Крыму, въ 1313 году. 5) Молдовлахійскія граматы, хранящіяся въ Бессарабіи: a) воеводы Стефана, 1434 года; b) воеводы Петра, 1535 г.; c) воеводы Александра, 1554 г.; d) воеводы Константина Могилы, 1609 г., e) воеводы Ильи Александра, 1667 г.,—всѣ писанныя по славянски. 6) Списокъ съ статейнаго списка великаго государя царскаго величества посланниковъ: стольника и полковника и намѣстника Переяславскаго Василія Михайловича Тяпкина, дьяка Никиты Зотова, писанный въ 7189 (1681) году, по случаю заключенія Бахчисарайскаго договора. 7) Собственноручныя распоряженія князя Потемкина-Таврическаго, во время второй турецкой войны, въ царствованіе Екатерины II. 8) Рецензію на книгу: Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса-Таврическаго, сочиненіе Б. Кене. 9) Рецензія на атласъ Чернаго моря, съ описей, произведенныхъ Е. Манганари. 10) Некрологъ Димитрія (Сулимы), архіепископа кишиневскаго. 11) Надписи въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ. 12) Инструментъ разграниченія земель между Россіею и Портою въ 1742 году. 13) Реляція отъ 24 сентября 1761 г. о заложеніи новой крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго. 14) Монеты, отысканныя на о. Фидониси.

Занимаясь корректурою этого тома, я часть времени удѣлялъ на надзоръ за ввѣреннымъ мнѣ попечителемъ лицея М. Н. Бугайскимъ одесскимъ еврейскимъ училищемъ. Это полезное для евреевъ учрежденіе существуетъ съ 1828 г.; цѣль его—постепеннымъ образомъ вводить цивилизацію въ народѣ, погруженномъ въ грубые фанатизмъ и предразсудки, посѣваемые Талмудомъ и его нелѣпыми пояснителями.

XXV.

Ученыя занятія Н. Н. Мурзакевича.—О письмахъ къ архимандриту Варлааму царицы Прасковьи Ѳеодоровны (Салтыковой) и царевенъ.—Изданіе „подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича“ (1850 г.).—Выводы изъ писемъ о личности царевича.

Слѣдствіемъ прошлогодней поѣздки въ Петербургъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было получено разрѣшеніе цензуры касательно возможности изданія писемъ царевича Алексѣя Петровича и разрядной книги; но о „Письмахъ къ архимандриту Варлааму“ министръ Уваровъ отъ 29 января, № 135, такъ отозвался князю Михаилу Семеновичу Воронцову:

„Что же касается до рукописи, содержащей въ себѣ письма къ архимандриту Варлааму, то къ напечатанію ея представляются слѣдующія затрудненія:

„1) письма императрицы Екатерины Первой 1710 г., въ которыхъ она подписывалась Екатериною Михайловною, могутъ подать поводъ къ предположенію, что она писала до брака съ Петромъ Великимъ, а это навлекло бы тѣнь сомнѣнія на рожденіе великихъ княженъ Анны и Елизаветы, отъ законнаго брака;

„2) Всѣ письма къ архимандриту Варлааму, заключая въ себѣ одни обыкновенныя привѣтственныя выраженія, не представляютъ ничего особенно примѣчательнаго въ историческомъ отношеніи, но они писаны наскоро, нѣкоторыми царственными особами, не предполагавшими ихъ къ гласности, и потому въ нихъ встрѣчаются многія выраженія, которыя хотя были свойственны стариннымъ нравамъ, но въ наше время могутъ показаться неприличными и подать поводъ легкомысленнымъ людямъ къ неосновательнымъ догадкамъ, не совмѣстнымъ съ достоинствомъ и даже оскорбительнымъ для чести тѣхъ лицъ“.

Письма эти были писаны: царицею Прасковьею Ѳедоровною, царевнами Анною и Маріею и Екатериною (тогда еще фавориткою Петра). Варлаамъ, архимандритъ новгородскій, ханжа и пройдоха, имѣлъ частыя тайныя свиданія съ царевнами и Екатериною. Не служилъ ли онъ переносчикомъ тѣхъ разговоровъ, которые онъ имѣлъ съ царевнами, приверженицами стараго

порядка, передавая ихъ Екатеринѣ, а она Петру? Такимъ образомъ они совмѣстно и исподоволь подкапывались подъ неосторожнаго и недальновиднаго царевича Алексѣя.

Вотъ образчики нѣсколькихъ писемъ:

а) Царевны Натальи Алексѣевны (сестры Петра):

„Ради Господа Бога не повреди своего здоровья, а мнѣ твоя болѣзнь ей несносна. У меня толка и радости, что ты, мой государь".

б) Царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой:

a) „Пожалуй, свѣтъ мой, есть ли тебѣ возможна такую милость показать нада мною, а мнѣ есть самая нужда и печаль пришла отъ дочери моей отъ Катераны, и мнѣ побить челомъ тебѣ, батюшка, чтобы ты помолился где знаешь, а писать и приказать невозможна, а все хочетца съ тобою повидатца, не знаю какъ и с кемъ в своей печали ползу получить. А буде пожалуешъ, и ты изволишь поѣхать изъ Новагорода на Псковъ и на маи деревни, а мы аднѣ живемъ и нихто тебя оу насъ не ауидитъ; ей-ей хочеца с тобою видетца, поговорить и штобы ползу получить".

b) „Батюшка, свѣтъ мой свѣщеной отецъ Варлаамъ Анътипьевичъ, спасенно здравствуй, сама батюшка пасть претъ честные твое и свѣтые ношки, аки блудница ка Христу, прося прощенѣя греховъ своихъ и благословѣніе твоего всегда по молитвѣ требую".

c) „Премного челомъ бью, преклоняя главу свою грешную хотя и недостойную к светымъ стапамъ и целую праведные твои ношки и прошу прощеніе в своеі вине, что я замешкала к тебе, свѣту своему и радости своеі писать, прямая моя вина страдничья пре тобою".

d) „Батюшка государь мой, свѣщенноиереи Варлаамъ Антипьевичь, спасенно свѣтъ мой здравствуй. А мнѣ свѣтъ мой великая печаль, что промежъ насъ такъ стала, ей-ей сокрушаюся и немогу терпеть болше сие печали, в скорыхъ числехъ хачу твои очи видеть и пасти оу свѣтыхъ твоихъ ножекъ, и когда тое

радость обрящу, что будемъ по прежнему жить, и въ тое время отъ печали освабожуся. По семъ свѣтъ мой здравствуй. Буду впередь писать сами, да посылаю вамъ по платочку".

Къ концу осени, отложа „Разряды" до благопріятнаго случая, напечаталъ я переписку царевичеву подъ такимъ заглавіемъ:

„Письма царевича Алексѣя Петровича къ его родителю Петру Великому, государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и кабинетъ-секретарю Макарову, съ приложеніемъ писемъ царевича Петра, царевны Натальи и князя Вяземскаго къ его высочеству".

145 писемъ царевичевыхъ издалъ я слово въ слово и въ нужныхъ мѣстахъ приложилъ пояснительныя примѣчанія. Нѣсколько экземпляровъ „Писемъ" послалъ князю, а онъ отъ себя представилъ по одному: государю императору, наслѣднику и великому князю Константину Николаевичу. Первый удостоилъ благосклоннаго принятія, а цесаревичъ (31 марта 1850 г., № 1,229), чрезъ гофмаршала своего двора, увѣдомилъ князя Воронцова, что „его высочество, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчательный трудъ „мой", соизволилъ повелѣть благодарить меня отъ имени его высочества". Е. И. В. Константинъ Николаевичъ также поручилъ князю Воронцову: „изъявить мнѣ, какъ издателю и какъ сопровождавшему его высочество въ путешествіи по южному краю, благодарность его".

Министръ С. С. Уваровъ написалъ мнѣ:

„Съ особымъ удовольствіемъ получилъ я при вашемъ письмѣ книгу вашу. Ученая ваша дѣятельность составляетъ наилучшее доказательство вашей преданности къ наукамъ и мнѣ пріятно увѣрить васъ, что мое усердіе къ развитію оныхъ всегда равняться будетъ съ любовью къ просвѣщенію. Примите, м. г., вмѣстѣ съ моею благодарностью увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи. Графъ Уваровъ. 7 января 1850 г.".

Изъ писемъ царевича Алексѣя Петровича я дѣлаю такой выводъ. Онъ есть жертва, принесенная Петромъ семейнымъ, Екатерининымъ и Меншикова, разсчетамъ. Царевичево воспитаніе и образованіе совершенно было пренебрежено. Оно было поручено выходцу, нѣмцу

Гизену, который вмѣсто того, чтобы заниматься съ ученикомъ, пускался въ политику, ѣздилъ по иностраннымъ дворамъ хлопотать о княжьемъ титулѣ, въ Вѣнѣ, для Меншикова; своего питомца отрывалъ отъ ученья, возя смотрѣть на осады ничтожныхъ крѣпостицъ. Но было и того хуже, когда наблюдателемъ за воспитаніемъ и направленіемъ наслѣдника престола былъ назначенъ безграмотный и необразованнѣйшій хищникъ Меншиковъ. Однако, не смотря на весь дурной подборъ учителей и руководителей, царевичъ грамотностью владѣлъ лучше, чѣмъ его отецъ. На 17 году возраста, при болѣзненности, царевичъ, однако, успѣшно исполняетъ данныя ему порученія. Среди такого тяжелаго времени, въ какое была ведена война съ Карломъ XII, царевичъ заготовляетъ резервы, оружіе, провіантъ для арміи, что въ обвинительномъ слѣдствіи все умолчано, и во все это время только однажды онъ получилъ напоминаніе царя (см. письмо № 43), „чтобъ врученныя дѣла какъ наискоряя управлялъ“. На что царевичъ тотчасъ отписалъ: „изволь извѣститься отъ другихъ, что истинно со всякимъ прилежаніемъ врученныя дѣла управливаемъ какъ возможно скоро“. Виноватому такимъ тономъ невозможно было говорить съ царемъ. Дѣятельность царевича видимо исчезаетъ съ половины 1709 года, т. е. послѣ Полтавской битвы. Всѣмъ розданы награды, а о царевичѣ нигдѣ ни слова. Впрочемъ, не столько это, сколько принужденіе жестокосердаго отца — Катерину (служившую прежде у Шереметева, потомъ Меншикова и выкреста изъ жидовъ Девіера, а теперь у Петра) признать „матушкою“, которую до того, вмѣстѣ съ отцомъ, кликалъ „маткою“, и, по ея безграмотству, быть ея секретаремъ (письма № 110 и № 114) и, что хуже всего, сопутствовать ей за границу, гдѣ европейскіе дворы ее не признавали въ качествѣ законной жены царя. Все это, конечно, возмущало духъ царевича, съ молокомъ матери всосавшаго „мѣстничество“, и, собравшись въ одно, порвало и безъ того слабую связь отца съ сыномъ. А тутъ подвертывается низкій плотоугодникъ Меншиковъ, составившій планъ низверженія царевича и возведенія на престолъ сына Екатерины. Не иначе, какъ съ вѣдома Меншикова, князь Вяземскій подставляетъ царевичу чухонку Афросинью, умѣвшую вкрасться въ сердце неопытнаго царевича. Алексѣй радъ былъ домашней скромной связи. Хотя распутство свое могъ

удовлетворять явно, по примѣру отца, любившаго свободное время проводить не въ семьѣ, но въ австеріяхъ и ассамблеяхъ, гдѣ курили, пили, заставляли напиваться самихъ дамъ и затѣмъ открывали вакханаліи. Какъ же царевичу, смотря на все это, не сдѣлаться пьяницею, когда попойка считалась почти законнымъ офиціальнымъ дѣломъ (письмо № 105), и какъ молодому человѣку быть цѣломудреннымъ?... Алексѣй былъ еще не развращенъ, онъ былъ совѣстливъ; хотѣлъ „прикрыть грѣхъ“ женитьбою на забеременѣвшей Афросиньѣ. Противъ воли и желанія ему навязали чопорную нѣмецкую принцессу, о которой тогда же ходили невыгодные слухи. Итакъ, интрига началась. Царь, въ надеждѣ имѣть отъ Катерины наслѣдника, требуетъ отъ царевича отреченія отъ престола. Приверженцы старины и мѣстничества, знать боярская и духовенство, совѣтуютъ отказаться и склоняютъ или временно постричься въ монахи, или уѣхать за границу и пробыть тамъ дотоль, пока отецъ умретъ, здоровье котораго отъ трудовъ и оргій видимо слабѣло. Пользуясь доступомъ пройдохи новгородскаго архимандрита Варлаама къ старой царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и къ царевнамъ Натальѣ, Марьѣ и др., и Катерина заводитъ съ нимъ переписку и свиданія и отъ него вывѣдываетъ тайны семейныя и, можетъ быть, заговоръ о бѣгствѣ царевича за границу. Катерина въ увеличенномъ видѣ все пересказываетъ всегда крутому, свирѣпому и подозрительному Петру, у котораго съ похмѣлья часто болѣла голова, неспособная на хладнокровное размышленіе. Меншиковъ все узнаетъ чрезъ Афросинью, и ѣдущему царевичу за-границу совѣтуетъ взять Фроську съ собою; даетъ ему собственныя деньги, на которыя онъ былъ скупъ и жаденъ. Тайна укрывательства, даже австрійскаго, открыта, разумѣется, Фроською. Царевичъ выданъ и хищные опричники Петровы—Толстой и Румянцевъ везутъ безхарактернаго юношу на мучительную казнь, хотя царевичу было обѣщано забвеніе всего прошлаго. На бѣду царевича, Катерина разрѣшается сыномъ Петромъ и судьба законнаго наслѣдника престола рѣшена. Петръ съ Меншиковымъ, 24-го іюня 1818 г., идутъ къ заточеннику въ Петропавловскую крѣпость; тоже и на другой день, а 26-го числа царевичъ обнародывается умершимъ. 27-го числа царь весело празднуетъ Полтавскую викторію!! Дѣти, рожденныя Катериною отъ Петра

(зараженнаго недугомъ), были недолговѣчны. Гнѣвъ Божескій въ этомъ дѣлѣ проявился мстителемъ Меншикову за отца, въ лицѣ Петра II. Петръ Андр. Толстой, въ день смерти Петра I, былъ пожалованъ графскимъ титуломъ, однако-же, объявленнымъ только въ 17 .. г. Самодержцу, пренебрегавшему общественнымъ мнѣніемъ, совѣстно показалось тотчасъ объявить народу о наградѣ опричнику.

Нѣкоторою помѣхою въ окончательной отдѣлкѣ изданія писемъ царевичевыхъ была моя мѣсячная поѣздка по порученію попечителя округа, М. Н. Бугайскаго, для осмотра училищъ екатеринославской дирекціи. Осмотрѣвъ ихъ и повѣривъ на экзаменахъ учениковъ съ дѣлаемыми имъ аттестаціями въ Екатеринославской и Таганрогской гимназіяхъ и нѣкоторыхъ училищахъ, я подалъ попечителю свое заключеніе и о замѣченныхъ недостаткахъ откровенно разсказалъ, чѣмъ, кажется, не угодилъ начальнику, не желающему видѣть въ своемъ управленіи несовершенства. Годъ этотъ я завершилъ написаніемъ „Обзора православной іерархіи тѣхъ мѣстъ, которыя составляютъ нынѣ Новороссійскій край и Бессарабію“, для новороссійскаго календаря, а для „Временника“, издаваемаго московскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ, послалъ актъ времени перваго самозванца—„Отказную запись $\frac{7117}{1609}$ года“. Этому обществу я признателенъ за то, что оно, послѣ митрополита Евгенія, первое меня поощрило къ занятіямъ по отечественной исторіи. „За полезные труды по части отечественныхъ древностей“ общество 11-го апрѣля 1836 года избрало меня своимъ дѣйствительнымъ членомъ. 2-го декабря „за отлично усердную службу и особые труды“ я былъ пожалованъ знаками ордена св. Анны 2-й степени, украшенной императорскою короною.

XXVI.

Состояніе Ришельевскаго лицея при попечителѣ Бугайскомъ (1850 г.). — Одесское общество.—Градоначальники Ахлестышевъ и Казначеевъ. — Неудавшійся романъ Н. Н. Мурзакевича. — Поѣздка въ Петербургъ и въ Москву.—Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ.—Гр. С. С. Уваровъ; кн. А. С. Сибирскій; герцогъ Лейхтенбергскій.—Представленіе вел. кн. Константину Николаевичу и Государю Наслѣднику Александру Николаевичу.—П. А. Плетневъ.—Вѣсти изъ Кіева объ арестѣ Костомарова и Кулиша.—Кн. В. А. Долгоруковъ; кн. М. А. Оболенскій; М. П. Погодинъ; А. Д. Чертковъ; О. М. Бодянскій.—Возвращеніе въ Одессу.—Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ.—Поѣздка въ Малороссію.—Изданіе рукописи „о казакахъ запорожскихъ кн. Мышецкаго“ и „устнаго повѣствованія бывшаго запорожца Л. Коржа“ (1851 г.).

Тягостны для меня воспоминанія о 1850 годѣ. Но рѣшившись изложить исповѣдь мою безъ утайки, скажу и о тяжкой двойной моей борьбѣ. Наплывъ богатыхъ польскихъ семействъ, подъ предлогомъ воспитанія дѣтей въ Одессѣ, гдѣ власть грознаго кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова на нихъ не простиралась, имѣлъ пагубное вліяніе на лицей. Подъ предлогомъ приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ студенты лицея, но дѣйствительно для того, чтобы связать свои сношенія съ заграничными патріотами, поляки, щедрою рукою отсыпая деньги за уроки, деморализировали многихъ профессоровъ. Прежняя скромная, умѣренная и безупречная жизнь ихъ, соблазненныхъ легкою наживою денегъ, рѣзко и быстро измѣнилась и перешла въ картежный разгулъ. Попечитель М. Н. Бугайскій (удаленный Клейнмихелемъ изъ корпуса путей сообщенія), достигшій этого мѣста по протекціи родственницы своей жены, фрейлины Нелидовой, директоръ N и болѣе вліятельные профессоры: Генр. Брунъ, Левтеропуло, Линовскій—съ 8 часовъ вечера, почти ежедневно, упражнялись въ картахъ или дома, или въ клубѣ. Генр. Брунъ даже умеръ въ клубѣ и за картами. Фамильярное сближеніе начальника съ подчиненными повело къ тому, что попечитель на профессорскія продѣлки своихъ партнеровъ сталъ смотрѣть сквозь пальцы. Лихоимство развивалось съ каждымъ днемъ: пріемы въ студенты, переводы изъ курса въ курсъ и выпуски сопровождались циническими вымогательствами

преподавателей: Линовскаго, Камарницкаго, Зеленецкаго, Петровскаго, Гассгагена. Писались за деньги даже сочиненія для студентовъ! Почти всѣ профессора давали частные уроки и за это покровительствовали денежнымъ; за то строгость ихъ обрушивалась на бѣднякахъ. Жалобы попечителю улаживались за игорнымъ столомъ. Тріумвиратъ оппозиціонный, состоявшій изъ Соколова, Кузьмина и меня, былъ слабъ и при большинствѣ голосовъ безсиленъ. И Соколовъ, при всемъ безкорыстіи, увлекся страстью къ игрѣ. Профессора держали у себя на квартирѣ студентовъ, въ качествѣ пансіонеровъ; но о нравственномъ надзорѣ за ними у многихъ не было и въ поминѣ. Панычамъ нужна была только протекція. Жившій у профессора философіи панычъ Ягницкій блистательно проходилъ курсъ въ сосѣднемъ публичномъ домѣ и кончилъ общею бойнею, на которой замертво укололи студ. Булатова; у проф. чистой математики отецъ не нашелъ своего сына, двѣ недѣли гдѣ-то пропадавшаго, о чемъ менторъ и не подозрѣвалъ. Тогда-то и начались въ профессорскомъ кружкѣ постройка домовъ, покупка обширныхъ мѣстъ для этой же цѣли, арендованіе земель... Невесело было тѣмъ немногимъ, которые не соглашались съ большинствомъ. По себѣ скажу, положеніе ихъ было тягостное. Эти обстоятельства осуждали почти на полное уединеніе. Въ городѣ коммерческомъ семейная жизнь ведется инымъ образомъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Бываютъ дни въ году, когда званые вечера или балы сближаютъ общество; но затѣмъ—двери на запоръ. Мужъ сидитъ въ клубѣ или казино, жена дома съ семьею или одна. Еженедѣльныя собранія у князя Воронцова, съ выѣздомъ его на Кавказъ, должны были прекратиться. Бывшій военнымъ губернаторомъ Одессы Дм. Дм. Ахлестышевъ, котораго семейный кругъ поддерживался какъ его умною и доброю женою, такъ и имъ самимъ, по случаю назначенія его въ Москву сенаторомъ закрылся.

Въ Ахлестышевѣ Одесса потеряла одного изъ лучшихъ своихъ градоначальниковъ, занимавшагося безкорыстно и съ видимою для города пользою. Ему городъ обязанъ устройствомъ тротуаровъ, площадей, городоваго кладбища, госпиталя, сиротскаго училища, русскаго театра и нѣсколькими древесными плантаціями. Назначенный градоначальникомъ Ал. Ив. Казначеевъ и его благовѣрная супруга—„синіе чулки“, по многимъ причинамъ, не

могли собрать вокругъ себя общество, въ которомъ съ пріятностью можно было бы отдохнуть отъ трудовъ. Оставалось небогатое семейство П. П. Титова, достаточно поплатившагося за извѣстное 14-е декабря, брата константинопольскаго посла; его супруга Юл. Мих. была дочь коменданта, убитаго въ 1831 году въ Варшавѣ. У нихъ собирались: добрые старики—оба Катакази (изъ нихъ одинъ бывшій греческій посланникъ), Негри, иногда графъ Л. С. Потоцкій (сынъ перваго харьковскаго попечителя), Казначеевы и пріѣзжая изъ Москвы кн. Щ. съ промотавшимся въ пухъ мужемъ. Мужъ, по неисправной поставкѣ дровъ въ одно казенное мѣсто, скрылся, оставивъ по себѣ викарія въ лицѣ К. О., служившаго членомъ въ „мытарьнѣ“ (таможнѣ?). Дочь бѣдныхъ и неблагородныхъ родителей мнѣ понравилась, сколько своею прекрасною наружностію, столько и благородствомъ характера. Дружественному сближенію охотно благопріятствовала мать; свиданія наши были почти ежедневныя и обратились въ привычку. Разговоры о скучной холостой жизни и похвальной семейной чаще и чаще велись матерью, въ присутствіи дочери. Такъ минули зима, весна и лѣто. Преградъ не существовало никакихъ. Холостое общество Н. П. Ильина, Л. С. Пушкина [1]), М. А. Кологривова, кн. Васильчикова и другихъ я почти забылъ, готовясь къ семейной жизни... Но надобно же судьбѣ, чтобы викарій мужа истратилъ казенныя деньги, а находчивая его подруга открыла неожиданно ларчикъ, изъ котораго 43,000 р. были тотчасъ внесены въ кассу. Ссудившій эти деньги, нѣкогда блистательный гусаръ, а теперь благороднѣйшій старый полковникъ, въ одну недѣлю покончилъ дѣло. Богато убранную, полумертвую невѣсту изъ церкви прямо усадили въ дорожную карету, которая остановилась только въ военномъ поселеніи, гдѣ среди ночи встрѣтили молодыхъ блестящіе офицеры съ факелами. Старый мужъ денегъ никогда обратно не получилъ. Его больнаго увезли въ теплыя страны, а молоденькая жена была обречена на роль сидѣлки при паралитикѣ, до самой его смерти.

„Ахъ люди, люди злые!“...

Съ восторженною радостію привѣтствовалъ холостой кружокъ возвратившагося блуднаго сына. Давній, добрый знакомый, графъ

[1]) Л. С. Пушкинъ—родной братъ поэта. Кн. В. Д.

Карлъ Карловичъ Ламбертъ почасту сводилъ рѣчь на изреченіе славнаго доктора Панглоса: „все идетъ къ лучшему!“ Что же касается меня, то на мою долю приходилось встрѣчать потомъ и другія прекрасныя личности, увлекавшія меня пластическою красотою. Пріятели не разъ ожидали, что мои ухаживанья за Р. Г. Л. кончатся гименеевыми узами. Но прежняго счастья я не находилъ. Видно счастье, какъ цвѣтъ Ивана-Купалы (приносящій возможность пользоваться всѣми благами на землѣ и подъ землею), дается въ руки только однажды...

Работы мои въ теченіи всего этого года шли плохо: конченныя статистическія тетради о Бессарабіи я сдалъ на руки губернатору П. И. Ѳедорову. Свѣдѣнія мои кстати пригодились Константину Ивановичу Арсеньеву, прибывшему изъ С.-Петербурга въ Бессарабскую область, по особенному порученію министерства. Два дня провелъ я съ нимъ въ Аккерманѣ и лично передалъ ему разныя свѣдѣнія, а также и карты. Арсеньевъ, возвращая ихъ (5-го сентября), писалъ: „что онѣ ему были очень полезны“. Тяжелый годъ мой заключилъ я статейкою для календаря, разумѣется новороссійскаго: „Одесская городская публичная библіотека и ея успѣхи“. Затѣмъ я отправился въ Москву и С.-Петербургъ, чисто для разсѣянья.

Прибывъ въ С.-Петербургъ на другой день новаго 1851 года, я, послѣ короткаго отдыха, явился въ министерство по заведенному обычаю. Новый министръ князь Ширинскій-Шихматовъ встрѣтилъ меня дружественно, разсказалъ о сдѣланной имъ поѣздкѣ въ Казань и о задуманномъ планѣ, въ курсъ университетскаго преподаванія ввести педагогію, и покончилъ приглашеніемъ бывать у него въ домѣ. Отставнаго министра графа Уварова я нашелъ въ полупараличномъ состояніи. Борьба его съ графомъ Строгановымъ кончилась обоюднымъ паденіемъ. Русское просвѣщеніе въ двухъ этихъ умныхъ и энергическихъ личностяхъ понесло огромную утрату. Маленькій кружокъ Сергѣя Семеновича Уварова въ этотъ разъ составляли: И. И. Давыдовъ, теперь директоръ педагогическаго института, и московскій профессоръ Грановскій. За обѣдомъ мы перекидывались отрывочными разговорами, а послѣ него убивали время картами. Heu mihi! Зараза эта, значитъ, не въ одномъ лицеѣ. При частыхъ свиданіяхъ съ сыномъ Сергѣя Семеновича—Алексѣемъ и съ княземъ

А. С. Сибирскимъ, я имѣлъ случай познакомиться со многими неизвѣстными мнѣ экземплярами древнихъ монетъ нашего края. Оба любителя не щадили денегъ на увеличеніе своихъ минцъ-кабинетовъ, дѣйствительно, прекрасныхъ. И все это потихоньку шло къ нимъ изъ Керчи. Своевольное преслѣдованіе находокъ и даже насильственныя отбиранія ихъ у керченскихъ жителей наглымъ Ашикомъ породили монетную контрабанду. Находки не шли въ эрмитажъ или музеи, но тайно распродавались или перетапливались; послѣднее Ашикъ дѣлалъ чаще, послѣ замѣченнаго министромъ Перовскимъ вывоза за границу керченскихъ древностей, обстоятельство, мнѣ неизвѣстное, но въ 185* году лично мнѣ переданное, въ Одессѣ, графомъ А. А. Перовскимъ. Въ этотъ разъ я нашелъ господствующею въ богатой петербургской молодежи страсть къ археологіи и нумизматикѣ. Начиная отъ самого царя, дѣятельно занимавшагося устройствомъ чудеснаго эрмитажа, министра удѣловъ графа Перовскаго, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, всѣ (кто только желалъ попасть во дворецъ предсѣдателя археологическаго общества, гдѣ происходили частыя засѣданія членовъ) старались волею-неволею прикинуться археологомъ. Умерли Перовскій, Лейхтенбергскій и блестящее общество мало-по-малу поросло травою и мхомъ. Теперь надобно дать премію за отысканіе с.-петербургскаго археологическаго общества (1851 г.). Всѣ разбѣжались, начиная съ перваго его секретаря, ловкаго и вкрадчиваго г. Кене.

Въ это время я сблизился съ графомъ Іосифомъ Карловичемъ Ламбертомъ, вслѣдствіе письма, даннаго мнѣ его братомъ графомъ К. К. Открытый, благородный характеръ этого рыцаря чести и правды многимъ извѣстенъ. Тогда же я представлялся: великому князю Константину Николаевичу и государю наслѣднику; привѣтъ и ласка ихъ были прежніе.

Опера, вечера у старыхъ и новыхъ знакомыхъ, въ томъ числѣ у П. А. Плетнева, къ которому я имѣлъ письмо отъ Гоголя, завершали хлопотливыя утра. Отъ Плетнева я узналъ объ опалѣ, постигнувшей въ Кіевѣ Костомарова и Кулиша. Ихъ подвергли полицейскому преслѣдованію за малороссійскій сепаратизмъ [1]).

[1]) Это не точно. О малороссійскомъ сепаратизмѣ не могло быть рѣчи, такъ какъ Н. И. Костомаровъ никогда ему не сочувствовалъ. А Костомаровъ, Кулишъ и нѣкоторыя другія лица старались о возбужденіи взаимности

Костомарова, адъюнкта университета, сослали въ Саратовъ, на службу въ губернаторскую канцелярію, Кулиша, отправлявшагося за-границу, возвратили и помѣстили въ С.-Петербургѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. О всемъ этомъ писалъ мнѣ Кулишъ, не жалуясь на свою судьбу. Костомарова же я потерялъ изъ виду и встрѣтился съ нимъ уже въ 1852 году, въ Керчи, на курганныхъ раскопкахъ. Не могу не вспомнить также и того радушнаго, теплаго гостепріимства, которымъ я пользовался въ домѣ военнаго министра князя Василія Андреевича Долгорукова. Знакомство со мною началъ князь еще въ 1845 году, во время частыхъ его побывокъ въ Одессѣ. Тогда онъ состоялъ начальникомъ штаба военныхъ поселеній, въ Кременчугѣ. Жена его (урожденная графиня Сен-При) Ольга Карловна, для здоровья и для воспитанія дѣтей, жила въ Одессѣ. Два раза въ недѣлю въ ея гостиной собирались потолковать обо всемъ дѣльномъ: П. П. Титовъ, графъ М. Д. Толстой (братъ Е. Д. Лачиновой), Гавр. Ант. Катакази, Гр. Ив. Соколовъ [1]) и я. И въ С.-Петербургѣ въ гостиной министра я былъ попрежнему откровененъ и имѣлъ духъ высказать мнѣніе, что венгерская война надѣлаетъ Россіи множество враговъ. Князь промолчалъ. Показали мнѣ только что выпущенную съ монетнаго двора медаль въ память венгерской войны. И тутъ я смѣло высказался противъ рисунка медали. На другой день передавали мнѣ остроту князя Меншикова, поправившаго надпись сказанной медали вмѣсто: «съ нами Богъ!» — „Богъ съ ними!“

между малороссіянами и другими славянскими народностями, объ обмѣнѣ мыслей и взглядовъ на свою исторію и на произведенія литературъ. Символическимъ знакомъ такой взаимности были кольца съ именами Кирилла и Меѳодія — первоучителей славянства. Эти кольца послужили главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія... едва ли не въ возбужденіи всего славянства противъ своихъ правительствъ... Въ то время мы никому не дозволяли вмѣшиваться въ наши дѣла и, въ свою очередь, строго избѣгали вмѣшательства въ дѣла, казавшіяся намъ чужими. О дѣятельности нашихъ теперешнихъ славянскихъ комитетовъ тогда не могло быть никакой рѣчи. Кн. В. Д.

[1]) Всѣ эти лица хорошо извѣстны въ одесскомъ обществѣ: П. П. Титовъ, декабристъ, братъ В. П. Титова, члена госуд. совѣта; гр. Мих. Дм. Толстой, бывшій много лѣтъ президентомъ импер. общ. сельскаго хоз. Южной Россіи; Г. А. Катакази, богатый бессарабскій землевладѣлецъ; Г. И. Соколовъ, инспекторъ Ришельевскаго лицея, женатый на сестрѣ М. М. Кирьякова. Кн. В. Д.

На возвратномъ пути въ Одессу я провелъ десять дней въ Москвѣ, въ семействѣ Лачиновыхъ, переселившихся сюда въ 1841 году. Кромѣ прежнихъ знакомствъ въ кругу ученыхъ я пріобрѣлъ новое, въ лицѣ страстнаго любителя отечественной старины князя Михаила Андреевича Оболенскаго, начальника стараго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Бѣдный М. П. Погодинъ жаловался на медвѣжью услугу Гоголя, отъ котораго я привезъ письмо. Гоголь осень и зиму 1849 г. проводилъ въ Одессѣ: обѣдали мы ежедневно вмѣстѣ и бо́льшею частію проводили и вечера вмѣстѣ. Гоголь въ своихъ „Письмахъ“ справедливо осуждалъ неизъяснимую „поспѣшность“ Погодина во всѣхъ его дѣлахъ, которая ему и другимъ часто вредила. Въ Москвѣ почти всѣ свои вечера я проводилъ у А. Д. Черткова, сдѣлавшагося въ это время отчаяннымъ славянофиломъ. Начитанный, благородный старикъ даже въ этрусскихъ надписяхъ видѣлъ славянское нарѣчіе. Прежняго моего спутника Іосифа М. Бодянскаго я засталъ въ опалѣ за помѣщеніе въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ — „Сказанія о Россіи, англичанина Флетчера“. Неосмотрительнаго редактора удалили отъ секретарства по обществу и перевели въ казанскій университетъ, куда упрямый малороссіянинъ не поѣхалъ, и теперь сидитъ безъ должности. „Чтенія“ замѣнены „Временникомъ“ общества, а секретаремъ избранъ И. Д. Бѣляевъ. Бывъ въ одномъ засѣданіи этого общества, къ удивленію, я нашелъ его въ маленькой комнаткѣ, въ домѣ стараго университета. Кромѣ двухъ шкафовъ, наполненныхъ незначительнымъ количествомъ монетъ, вещицъ и книгъ, я ничего особаго не нашелъ въ обществѣ, возстановленномъ послѣ безумнаго Растопчинскаго пожара Москвы. Въ тридцать пять лѣтъ, кажется, можно имѣть хорошій музей! Вотъ что значитъ не имѣть своего уголка. Извѣстное дѣло, что вещи, книги и пр., переходящія отъ одного секретаря къ другому, портятся, теряются; между тѣмъ положенныя въ опредѣленный уголъ остаются цѣлыми. Вотъ вслѣдствіе-то этихъ побужденій я настоятельно хлопоталъ о построеніи для нашего одесскаго общества исторіи и древностей музея. Благодаря содѣйствію нашего почетнаго президента, князя М. С. Воронцова, выпросившаго у государя изъ заемнаго банка 4,000 рублей, на правилахъ 36-лѣтняго займа, въ 1842 году музей

былъ открытъ для публики. А теперь, благодаря добрымъ людямъ, богатства его мало-по-малу приращаются.

По случаю преждевременныхъ оттепелей, мой обратный путь сопровождался трудно-проѣзжаемою грязью, а въ Херсонской губерніи разливомъ рѣчекъ. Подъ дряннѣйшимъ изъ городовъ Бобринцемъ, переѣзжая въ бродъ черезъ р. Сугаклею и не попавъ ночью на извѣстную ямщикамъ примѣту, я едва не унесенъ былъ потокомъ воды. Всякую весну и осень бываютъ подобныя сцены, но заботливое губернское и почтовое начальства не обращаютъ на это вниманія, даже не ставятъ вѣхъ для указанія дороги. Объ этомъ я вписалъ жалобу въ жалобную станціонную книгу. Помощникъ почтъ-инспектора, поэтъ Андрей Ив. Подолинскій, наивно называетъ эти книги „альбомами для проѣзжающихъ“.

Проводивъ Н. В. Гоголя на его родину, гдѣ онъ хотѣлъ въ семействѣ встрѣтить Пасху, я предался полному бездѣйствію. Во весь этотъ годъ мною владѣла какая-то умственная апатія. Вяло подвигались даже заготовленіе и просмотръ матеріаловъ для третьяго тома Записокъ. Лѣтнюю вакацію я весело и разсѣянно провелъ въ Полтавской губерніи, среди прекраснаго музыкальнаго семейства П. Г. Родзянки. Возвратясь, я нашелъ на смертномъ одрѣ душевно любимаго мною нашего вице-президента А. Ѳ. Негри. Ветхій старикъ, въ вечернюю прогулку, оступился и надломилъ себѣ ногу. Неискусное водолеченіе произвело воспаленіе въ нижней части тѣла. И только здоровая натура больнаго, вообще ведшаго правильную жизнь, подняла его съ постели. Негри былъ женатъ на родной сестрѣ братьевъ Ипсиланти, изъ которыхъ князь Александръ въ 1821 году затѣялъ неблагоразумное возстаніе этеристовъ, въ пухъ разбитыхъ турками при р. Прутѣ (по ту сторону м. Скулянъ).

Годъ этотъ закончилъ статейкою, помѣщенной въ календарѣ: „Музеумъ одесскаго общества исторіи и древностей“; это коротенькій указатель пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ.

Найденная рукопись въ библіотекѣ князя Воронцова: „Исторія о казакахъ запорожскихъ, какъ оные издревле зачалися и откуда свое происхожденіе имѣютъ“, представленная мною на просмотръ князя Михаила Семеновича въ Тифлисъ, была

пополнена многими примѣчаніями С. В. Сафонова, и въ этомъ же 1851 г. издана на счетъ общества. Авторъ ея, инженеръ-прапорщикъ князь Мышецкій, былъ посланъ въ 17.... для узнанія Сѣчи. Книжечка эта служила дополненіемъ прежде изданныхъ мною, въ 1842 году, „Устныхъ повѣствованій бывшаго запорожца Л. Коржа". Столѣтній старецъ кончилъ свои дни въ архіерейскомъ домѣ архіепископа екатеринославскаго Гавріила; преосвященный, вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи, Іаковомъ (впослѣдствіи архіепископомъ нижегородскимъ), записали слово въ слово разсказы Коржа и, такимъ образомъ, обогатили исторію новороссійскаго края драгоцѣннымъ матеріаломъ. Рукопись эта, ходя по рукамъ, достигла г. С—скаго, который, не спрося согласія архіепископа, позволилъ себѣ передѣлать ее и напечатать въ журналѣ „Министерства народнаго просвѣщенія". Но первый редакторъ, недовольный такою продѣлкою, упросилъ меня издать разсказъ, какъ онъ говорилъ, „въ собственномъ тонѣ очевидца-разсказчика".

XXVII.

Пріѣздъ въ Одессу гр. Л. А. Перовскаго (1852 г.).—Его отзывъ о раскопкахъ, производившихся Ашикомъ. — По приглашенію гр. Перовскаго, Н. Н. Мурзакевичъ отправляется въ Крымъ.—Раскопки въ Керчи.—Путешествіе на верблюдахъ въ Перекопъ.—Письмо гр. Л. А. Перовскаго, по поводу замѣчательныхъ археологическихъ находокъ въ Таманн.—Встрѣча въ Одессѣ съ М. Н. Муравьевымъ; его неудовольствіе противъ попечителя лицея Бугайскаго.—Смерть Г. И. Соколова.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1852 г. посѣтилъ Одессу, грозный для чиновничества, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Л. А. Перовскій. При обозрѣніи лицея, онъ зашелъ ко мнѣ на лекцію русской исторіи, послѣ которой познакомился со мною. Одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ со мною, посвященъ имъ былъ на разсказъ о разныхъ продѣлкахъ въ Керчи г. Ашика и его зятя, лекаря Арпы (мальтійца), рѣшившихся отнять честь открытія въ Керчи двухъ древнихъ греческихъ мраморныхъ статуй, случайно найденныхъ однимъ мѣщаниномъ... Ашикъ, давно проживавшій въ Одессѣ, въ изданныхъ брошюрахъ, русской и французской, оповѣщалъ Европу, что находка предъуказана

имъ, а Арпа приписывалъ ее себѣ. Графъ Л. А. Перовскій, произведя разслѣдованіе на мѣстѣ и обнаруживъ наглый обманъ и хищеніе, все это опубликовалъ въ журналѣ своего министерства, а Ашика уволилъ отъ должности директора керченскаго музея. Множество различныхъ поступковъ вандализма и высылки древностей за границу пересказалъ мнѣ графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Какъ я прежде упоминалъ, дѣло раскрытія кургановъ для науки было потерянным. Надлежало подумать о спасеніи остальнаго. А. Е. Люценко, инженеръ путей сообщенія, мой знакомый по Тифлису, былъ назначенъ директоромъ и музея, и всѣхъ курганныхъ раскопокъ. Для руководства ему былъ данъ планъ, въ которомъ точно обозначено систематическое вскрытіе гробницъ, съ сопровожденіемъ подробной описи находокъ. Спутниками министра въ эту поѣздку были г. Надеждинъ и князь А. А. Сибирскій. Вслѣдствіе приглашенія графа побывать вмѣстѣ съ нимъ въ Крыму, я, по окончаніи студенческихъ экзаменовъ въ лицеѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, отправился на пароходѣ въ Евпаторію, надѣясь застать его еще здѣсь; но наканунѣ моего пріѣзда онъ уѣхалъ на Сакскія цѣлебныя грязи, а оттуда къ себѣ, въ южнобережское имѣніе Меласъ. Зная, что графъ прибудетъ въ Керчь, я отправился туда; но неизвѣстныя мнѣ причины заставили его прожить долѣе въ Меласѣ. Осмотрѣвъ всю окрестность классической Керчи, я присутствовалъ при вскрытіи нѣкоторыхъ кургановъ градоначальникомъ, княземъ Дм. Ив. Гагаринымъ. Въ одной изъ изсѣченныхъ въ крѣпкой глинѣ гробницъ, ниже горизонта земли, была открыта деревянная гробница, съ изящными лѣпными орнаментами, но лишь только внѣшній воздухъ коснулся гробницы, все налѣпленное свернулось въ комочки и исчезло такъ мгновенно, что даже проворная рука опытнаго рисовальщика не могла охватить общности рисунка. Тутъ я вспомнилъ и понялъ миѳическій разсказъ объ освобожденіи Орфеемъ изъ нѣдръ аида своей жены Эвридики. Изъ Керчи я вернулся снова въ Евпаторію и отсюда, нанявъ татарскую арбу о двухъ верблюдахъ, въ полномъ татарскомъ комфортѣ, направилъ путь прямо степью на Перекопъ. Переѣздъ мой совершился въ два дня, съ ночлегами. Ночью, ѣдучи, я не понималъ, какъ мой возница (арбаджи) не сбивается съ дороги; но присматриваясь изъ-подъ холстянаго навѣса кибитки къ степной

пустынѣ, я примѣтилъ одну звѣздочку, которая во всю ночь не выходила изъ мысленно намѣченной мною линіи. Сообщивъ объ этомъ, утромъ, татарину, я получилъ отъ него подтвержденіе моей догадки, что путь свой, днемъ, они направляютъ по небольшимъ курганчикамъ, а ночью по нѣкоторымъ неподвижнымъ звѣздамъ. Вечеромъ, не доѣзжая еще верстъ 15 до Перекопа, мнѣ показалось, что онъ отстоитъ всего версты на двѣ. Это было дѣйствіе «миража», который сближаетъ большія разстоянія, а кустарные бурьяны превращаетъ въ лѣса; нерѣдко впадина представляется озеромъ, а пасущіеся верблюды и скотъ принимаютъ образъ какихъ-то фантастическихъ животныхъ. Осмотрѣвъ перекопскій валъ и разбираемую турецкую крѣпостцу у Сиваша, я пустился на перекладной, по гладкой долинѣ, къ Херсону, и проѣхавъ двѣ особенно песчаныя станціи, добрался до Алешекъ, древняго Олешья, торговаго пути „изъ Руси въ Греки“, т. е. къ византійскому Херсону, коего слѣды замѣтны и теперь въ двухъ верстахъ отъ Севастополя. Въ Херсонѣ обѣщанныхъ документовъ времени Потемкина я не нашелъ; но вмѣсто ихъ получилъ отъ Л. А. Перовскаго письмо, въ которомъ онъ, отъ 17-го августа изъ Симферополя, писалъ слѣдующее:

— „Полагаю, что для васъ не безъинтересно будетъ знать, что во время раскрытія, въ присутствіи моемъ, гробницъ на Таманьскомъ полуостровѣ, близъ станціи Сѣнной, тамъ, гдѣ предполагается мѣстоположеніе древней Фанагоріи, въ одной изъ этихъ гробницъ, очевидно женской, посчастливилось сдѣлать замѣчательныя находки. Въ томъ числѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ глиняныя статуетки, покрытыя алебастромъ, съ остатками красокъ и позолоты, изъ коихъ одна представляетъ генія жизни и смерти, а другая молодаго Бахуса; обѣ онѣ, принадлежащія къ лучшимъ этого рода произведеніямъ древняго искусства, примѣчательны еще тѣмъ, что вынуты изъ земли въ сохранности, какой никакъ нельзя было ожидать, такъ какъ гробница, сдѣланная изъ неженаго кирпича, обвалилась, и отъ того внутренность ея вся до верху была засыпана землею. Кромѣ сего найдены тутъ: еще двѣ статуетки, изображающія, повидимому, вакханокъ; головной уборъ, въ видѣ діадемы, составленный изъ золотыхъ бляшекъ съ разными изображеніями и къ тому же убору принадлежащіе два массивныхъ золотыхъ аграфа

въ видѣ змѣекъ; ожерелье изъ золотыхъ бусъ и множество другихъ, болѣе или менѣе примѣчательныхъ, подробностей древняго костюма и погребальныхъ потребностей. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. P. S. Считаю не излишнимъ присовокупить еще для вашего свѣдѣнія, что, проѣзжая изъ Керчи чрезъ Ѳеодосію, я узналъ о недавнемъ открытіи тамъ слѣдовъ древней стѣны и башенъ, которыя должны, повидимому, принадлежать древней Эллинской Ѳеодосіи. Графъ Л. Перовскій".

Это письмо, изъ числа другихъ, я помѣщаю для того, чтобы обличить злоупотребленія, бывшія при Ашикѣ и Корейшѣ. Они, въ офиціальныхъ донесеніяхъ, почти постоянно доносили, что многочисленные разрытые ими курганы, около Сѣнной, были безплодны. Съ своей стороны я доставилъ графу Перовскому дублеты отысканныхъ въ мою бытность въ Керчи мѣдныхъ монетъ воспорскаго архонта Асандра и нѣсколько другихъ.

По возвращеніи въ Одессу я встрѣтилъ на бульварѣ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга директора межеваго департамента, Михаила Николаевича Муравьева, въ то же время и вице-президента русскаго географическаго общества. Какъ знакомый, представленный ему въ С.-Петербургѣ Константиномъ Ивановичемъ Арсеньевымъ, я представился ему и здѣсь, и отъ него узналъ, что онъ прибылъ съ цѣлію, чтобы присоединить къ математическому отдѣленію лицея предполагаемое имъ къ учрежденію отдѣленіе межевщиковъ, необходимыхъ для окончанія размежеванія Бессарабіи, размежеванія, тянущагося около тридцати лѣтъ....

Во время продолжительнаго его пребыванія въ Одессѣ мнѣ привелось неоднократно слышать его неудовольствіе на попечителя лицея, Бугайскаго, какъ за неудовлетворительное и несвоевременное доставленіе требуемыхъ отъ него свѣдѣній, такъ и за объясненія съ нимъ въ нетрезвомъ видѣ. Часто онъ говорилъ и о распущенности студентовъ, которая, дѣйствительно, начинала выходить изъ границъ терпимости. Система профессорскаго протектората, приносящаго скорые и хорошіе плоды, въ это время была сильно развита. Добросовѣстный инспекторъ Соколовъ оставилъ лицей около года тому назадъ, а съ его выходомъ молодежь осталась совершенно предоставленною самой себѣ. Изнурительное кровотеченіе, перешедшее въ быструю чахотку,

скоро свело въ могилу Григорія Ивановича Соколова; сожалѣніе объ умномъ, честномъ, дѣятельномъ и благотворительномъ человѣкѣ было общее. Архіепископъ Инокентій, изъ любви къ покойному, совершалъ погребеніе, а признательные студенты отнесли тѣло его на отдаленное отъ города кладбище. Къ сожалѣнію, рѣдкія умственныя и сердечныя способности этого человѣка заглушались его страстью къ картамъ, впрочемъ, не для выигрыша, но чтобы убить время въ многолюдствѣ, которое онъ страстно любилъ [1]).

XXVIII.

Внезапная ревизія Ришельевскаго лицея товарищемъ министра А. С. Норовымъ.—Общая паника въ лицеѣ.—Увольненіе отъ должности помощника попечителя и директора лицея. Назначеніе директоромъ лицея Н. Н. Мурзакевича (1852—53 гг.).—Ближайшіе поводы ревизіи лицея.—Непосредственные ея результаты, благопріятно отразившіеся въ мѣстномъ обществѣ.

Углубившись въ редакцію третьяго тома Записокъ, утромъ 7-го декабря (1851 г.) я былъ отвлеченъ отъ моихъ занятій повѣсткою изъ правленія лицея, приглашавшею меня, вмѣстѣ съ другими, явиться, въ полдень, къ товарищу министра народнаго просвѣщенія А. С. Норову. Онъ прибылъ въ Одессу, вечеромъ, 6-го числа, неожиданно для всего учебнаго начальства. „Трусъ велій бысть“ въ лицеѣ. Вопросы: зачѣмъ? для чего? предлагались всѣми и ни кѣмъ не разрѣшались. На оффиціальное представленіе пріѣзжему ревизору попечитель Бугайскій опоздалъ и при представленіи профессоровъ не могъ сказать о многихъ, какихъ предметовъ они состоятъ преподавателями. Директоръ лицея растерялся до жалости. Не понимаемъ и доселѣ: для чего г. Норовъ пересматривалъ, по списку, рѣшительно всѣхъ студентовъ; между тѣмъ это заняло цѣлое утро. Засимъ начались хожденія ревизора на всѣ лекціи. У меня былъ на двухъ лекціяхъ и на одномъ повтореніи пройденнаго студентами курса Бѣдный профессоръ всеобщей исторіи, Ф. К. Брунъ, едва дочиталъ свою лекцію.... Будучи меланхолическаго, сосредоточеннаго

[1]) Біографія его помѣщена въ „Записк. Одес. Общ. Ист. и Др.“ Н. М.

характера, онъ, прійдя домой, хватилъ себя бритвой по рукѣ; къ счастію, разрѣзъ пришелся неглубоко и своевременныя медицинскія пособія спасли его. Несчастный зналъ за собою нѣкоторыя послабленія относительно студентовъ; но онъ былъ, по баснѣ Эзоповой, тотъ волъ, который захватилъ клочекъ жертвеннаго сѣна. По вечерамъ инквизиторъ по одиночкѣ призывалъ къ себѣ каждаго профессора. Разспрашивалъ, мылъ голову нѣкоторымъ и покончилъ, наконецъ, тѣмъ, что по данной ему власти, 17-го декабря, рано утромъ, я получилъ увѣдомленіе попечителя слѣдующаго содержанія. „При настоящемъ обозрѣніи Ришельевскаго лицея и состоящей при немъ гимназіи съ благороднымъ пансіономъ г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія удостовѣрился въ необходимости дать симъ заведеніямъ иное направленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его п—во, полагая завѣдывающаго нынѣ Ришельевскимъ лицеемъ помощника моего уволить отъ управленія какъ лицеемъ съ гимназіею и благороднымъ при ней пансіономъ, такъ и прочими подвѣдомственными ему нынѣ учебными заведеніями, и впредь, до особаго распоряженія, поручить управленіе это вамъ,—въ предписаніи 16-го декабря № 7 требуетъ распоряженія моего, какъ объ увольненіи г. N. отъ управленія лицеемъ съ прочими заведеніями, такъ и о порученіи сего управленія вамъ. На семъ основаніи, предложивъ правленію Ришельевскаго лицея объ увольненіи г. N. отъ управленія лицеемъ и прочими заведеніями и сообщая вамъ о семъ, поручаю немедленно принять такое управленіе на себя, на законномъ основаніи, и о времени вступленія въ управленіе и принятіи всего на законномъ основаніи донести мнѣ“.

Давъ г. N. три дня сроку, на сдачу должности, 20-го декабря я вступилъ въ многотрудную обязанность. Не имѣвъ охоты быть бюрократомъ и никогда къ тому не готовясь, я откровенно высказался г. Норову, что если въ теченіи года не возмогу направить дѣло на ладъ, то откажусь. Труды предстояли серьезные, тяжкіе, а вознаграждающія все это матеріальныя выгоды были ничтожныя. Директорское жалованье, съ пенсіонерною прибавкою, едва достигало 2,000 руб., тогда какъ эту сумму я сполна имѣлъ отъ профессуры и библіотеки съ городскимъ музеемъ.

Обозрѣвая учебныя заведенія вмѣстѣ съ А. С. Норовымъ, я нашелъ бо́льшую часть ихъ въ жалкомъ состояніи. Хуже всѣхъ

оказались дѣвичьи пансіоны: тамъ дурно учили, еще хуже кормили, зимою рѣдко топили комнаты и позволяли многое „недозволяемое“. Въ этомъ отношеніи содержательница такъ называемаго „образцоваго пансіона“, получавшаго пособіе отъ города, Р—нова, всѣхъ превзошла. У нея несчастныя дѣвочки свободно отпускались на холостыя вечеринки. Русскій языкъ и Законъ Божій всюду замѣтно были ослаблены. Реформаты, протестанты и католики прозелитствовали надъ русскими дѣтьми безпрекословно; одни евреи были недоступны для новиціата.

Вся эта гроза, разрѣшившаяся сильнымъ переворотомъ, произошла отъ слѣдующихъ причинъ. Неизвинительныя послабленія студентамъ лицея, дѣланныя профессорами, вслѣдствіе лихоимства, исподоволь стали проникать и въ гимназію. Два учителя: В—въ, русскаго языка, и Д—скій, латинскаго, первые высказали свою ловкость въ опустошеніи кармановъ польскихъ панычей, не пренебрегая и карманными часами. Попечителемъ Бугайскимъ оба молодца были уволены изъ училищнаго вѣдомства. Долинскій поступилъ на полицейскую службу въ Бессарабіи, а другъ его остался безъ занятій. Въ одно прекрасное утро Воршевъ и Долинскій подаютъ записку исправляющему должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора Ѳедорову о дурномъ направленіи, даваемомъ въ Одессѣ дѣтямъ польскаго происхожденія, о предоставленной полякамъ свободѣ имѣть свои частные пансіоны и польскихъ учителей, и о пренебреженіи обученія русскому языку. Разумѣется, записка пошла въ ходъ. Съ другой стороны адъюнктъ лицея, отъявленнѣйшій взяточникъ, писатель студентамъ, за деньги, курсовыхъ сочиненій, сочинитель ябедъ и всякаго качества просьбъ, также съ своей стороны послалъ въ министерство доносъ, въ подобномъ духѣ съ Воршевымъ и Долинскимъ. Неудовольствіе генерала М. Н. Муравьева на пьяненькаго Бугайскаго, вѣроятно, переданное набожному министру, князю Ширинскому, вынудило его къ принятію крутой мѣры. И, такимъ образомъ, по высочайшему повелѣнію, налетѣлъ Авраамъ Норовъ, нѣкогда сладострастный [1]) авторъ „Путешествія по Сициліи, въ 1822 г.“, а теперь (1851 г.) паломникъ

[1]) См. его Путешествія, томы: I, стр. 66, 71, 83, 91, 123, 170, 184, 189, 219; II, стр. 9, 10, 29, 39, 59, 121, 133. Н. М.

и авторъ описанія Святой Земли; безногій, добрый, но крайне
разсѣянный старикъ, слушалъ всякія наушничества одесскаго
жандармскаго штабъ-офицера, тѣмъ не менѣе, въ чис
распоряженій Норова было одно, которое на всѣхъ ж
лало хорошее впечатлѣніе: это воспрещеніе профессо
давать студентамъ и поступающимъ въ студенты час
а также тѣхъ и других держать у себя пансіоне
для ученаго сословія обидная, но не отклоненная по
заботившимся только о самосохраненіи, и при том
степени, что онъ даже отрекся отъ многихъ своихъ
ній, словесно данныхъ своему покорнѣйшему слугѣ,
попечителя и директору лицея...

Никол. Никиф. Мурзак

Примѣчаніе. Здѣсь оканчиваются Записки Николая Мурзакевича. Въ бумагахъ, намъ сообщенныхъ его наслѣдн
нникомъ имѣются еще записныя тетрадки покойнаго, а т
переписка вице-президента Новороссійскаго Общества исторіи
но все это—это лишь матеріалъ, болѣе или менѣе цѣнный, къ
печатать же ихъ вслѣдъ за Записками непосредственно не
интереса.